

«Лексикографическая» эпиграмма Феофана Прокоповича

С. И. НИКОЛАЕВ,
кандидат филологических наук

Историка русской лексикографии не может не привлечь изящная эпиграмма Феофана Прокоповича (1681—1736), воздающая должное мучительному труду составителей словарей:

К сложению лексиков
Если в мучительския осуждён кто руки,
ждёт бедная голова печали и муки.
Не вели томить его делом кузниц трудных,
ни посылать в тяжкия работы мест рудных.
Пусть лексики делает: то одно довлеет,
всех мук роды сей один труд в себе имеет.

В рукописях и изданиях XVIII века эпиграмма встречается и под другим названием — «О труде в сочинении лексиконов» с пометой автора «Перевод Скалигеровой эпиграммы» или «Из Скалигеровых стихов о сочинении лексиконов», причём в рукописях приводился и латинский оригинал. В современных изданиях стихотворений Феофана Прокоповича комментарий к эпиграмме не даёт ни даты, ни повода её написания и сводится к пояснению, что это «перевод эпиграммы итальянского философа, филолога и поэта Ю. Ц. Скалигера (1484—1558)» (Прокопович Феофан. Соч. М.-Л., 1961. С. 489; здесь же приведён и латинский текст с подстрочным переводом). Между тем этот комментарий неверен, таких стихов в обширном поэтическом наследии Юлия Цезаря Скалигера нет. Однако указание самого Феофана Прокоповича — «Перевод Скалигеровой эпиграммы» — справедливо, просто эпиграмма написана не Юлием Цезарем, а его сыном Иосифом Юстом Скалигером (1540—1609), не менее знаменитым в своё время филологом (см. текст эпиграммы в кн.: Scaliger I. J. *Poemata omnia*, pt. 1. Leyden, 1615. P. 35).

Попытка расширить комментарий и установить, когда и почему эпиграмма была переведена, имеет своё основание. Дело в том, что Феофан Прокопович, обременённый многообразными церковными и государственными заботами, стихи писал от случая к случаю, всё его поэтическое наследие на «славянском» языке не превышает и тысячи строк. Из десятка написанных им эпиграмм почти все

приурочены к какому-либо событию или житейскому эпизоду, что и отражено в названиях: «На день 25 февраля», «О Ладожском канале», «На приход Её Императорского Величества Анны Иоанновны, когда нас в приморской мыске нашей посетить изволила» и т. д. Маловероятно, что Феофан Прокопович перевёл эпиграмму Скалигера просто для гимнастики остроумия. Более логичным будет предположение, что он откликнулся на какой-то конкретный лексикологический труд.

Язык эпиграммы позволяет отнести её к великорусскому периоду жизни Феофана Прокоповича, то есть к 1716—1736 годам. За эти два десятилетия в России было издано несколько словарей: «Лексикон голландско-русский» Я. В. Брюса (1717), славяно-польский словарь (1722), «Немецко-латинский и русский лексикон» Э. Вейсмана (1731) (см.: Вомперский В. П. Словари XVIII века. М., 1986. С. 14—23). Эпиграмму эту можно, конечно, отнести к любому из названных изданий, но вряд ли автор их имел в виду. Какая-либо личная связь Феофана Прокоповича с этими словарями не прослеживается, к тому же это были не собственно составительские труды, а переводы или обработки других словарей. А вот намёк на «мучительская руки», «печали и муки» мог быть очень уместен по адресу одного забытого лексикографа Петровской эпохи, с работой которого Феофан Прокопович был знаком.

В 1714 году в Россию из Турции вернулась группа повинившихся и прощённых мазепинцев (их судьбе посвящено стихотворение Феофана Прокоповича «Запорожец кающийся»). Среди них оказался Иван Петрович Максимович (скончался в Москве в 1732 году), племянник покойного митрополита Иоанна Максимовича, плодовитейшего стихотворца начала XVIII века. Бывшему стороннику гетмана Мазепы было запрещено возвращаться на Украину и в документах ему предписывалось жить безвыездно в Москве. Особенно тяжелы были первые годы жизни в Москве: И. П. Максимович страдал как от безденежья, так и от бездействия. Наконец, он сам нашёл себе занятие: в 1718 году он перевёл с латыни сборник стихотворений бельгийского мистика Германа Гуго, а затем приступил к составлению латинско-русского словаря. В предисловии к законченной только в 1724 году работе он писал о трудностях перевода с латинского без хорошего словаря, а потому «посчитал полезным тоскливое моё время потратить на чтение латинских священных книг вместе со славянскими для более искусного в подобных переводах навыка. И я не только занимался этим чтением, но всё, что мне казалось затруднительным, отмечая и отмеченное выписывая и располагая в алфавитном порядке, потратил я несколько лет, потому что задумал составить небольшой латинско-славянский словарь для собственной надобности и поль-

зы» (РО Библиотеки РАН, шифр: 32.6.2, л. XI; здесь и далее перевод текстов И. П. Максимовича наш. — С. Н.).

Во время работы он страдал от нужды и болезней: «Я этим трудом был занят шесть лет, первые три года за чтением книг, как уже выше упомянул, а потом от основания святейшего Синода вот уже третий год провожу за составлением этого труда. И все дни, и все ночи, иногда почти без отдыха проводя за этим делом, каждый год тяжело болел, особенно последние три года. В первый год — помутнение хрусталика глаза или катаракту; во второй — шум в ушах; в третий — скорбут или цингу заработал себе этими непрестанными усердными трудами» (Там же. Л. XV—XV об.).

Неожиданную помощь и ободрение И. П. Максимович получил в начале 1722 года, когда Пётр I, весь двор и Синод были в Москве на праздновании победы в Северной войне. Лексикограф изыскал случай и, как он говорит: «Показал я мой труд того Святейшего Синода вице-президенту, сиятельному и премудрейшему мужу, его преосвященству кир (титул высшего духовного лица.— С. Н.) Феофану Прокоповичу, архиепископу псковскому и нарвскому, который уведомил о нём Святейший Синод и затем мне общее соизволение и указ передал, чтобы я приложил всё старание для завершения начатого дела» (Там же. Л. XXI). Ободрённый И. П. Максимович продолжил свой «многосучный и долговременный подвиг» и в 1724 году поднёс готовый словарь Екатерине I во время её коронации.

Нетрудно заметить, что эпиграмма Феофана Прокоповича поразительно точно отражает судьбу составителя словаря. Она полна не только почтения к труду лексикографа, но и сочувствия к нему самому. (Максимович, кстати, закончил Киево-Могилянскую академию, где, вероятно, и познакомился с Феофаном, своим сверстником.) Исходя из этого, мы считаем возможным рассматривать эпиграмму «К сложению лексиков...» откликом на труд И. П. Максимовича и датировать её условно 1722 годом.

Почему все-таки Феофан Прокопович воспользовался эпиграммой Скалигера? С одной стороны, «заёмное остроумие», по выражению А. С. Пушкина, в те времена, да и много позднее, пороком не считалось. С другой стороны, Феофану, одному из иерархов русской церкви, было, может быть, не с руки посвящать стихи бывшему мазепинцу. Скорее же всего дело в том, что Феофан Прокопович мог здесь блеснуть чисто барочным остроумием: написанная более столетия назад эпиграмма неожиданно наполнилась в точном русском переводе яркими и трагическими реалиями жизни русского лексикографа.

О семейных коллизиях Фаддея Булгарина

М. Д. ФИЛИН

Такой характер весьма интересен и стоил бы если не целой повести, то подробного физиологического очерка.

В. Г. Белинский

Фаддея Венедиктовича Булгарина (1789—1859) считается хорошим тоном презирать — в первую очередь, за сотрудничество с III Отделением и авторство некоторых произведений отнюдь не литературного толка. Между тем был он и талантливым журналистом, и опытным издателем, и зорким романистом, и обстоятельным мемуаристом. Быть может, когда-нибудь всё-таки удастся исследовать его наследие без предубеждения, исходя из художественных, а не идеологических критериев, приправленных к тому же весьма пикантными биографическими специями. В конце концов в истории литературы Булгарину по праву принадлежит заметное место, и отменить эту историю не в силах никакой либеральный вердикт.

Жизнь писателя была «похожа на авантюрный роман» (Сакулин П. Н. Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей. М., 1926. С. 482), кульминация которого вплотную связана с декабристами. В его суждениях начала 1820-х годов было немало общего со взглядами заговорщиков. Сам К. Ф. Рылеев писал к Булгарину о «горячности нежной дружбы». Правда, в другой раз он полушутливо пригрозил, что «когда случится революция, мы тебе на „Северной Пчеле“ голову отрубим». А вечером 14 декабря, уже после подавления бунта, Булгарин посетил обречённого: «Рылеев встал, преспокойно отвёл его в переднюю и сказал: „Тебе здесь не место. Ты будешь жив, ступай домой...“ Поцеловал он его и выпроводил из дому» (Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.-Л., 1930. С. 454). Булгарин уходит. В последующие дни и месяцы он пребывает в страшной тревоге и, кажется, ожидает ареста, расплаты за бывшее вольнодумство. И в то

же время укрывает у себя архив Рылеева. Кстати, хранил он и рукопись «Горя от ума» — Грибоедов считал писателя близким другом. Найдётся ещё немало фактов подобного рода, свидетельствующих о «дружестве» Булгарина с представителями кругов оппозиционных, с лицами, чья общественная репутация вне подозрений, чьи таланты исключают двурушничество и доносительство.

Но с некоторых пор со всем этим уживается деятельность в тайной полиции — учреждении, безусловно важном и нужном для государства, но сотрудничество с которым считалось во все времена едва ли не самым тяжким грехом для русского художника.

Здесь кроется какая-то тайна, донныне не раскрытая. О многом теперь можно лишь догадываться, строить зыбкие гипотезы с акцентом на психологию Булгарина, личности незаурядной и в чём-то иррациональной. Видимо, вся предшествующая его жизнь была подготовкой к такому служению. Множество вех постепенно уводили издателя «Северной Пчелы» с «прогрессивной» дороги. Вряд ли в их веренице можно с уверенностью выделить *решающую*. Но разглядеть сквозь полуторавековой мрак одну, весьма важную и неожиданную, кажется, удаётся.

Дело в том, что однажды, и, как выяснилось, навсегда судьба свела Булгарина с дамой, для которой даже чувствительный князь П. И. Шаликов не смог бы подыскать подходящий комплимент. Вся северная столица знала её, а будущие декабристы увековечили даму и распевали в одной из агитационных песен:

Ах, где те острова, <...>
Где Булгарин Фаддей
Не боится когтей

Танты.

Позднее Н. И. Греч, многолетний партнёр и приятель писателя, вспоминал о неурядицах в его жизни: «Всему источником была гнусная, злая баба (Танта), которую сам Булгарин ненавидел в душе своей» (Там же. С. 720). И основания для безудержной ненависти у Булгарина были самые что ни на есть серьёзные, что подтверждает обнаруженный архивный документ. Точнее, фрагмент документа.

В Российском Государственном архиве литературы и искусства хранятся дневники Фёдора Ивановича Буслаева (1818—1897), знаменитого филолога и историка. Учёный вёл их на протяжении почти всей жизни. По большей части они не опубликованы до сих пор, и напрасно: это уникальный свод сведений по истории русской и мировой культуры. Одна из тетрадей дневника заполнялась в 1842—1852 годах. Именно там есть запись по интересующему нас предмету; она датирована 1852 годом:

«Июня 15 дня. Вот любопытная подробность о семейной жизни Ф. В. Булгарина, мною слышанная.

Он женат на женщине из распутного дома. При них до сих пор живёт так называемая тётка жены его, известная в своё время Танта, содержательница увеселительных девиц. Теперь ей около 80 лет. Жена и эта Танта и выдают ему сколько нужно денег; дом и дачу Карлово Булгарин купил на имя своей жены, которая, впрочем, постоянно имела у себя любовника, какого-то служащего в III-м Отделении г. Ордынского (видимо, имеется в виду Л. В. Ордынский, секретарь графа А. Х. Бенкендорфа. — М. Ф.), от которого рождены и все дети Булгарина. Сам Ф(аддей) В(енедиктович) это говорит своим детям в шутку — так они похожи лицом на этого г. Ордынского.

Такие интимности семейной жизни Булгарина объясняются тем, что, как идёт молва, будто Булгарин в смутное время, относящееся к 14 декабря, принёс к этой Танте и её племяннице, с которой тогда куртизанил, какие-то бумаги, чтобы сжечь. Они будто бы бумаги эти сожгли. Между тем связь Булгарина с племянницей продолжалась, и девица забрюхатела, вероятно, не от одного Булгарина. Тогда Танта коснулась до чувствительной струны любовника, предлагая ему руку её племянницы, и когда Булгарин стал смеяться её неуместному предложению, Танта пугнула его теми бумагами, уведолив его, что они вовсе не были сожжены, а хранятся у неё. Делать было нечего, и несчастный Булгарин женился. Говорят, что ещё и до сих пор жена и Танта пугают его этими бумагами.

Ужасное состояние, если всё это правда! Не мудрено, что Булгарин постоянно подвигается на поприще доносов, чтобы уравновесить заслугу своему преступлению, которое постоянно держит над его головой заслуженное наказание» (РГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 6, лл. 177—177 об.).

Запись Буслаева уязвима в деталях, но не это самое главное. Думается, есть в ней внутренняя *психологическая правда*, объясняющая — по крайней мере, отчасти — давнишнее ренегатство Булгарина. И в то же время приведённые дневниковые строки — ещё одно подтверждение драмы писателя. Минувло четверть столетия после декабрьских событий. На дворе иные времена, уже выросло новое поколение; сам же Булгарин приближается к земному пределу. Но всё остаётся как встарь: на каждом углу обсуждается его доноительство, повсюду смакуются подробности интимной жизни Фиглярина. Новые люди подхватили эстафету и готовы передать её идущим на смену. И мало кого волнуют романы, мемуары, талантливые газетные статьи. Булгарин извечно приговорён.

Наверное, можно посочувствовать ему. Но видится в таком печальном уделе и некий высший смысл.

Три «чудные картины»

Л. Л. БЕЛЬСКАЯ,
доктор филологических наук

Задумав в последние месяцы жизни цикл стихов о русской зиме, Сергей Есенин следовал традициям русской классической поэзии, в том числе лирики природы (см.: Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990): мотивы юности и старости, воспоминания об отчем доме, образы гонимого странника и остывшего сердца, тройки и дороги, бубенцов-колокольчиков, «плачет метель» и «свищет ветер», лунные ночи и эпитет «серебряный», рифмы младось — радость, луна — окна, мороз — слёз. А в своей миниатюре «Снежная равнина, белая луна...» поэт опирался на два хрестоматийных образца «Из Гёте („Горные вершины...“» Лермонтова и «Чудная картина» Фета, но превратил 3-стопный хорей в 6-стопный, то есть «удвоил» ритм трёхстопников, сделав его более замедленным и протяжным, сохранив при этом в цезуре женское окончание, как в нечётных строках лермонтовского и фетовского стихотворений: равнина/, покрыта/ и вершины — долины, картина — равнина, — и употребляя только мужские рифмы (луна — сторона, лесам — сам; ср. листья — ты у Лермонтова и родна — луна у Фета). Так 8-стишные стихи «сократились» до катрена — 4-стишия.

Лермонтов:

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнёшь и ты.

Фет:

Чудная картина,
 Как ты мне родна:
 Белая равнина,
 Полная луна,
 Свет небес высоких,
 И блестящий снег,
 И саней далёких
 Одинокий бег.

Есенин:

Снежная равнина, белая луна,
 Саваном покрыта наша сторона.
 И берёзы в белом плачут по лесам.
 Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?

Пейзажные зачины «Горные вершины» и «Чудная картина» у Есенина тоже «удваиваются», но группа подлежащего и обращение становится «назывным» перечислением: «Снежная равнина, белая луна» с тем же ритмическим рисунком и дактилическим словоразделом — горные, чудная, снежная, белая и сочетанием прилагательно-го с существительным.

Лермонтовское стихотворение (переложение «Ночной песни странника» Гёте) рисует ночь в горах (тьма ночная, свежая мгла), скорее всего летнюю (дорожная пыль, дрожание листьев), подчёркивает тишину вокруг, «спящую» природу и обещает покой путнику («Отдохнёшь и ты»), воспроизводя в самом звучании — глухие, шипящие, сонорные звуки — приглушённые ночные шорохи и сонную тишь.

В фетовской картине всё преобразается: из лета мы переносимся в зиму, с гор — на равнину, «полная луна» заменяет «полные свежей мглой» долины и «свет небес» — тьму, а вместо неподвижности — бегущие сани. У Лермонтова стихотворение начинается с объективной зарисовки и заканчивается субъективной нотой — обращением во 2-м лице единственного числа (подожди, отдохнёшь) то ли к собеседнику, то ли к лирическому герою, а у Фета сначала даётся эмоциональный «заряд» (чудная, родна) и «расстановка сил» — «я» и «ты», человек и природа, затем развёртывается её изображение, в конце же — неожиданное переключение: «И саней далёких/Одинокий бег». Это не просто упоминание одиночного, единственного экипажа, едущего по пустынной дороге, но выражение чувства сиротливости и бесприютности ездока в санях. Так происходит смена экспрессивной тональности (от восхищения и любования к грусти) и субъектно-объектных и пространственных точек зрения: внутренних — внешних, ширь — высь, близь — даль (ср. у Лермонтова: высь — низ, даль — близь).

Тот же путь от «наблюдаемого мира к переживаемому»

(М.Л. Гаспаров) совершает есенинский герой. Но природа у Есенина предстаёт более одушевлённой и очеловеченной, способной не только спать (вершины спят), но и страдать (берёзы плачут). Как у Лермонтова, это картина ночи и, как у Фета, снежная русская зима и на бескрайних российских просторах, и в лесах, но взамен лермонтовских «безликих» листов — любимые есенинские берёзки. Зачин «Снежная равнина, белая луна» перекликается с фетовскими «равниной» и «луной» — с изменением и перестановкой эпитетов: «Белая равнина,/ Полная луна». Если для Фета важен свет, освещённость местности, и в дальнейшем последует усиление светового излучения — «Свет небес высоких,/ И блестящий снег», то для Есенина главное — цвет, который нагнетается и осмысливается как символ смерти: «Саваном покрыта наша сторона». После спокойного перечислительного интонирования первой строки резкая инверсия во второй, несущая скрытую напряжённость и тревогу (ср.: наша сторона покрыта саваном). Слово *саван*, выдвинутое в начало стиха, становится ключевым и определяет звукопись первых двух строк — с, а, н. Третий стих развивает и усиливает (не случаен присоединительный союз «и») мотив смерти, добавляя к цветовому символу — звуковой (похоронный плач) и новый звукокомплекс «бл — пл»: «И берёзы в белом плачут по лесам». (Любопытно сравнить со звуковыми доминантами у Лермонтова: «и», «н», «т» и Фета: «е», «н», «с».) Четвёртая строка — кульминационная: три вопроса передают нарастание ужаса, которому нет ни разрешения, ни утешения: «Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?» Напряжение и взволнованность создаются трёхкратной, не спадающей вопросительной интонацией, многочисленными паузами-вздохами, короткими словами и скоплением ударений: в трёх предыдущих стихах 4—6 слов и по 4 ударения, в последнем — 9 и 7, то есть кроме всех метрических ударений ещё одно сверхсхемное на слове *здесь*.

Итак, одна «чудная картина» вселяет в нас умиротворение и надежду на душевное успокоение, вторая — печаль, смешанную с восторгом перед красотой внешнего мира, третья — отчаяние, «разлитое» в душе человека и в природе, которая оплакивает и себя, и его.

Сознательно ли Сергей Есенин противопоставлял свою пейзажную миниатюру русской классике? Вероятнее всего, нет. Но кто знает? Процесс творчества — тонкая материя. «Тайна сия велика есть».

Алма-Ата

У РЯЗАНЦЕВ — ОСОБАЯ ИНТОНАЦИЯ

О «мещорском языке» Паустовского

Т. С. ЖБАНКОВА,

кандидат филологических наук

У Константина Георгиевича Паустовского строго продуманное и чётко сформулированное (что нечасто встречается у писателей) отношение к использованию диалектных форм в художественном произведении. Прежде всего, по его мнению, «провинциализм» должен быть понятен: «Одно непонятное слово может разрушить для читателя самое образцовое построение прозы» (Паустовский К. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1981. Т. 3. С. 249; далее цитаты приводятся по этому изданию; в скобках — название произведения, откуда взята цитата). Местные слова надо вводить осторожно, не перегружая ими повествование: «Злоупотребление „провинциализмами“ делает неммым писателя. Если читатель два или три раза на протяжении страницы споткнется на каком-нибудь слове, это уже разрушает восприятие, а если это будет постоянно, это будет уже вне литературы» (О новелле). И наконец: писатель обязан тщательно отбирать диалектизмы, учитывая их образные, поэтические достоинства. В художественном тексте возможна лишь та местная форма, которая «передаёт понятие, наполненное для нас поэтическим содержанием» (Золотая роза). Цитированное высказывание не относится к «провинциализмам», но оно хорошо выражает позицию Паустовского по отношению к ним.

Многие произведения К. Г. Паустовского связаны с рязанскими местами. Рязанскую землю, Мещёрский край он называл «второй родиной». «Истинная любовь» к мещёрской природе, к «местным жителям» соединилась у писателя с великой любовью к народному слову, точному, меткому и выразительному, — к народному слову, которое так созвучно «чистейшей и скромной поэзии» края «лесной тишины, заросших озер, забытых рек, осенних ночей, пахнущих крепким вином, бесконечного цветения трав и лесных людей, сохранивших в своих сторожках всю прелесть, весь музыкальный звон и точность русского языка» (Моим читателям в Америке).

Местное слово живёт как в речи героев Паустовского, так и в авторских рассуждениях. «Для того, чтобы оно (местное слово. — Т. Ж.)

стало понятным, совсем не нужно ни скучных объяснений, ни сносок. Просто это слово должно быть поставлено в такой связи со всеми соседними словами, чтобы значение его было ясно читателю сразу, без авторских и редакторских ремарок», — писал Паустовский в «Золотой розе».

«На околице мы встретили пастуха. Он гнал стадо коров. У каждой коровы бренчал на шее медный „болтун“» (Кордон «273»). «Соседние слова» — *бренчал, медный, на шее* объясняют диалектизм *болтун* — «бубенчик», как сообщает читателю сам Паустовский в другом произведении: «В Мещорском крае можно увидеть сосновые боры, где так торжественно и тихо, что бубенчик-„болтун“ заблудившейся коровы слышен далеко, почти за километр» (Мещорская сторона).

Если же содержание местного слова контекстом не выявляется, Паустовский прибегает к обычному для многих писателей приёму объяснения с помощью равного или близкого по значению литературного слова. Такое толкование, как правило, сопровождается ремарками типа «по-местному», «как говорят по деревне», «народ называет», «в народе любят говорить» и т. п. Например: «Вася приходил каждый день к нам. Это был тихий человек, похожий на мальчика, болезненный, — „квёлый“, как говорили по деревне, — но с серыми строгими глазами, такими же, как у бабки Гани» (Стекольный мастер). Или: «Возле колодца, где весь день гремят ведрами босоногие болтливые девочки в ситцевых выгоревших платьях, надо свернуть в проулок, или, по-местному, в „прожог“» (Золотая роза).

Некоторые местные слова встречаются в рассказах и повестях Паустовского неоднократно: *мшары, колки, острова*. Писатель варьирует разъяснение местного слова, добавляет какую-нибудь выразительную подробность, образную деталь, яркое сравнение: «Лес кончается. Внизу высохшие болота — *мшары*, поросшие мелким лесом: березняком, осинами и ольхой» (Золотая роза); «...сухие болота — *мшары*, где нога тонула по колено в *коричневых мхах*» (Последний чёрт); «...*мшары* — густое и прогретое до корней *берёзовое и осиновое мелколесье*» (Собрание чудес); «...*мшары* — сухие, заросшие мхами и невысокой осиною и берёзой болота, *остатки древних ледниковых озёр*» (Письма из рязанской деревни).

Однако самый интересный, раскрывающий своеобразие творческого почерка писателя способ толкования местного слова — это маленький рассказ, яркий и образный, о предмете, наименование которого незнакомо читателям. Народная речь имеет множество слов, характеризующих важное для сельского жителя явление необычайно детально, всесторонне, тонко. Паустовского волновала и восхищала эта способность народа улавливать, чувствовать и воплощать в языке всю полноту жизни. «Богатства русского языка

неизмеримы. Они просто ошеломляют. Для всего, что существует в мире, в нашем языке есть точные слова и выражения» (Живое и мёртвое слово).

В «Мещорской стороне», «Золотой розе» (главки «Алмазный язык», «Словари») Паустовский создал очень поэтичные и в то же время скрупулезно точные описания видов дождя, «дождика», как ласково называют его крестьяне, когда он только начинается. «Дождевые» слова стали в писательском изложении насыщенными, ёмкими, выразительными эпитетами, приобрели глубокую метафоричность.

«Чем, например, отличается *спорый* дождь от *грибного*? Слово „спорый“ означает — быстрый, скорый. *Спорый* дождь льётся отвесно, сильно. Он всегда приближается с набегающим шумом. Особенно хорош *спорый* дождь на реке. Каждая его капля выбивает в воде круглое углубление, маленькую водяную чашу, подскакивает, снова падает и несколько мгновений, прежде чем исчезнуть, ещё видна на дне этой водяной чаши. Капля блестит и похожа на жемчуг. (...) А мелкий *грибной* дождь сонно сыплется из низких туч. Луи от этого дождя всегда тёплые. Он не звенит, а шепчет что-то своё, усыпительное, и чуть заметно возится в кустах, будто трогает мягкой лапкой то один лист, то другой. (...) О *слепом* дожде, идущем при солнце, в народе говорят: „Царевна плачет“. Сверкающие на солнце капли этого дождя похожи на крупные слёзы. А кому же и плакать такими сияющими слезами горя или радости, как не сказочной красавице-царевне!» (Золотая роза).

«Через день-два солнце взойдёт в багровой зловещей мгле, а к полудню чёрные облака почти коснутся земли, задует сырой ветер и польются томительные, нагоняющие сон *обложные* дожди» (Мещорская сторона).

«Но вот начинают *кряпать* первые капли. Народное слово „кряпать“ хорошо передаёт возникновение дождя, когда ещё редкие капли оставляют тёмные крапинки на пыльных дорогах и крышах» (Золотая роза).

Эти небольшие новеллы о «дождевых» словах позволяют вслед за художником почувствовать, что «в каждом из них заключена поэзия», что «за каждым таким словом видишь и чувствуешь то, о чём говоришь» (Золотая роза).

Встречаются у Паустовского и не раскрытые в своём значении, не истолкованные диалектизмы. Любые вставки, объяснения нарушили бы целостность текста, и писатель избежал их. По-видимому, его вполне устраивало не детально точное, а общее представление о предмете, которое получит читатель. «Однажды ко мне в баню зашла старушка в *понёве* — принесла продавать сметану» (Мещорская сторона); «Перед смертью Ганя надела лучшую старинную

одежду. Я впервые увидел белый рязанский шушун, новенький чёрный платок с белыми цветами, повязанный на голове, и синюю клетчатую понёву» (Стекольный мастер).

Местные слова без оговорок, без комментариев уже сами по себе «заораживают», писатель об этом помнит, но приёмом этим не злоупотребляет. Ему важен смысл слов, среди слов народных, местных он обнаружил немало выразительных и красивых.

«Я помню, как меня поразило однажды слово „свей“ в стихах у Сергея Есенина. <...> Я не знал, что значит „свей“, но чувствовал, что в этом слове заложено поэтическое содержание. Это слово как бы само по себе излучало его. <...> Узнал я смысл этого слова от писателя-краеведа Юрина. <...> Мы шли к мостушкам по чистому речному песку. Накануне был ветер, и на песке, как всегда бывает после ветра, лежала волнистая рябь.

— Вы знаете, как это называется? — спросил меня Юрин и показал на песчаную рябь.

— Нет, не знаю.

— Свей, — ответил Юрин. — Ветер свеваёт песок в эту рябь. Потому и такое слово.

Я обрадовался. <...> Больше всего я был рад, что это слово выражало, как я и предполагал, простое и поэтическое явление природы» (Золотая роза).

Иногда писатель включает в повествование «цитату» из местной речи; она ему необходима как удачное или ёмкое подтверждение собственных наблюдений. Например: «Мещорские леса, по существу, леса подмосковные. Как хорошо сказала одна здешняя старуха колхозница, они „дышут на Москву издаля“» (Письма из рязанской деревни).

Местные слова помогают Паустовскому нарисовать яркую, живую оценку его солотчинской жизни. Чувствуешь и любовь писателя к «мещорской стороне», и добрую иронию, и ласковую усмешку: «Был на днях за Окой, в Новосёлках, пил с Фраером (Р. И. Фраерманом. — Т. Ж.) пиво в чайной под „ликусами“ и доказывал ему, что Лермонтов сильнее Пушкина» (Письмо к К. А. Федину от 5 июля 1948 года); «Все готовятся к празднику и поэтому набиваются с мясом. Так как калитка заперта, то бабы кричат в окна: „Свининки не надоть? Баранинка не надоть?“» (Письмо Т. А. Паустовской от 18 сентября 1950 года).

Художественный вкус уберёт Паустовского от чрезмерного использования местных слов и выражений. Его «запись» местной речи не перегружена диалектизмами, которые, обладая большой выразительной силой, могли бы отвлечь внимание читателя от содержания: «— Это нельзя! — примирительно сказал дед Кузьма. — Чего нельзя? — Нельзя, дочка, сердиться. Ты жучиной малому не

грозись. Ты лучше на этот *цвет* погляди, полюбуйся» (Пришелец с юга).

А ведь кроме подчёркнутых слов можно было бы использовать в диалектном оформлении и такие, как «это, этот» (*ето, етот*), «полюбуйся» (полюбуйси), «не грозись» (не грозися), «сердиться» (*серчатъ*), «нельзя» (няльзя), «дочка» (дочкя) и др. Но писатель не сделал этого. Однако все «пропущенные» слова он осторожно ввёл в высказывания других своих героев. Вот, например, яканье: «Бабы кричали у калиток, заунывно и ласково, скликая телят: — *Тялуш, тялуш, тялуш!*...» (Последний чёрт). Или звучание частицы *ся* как *си*: « — Я *обстрекалси-и-и!* — вдруг опять густо заревел мальчик. — Куды вы меня завели, дурные?!...» (Золотая роза). Использование *e* вместо *э*: « — Есенин Сергей не твой родственник? — *Поет?* — спросила бабка. — Да, поэт. — Племянничек мой, — вздохнула бабка и вытерла рот концом платка. — Был он поэт хороший, только больно чудной» (Мещорская сторона).

Отношение Паустовского к диалектизмам было весьма строгим и одновременно бережным. Одни он называл «подлинными перлами», другие — «корявыми и фонетически неприятными» (Золотая роза). И таким диалектизмам он отказывал в праве жить в художественном тексте.

У рязанцев — особая интонация, особая мелодика: невучесть, некоторая растянутость гласных. Паустовский многократно передаёт подобное произношение, то с помощью контекстуальных синонимов к глаголу *говорить* — *запела, отвечали нараспев*, то графически подчёркивая интонационный рисунок, то вводя в реплики мещёрских жителей характерное междометие:

«Учительница наконец решилась и спросила одну из старух, бабку Матрёну:

— Одинокая, должно быть, была эта старушка?

— *И-и, мила-ая*, — тотчас *запела* Матрена, — почитай что совсем одинокая» (Телеграмма); «...в ответ на упреки бабы *отвечали нараспев*, пряча глаза: — *И-и-и, милай*, ягод нынче нетути даже на Глухом озере» (Последний чёрт).

«В Мещорском краю, — писал Паустовский, — я прикоснулся к чистейшим истокам народного русского языка» (Несколько отрывочных мыслей: Вместо предисловия). Писатель умел «не слушать, а услышать» (О новелле) речь «местных жителей». Диалектизмы («провинциализмы», как он их называл) в его произведениях не только сохраняют свойственную им «живописную силу». Талант Константина Георгиевича Паустовского во много раз умножил эту силу.

Мандельштам и Бродский о «равнодушной отчизне»

О. А. ЛЕКМАНОВ

Из трёх русских поэтов XX века, упомянутых Иосифом Бродским в Нобелевской лекции, пожалуй, только Марина Цветаева без оговорок может быть названа в числе его поэтических учителей.

Творческие взаимоотношения Бродского и Анны Ахматовой убедительно интерпретированы в небольшом, но содержательном исследовании Валентины Полухиной «Ахматова и Бродский: К проблеме притяжений и отталкиваний», напечатанном в парижском «Ахматовском сборнике» (1989).

В случае с Осипом Мандельштамом проблема «притяжений и отталкиваний», как представляется, встаёт ещё более остро: слишком многие обстоятельства биографии Бродского напрашиваются на сопоставление с судьбой Мандельштама. Здесь и путь от «врождённого» иудаизма к «обретённому» христианству, и ориентация на своеобразно трактуемый классицизм, и петербургское детство, и опальная слава, и, наконец, пресловутое соименничество, как бы предчувствованное и отвергнутое Мандельштамом:

О как противен мне какой-то соименник,
То был не я, то был другой.

Все эти и некоторые другие обстоятельства, причудливо преломлённые в среднеинтеллигентском сознании, превратили Бродского чуть ли не в двойника Мандельштама: «Будь я приверженцем модных ныне верований, уверял бы, что душа Мандельштама вновь воплотилась в Бродском» (Крохин Ю. Взмах маятника. Об Осипе Мандельштаме и Иосифе Бродском // «Сохрани мою речь...». М., 1993. № 2. С. 116).

Жертвой обманутого (а по существу — ложных с самого начала) ожиданий оказался даже известный славист и хороший поэт Юрий Иваск, переосмысляющий своё отношение к Бродскому, как «наследнику» Мандельштама в финале своего стихотворного послания «Иосифу Бродскому» (1978).

Опасность навечно попасть в тень Мандельштама ощущалась и преодолевалась Бродским очень давно, уже в первых стихотворениях. Что мы сейчас и попробуем показать.

В 1962 году, на заре своего поприща, Бродский написал стихо-

творение «Стансы», которое вскоре стало его поэтической визитной карточкой:

Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать.
Твой фасад тёмно-синий
я впотьмах не найду,
между выцветших линий
на асфальт упаду.

И душа, неустанно
поспешая во тьму,
промелкнёт над мостами
в петроградском дыму,
и апрельская морось,
под затылком снежок,
и услышу я голос:
— до свиданья, дружок.

И увижу две жизни
далеко за рекой,
к равнодушной отчизне
прижимаясь щекой,
— словно девочки-сёстры
из непрожитых лет,
выбегая на остров,
машут мальчику вслед.

Образ «равнодушной отчизны» несомненно восходит к стихотворению Мандельштама 1911 года:

Воздух пасмурный влажен и гулок;
Хорошо и не страшно в лесу.
Лёгкий крест одиноких прогулок
Я покорно опять понесу.

И опять к равнодушной отчизне
Дикой уткой взовьётся упрёк:
Я участвую в сумрачной жизни
И невинен, что я одинок!

Выстрел грянул. Над озером сонным
Крылья уток теперь тяжёлы,
И двойным бытием отражённым
Одурманены сосен стволы.

Небо тусклое с отсветом странным —
Мировая туманная боль —
О позволь мне быть также туманным
И тебя не любить мне позволь!

По-видимому, не будет ошибкой предположить, что «Стансы» были написаны под свежим впечатлением от первого прочтения второго издания книги Мандельштама «Камень» (куда вошло стихотворение «Воздух пасмурный влажен и гулок...»): «Это был 1960 или 1961 год, один из самых счастливых периодов моей жизни. Я болтался без работы, после полевого сезона в геологической экспедиции. И меня взяли на кафедру кристаллографии Ленинградского университета. (...) Рабочий день в университете начинался в девять утра. Я туда приходил к десяти — потому что в десять открывалась библиотека. (...) поскольку я числился сотрудником, а не студентом, у меня было более выигрышное право доступа к книгам. Я их там массу брал. И, в частности, взял Мандельштама „Камень“ (потому что слышал звон о книге с таким названием) и „Tristia“. Ну и, конечно, тут же отключился» (Бродский об Ахматовой. Диалоги с С. Волковым. М., 1992. С. 7—8).

Словосочетание *«равнодушная отчизна»* употреблено у Бродского в том же дательном падеже и с тем же предлогом, что и у Мандельштама. А *«двойному бытию»* из мандельштамовского стихотворения в какой-то мере соответствуют *«две жизни»* из «Стансов». На этом сходство между стихотворениями, похоже, заканчивается, и начинаются многочисленные различия.

Прежде всего, там, где у Мандельштама — «упрёк», у Бродского — нежность («прижимаясь щекой»); мандельштамовский лирический герой одинок, лирического героя «Стансов» провожают в последний путь «девочки-сёстры/ из непрожитых лет»; у Мандельштама — «природная» картинка, у Бродского — «городская»; у Мандельштама — «Над озером» «крылья уток», у Бродского — «над мостами» «душа»; «сумрачной жизни» Мандельштама противопоставлено умирание лирического героя стихотворения Бродского; мандельштамовский упрёк «дикий уткой» взвивается ввысь, лирический герой «Стансов» падает вниз — на петербургский асфальт; Мандельштам говорит (или даже кричит — оба его монолога завершаются восклицательным знаком), Бродский слышит голос (произносящий есенинскую, чуть переименованную строку). 3-стопный анапест, которым написано стихотворение Мандельштама, Бродский «урезывает» на одну стопу.

Итак, уже «ранний» Бродский, используя мандельштамовский образ, не столько «продолжал», сколько «преодолевал» старшего поэта, так что почти справедливыми оказываются слова современного исследователя: «Попадая в стихи Бродского, образы Мандельштама становятся там „своими“, зачастую теряя связь с первоисточником» (Кузнецов С. Осип Мандельштам и Иосиф Бродский. Мотивы пустоты и молчания // Осип Мандельштам. Поэтика и текстология. М., 1991. С. 33).

«Когда себя по-русски назову я...»

Имя собственное в лирике Леонида Мартынова

Э. А. ПЕТРОВА,
кандидат филологических наук

В языке поэзии имя собственное чаще всего служит целям косвенной характеристики героя: «её сестра звалась *Татьяна*» (героиня близка к простому народу), «бранил Гомера, Феокрита, зато читал *Адама Смита*...» (герой предпочитает точное знание, политическую экономию). Существенную роль играет имя собственное в «приращении смысла» так называемых ключевых слов стихотворения, образуя иносказательный или символический его план: «А степь лежит, как *Ниневия*...» (А. Тарковский). Наконец, как экзотизм имя собственное призвано поэтизировать действительность: «Веют ветры с *Кордильеров*, с *Гималаев*, с *Альп и Анд*» (Л. Мартынов).

Гораздо реже встречается подчеркнуто филологическая работа поэта над этимологией, оживлением представления, некогда заключённого в имени собственном. С этой точки зрения нам кажутся интересными некоторые лирические стихи Леонида Мартынова, яркого современного романтика и рационалиста.

Способы романтизации «я» в ранней лирике Мартынова ещё достаточно традиционны. Так, в стихотворении «Элегия» (1924) это расхожие поэтизмы: «Мир озарён *Полярною звездой*», а также локальная биография героя, переданная через мир вещей и жестов: «Тяжёлый запах ты сейчас вдохнёшь, / В нём будет всё — и паровозный дым, / И сырость трюма. Револьвер и нож / Я суну под подушку. Помолчим». Эффектность всему стихотворению придаёт, однако,

завершающая его игра омонимических форм: «В осенний час соседний мир поджечь/Я улетел в потоке леонид» (Мартынов Леонид. Собр. соч.: В 3 т. М., 1967. Т. 1. С. 25; далее, кроме случаев, оговорённых особо, стихотворные примеры даются по этому изданию).

Леониды-метеориты, появляющиеся на ноябрьском небе. Леонид — имя самого поэта. В стихотворении оно не названо, но читателю известно. Следовательно, игра грамматических форм слов *леонид* (род. мн.) и *Леонид* (им. ед.) — это и своеобразная игра-загадка. А разгадка

Леонид требует по-новому перечитать всё стихотворение о дерзком, удалом пришельце. Бегло намеченный любовный поединок («Не Ева ты,/Я не Адам нагой <...> Ведь я пришёл к тебе, а не к другой») из бытового сюжетного плана переводится, благодаря игре слов, в космический: «...соседний мир поджечь/Я улетел в потоке леонид».

Об этимологии имени *Леонид*, образовании отчества *Николаевич* и фамилии *Мартынов* поэт был осведомлён превосходно. В деталях знает он и историю своего рода со стороны отца. Многочисленным семипалатинским Мартыновым положил начало владимирский офеня Мартын Лоцилин, прототип и герой поэмы «Искатель рая». Неуживчивым правдолюбом, бессребреником, книгочеем предстаёт в поэме Мартын Лоцилин. Духовное родство со своим прадедом-бунтарём и было закреплено, по Мартынову, в его фамилии. Духовная связь времён передавалась из рода в род в обычной русской фамилии...

После войны Мартынов вошёл в литературу как поэт-философ, поэт-историк, «сейсмограф» научных представлений о мире. Фамилия Мартынов, помимо индивидуального соотношения, стала знаком современной русской поэзии. Собственно, об этом и написано опубликованное в «Литературной газете» (1967. № 17) его стихотворение «Смысл имён»:

Когда
 Себя по-русски назову
 Я, ратуя за точность перевода,—
 Получится, что я
 Подобный льву,
 Сын победителя народов,
 Принадлежащий Марсу.
 Вот кто я.
 Так
 Между всякими иными
 Звучат фамилия моя
 И отчество моё и имя.
 Пусть
 Этот стих
 Педантов взбеленит,
 Но всё же, скромность ложную откинув,
 Я так и подписуюсь:
 Леонид Мартынов.

Действительно, менее всего мартыновская филиппика адресована педантам-лингвистам. *Леонид* в переводе с греческого в самом деле означает «подобный льву»; *Николаевич* — сын Николая; в свою очередь *Николай* по-гречески — «победитель народов». *Мартынов* — сын Мартына. Вариантная форма *Мартин* может быть переведена с греческого как «принадлежащий или посвящённый богу Марсу». И только искусно составленный перечислительный ряд (*подобный льву, сын победителя народов, принадлежащий Марсу*) воссоздаёт героизированный портрет современного поэта.

Тонкий стилист, Мартынов знает, что имена собственные, как всякие другие значащие слова, способны образовывать в стихе контекстуальные синонимы и антонимы. Недооценка этого закона художественной речи приводит к ошибкам истолкования контекста. Об одном таком недоразумении и рассказал Мартынов в эссе «Пути поэзии».

В его раннем стихотворении был дан правдоподобный автопортрет 20-х годов: «Ветер мёл снег, клубил песок, / Но, кепку на затылок сдвинув, / Багроволиц, угрюм, высок, / По Лермонтовской шёл Мартынов». Конкретно-историческое указание на эпоху содержалось в употреблении слова *кепка*. Название Лермонтовской улицы Омска и фамилия прохожего Мартынов упоминались в своём номинативном значении. Но в индивидуальном сознании поэта между названием улицы и фамилией была достаточная смысловая близость по признаку «занятие искусством»: «...отцы города были трижды правы, прозорливо переименовав когда-то старую Томскую улицу в улицу Лермонтова! <...> на этой <...> улице, где ветер мёл снег и клубил песок, чуть ли не каждая пылинка и снежинка дышали поэзией <...> Ведь эта Лермонтовская и начиналась-то Художественно-промышленным техникумом имени не кого-нибудь, а Врубеля (Врубель — Демон — Лермонтов — всё ясно!)» (Мартынов Л. Н. Пути поэзии. М., 1975. С. 73—74). Между тем в сознании читателей связь представлений *Лермонтовская ул.* (Лермонтов) — *Мартынов* была противоположной. Минуя номинативное значение этих слов, редакторы и читатели доискивались добавочного поэтического переосмысления: «И что имеется в виду? И кто в виду имеется. Я ли сам? Или, может быть, тот Мартынов, который убил Лермонтова?» (Там же. С. 69).

Ошибка редакторов и читателей не была случайной. Действительно, поэтическое переосмысление характерно для стиля Леонида Мартынова в целом. Обратимся к стихотворению «Курский выступ». Сюжет его был бы невозможен без опоры на представления, связанные с мемориальными именами: *Бежин луг, Ясная Поляна, Курская дуга. Бежин луг, Ясная Поляна* почти утрачивают в контексте стихотворения значения имён собственных, в них открывает-

ся общее значение — нетленная красота жизни. Это возникает благодаря оживлению внутренней формы топонимов.

«Я проснулся утром рано./Вот и луг среди тумана./До чего же нежен луг,/Вероятно — Бежин луг». Вторая часть топонима *Бежин луг* — это реальный объект наблюдения (*Я проснулся утром рано. Вот и луг среди тумана*). А первая — *Бежин* — это свежая, непосредственная, своеобразная оценка с переносом эмоционального значения «нежен» на рифменное «Бежин» (*До чего же нежен луг, Вероятно — Бежин луг*). Точно так же оживлена внутренняя форма топонима *Ясная Поляна*: объект наблюдения — поляна, эмоциональная оценка — прекрасная. Слова *прекрасная* и *ясная* имеют устойчивую народно-поэтическую традицию отождествления: «Как прекрасно всё вокруг!/И прекрасная поляна — /Это Ясная Поляна». Насколько мартыновский топоним *Ясная Поляна* художественно-условен, знает каждый, побывавший в музее-усадьбе Л. Н. Толстого. И при жизни великого писателя к его имени прилегали пастбища, рощи; ходили гулять «на широкую» поляну, «косую» поляну, на Калиновый луг. Поляны «ясной» не было никогда. Появилась она в стихотворной строке современного нам поэта.

Решительное вытеснение внутренней формы слова произведено Мартыновым в топониме *Орёл*: «Помню/Над тобой, Орёл,/Марево, как ореол». Прозрачная внутренняя форма наименования города по названию птицы так самоочевидна, что была отвергнута поэтом. Его не заинтересовали ни переносные значения слова *орёл* (парение, свобода, воля, простор), ни поэтическая символика. Можно даже сказать, что на фоне предыдущих топонимических сдвигов в стихотворении «Курский выступ» слову *Орёл* возвращено его прозаическое номинативное значение.

В целом *Бежин луг*, *Ясная Поляна*, *Орёл* образуют особую семантическую цепь: это литературные места средней России, неотъемлемые от её национальной истории и культуры. Это мир высокой гармонии.

Мемориальное имя *Курская дуга* в общем контексте стихотворения выступает как антоним к *Бежину лугу* и *Ясной Поляне*: «Только почему же вдруг/Ощетинились луга/Там, где жив пастух с дудой,/Вздогнули в дугах стога,/Будто вспомнили врага? Это — Курская дуга./Вечно дышит кровь — рудой!» Любопытно, что в стихотворении отсутствует переосмысление или даже учёт внутренней формы второго компонента топонима *Курская дуга*. По замыслу, *Курская дуга* слита в национальном сознании с воспоминаниями о кровопролитной войне, а посему номинативное значение топонима должно быть сохранено. Благодаря этому художественному приёму тематический контраст стихотворения «Курский выступ» — мир и война — сюжетно оформлен и исчерпан.

Одно из своих стихотворений Мартынов озаглавил «Топонимика» — безусловно, топонимика поэтическая. Известно, что «в поэтическом языке, помимо словообразовательных цепей, могут возникать и иные словарные цепи, так как там значения отдельных слов могут представлять мотивированными независимо от их словообразовательной формы, и именно как формы внутренние» (Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 248). Мотивированным в поэтическом языке может стать и случайный звуковой повтор: *Дон-Дунай, Днепр-Днестр, Поморье-Померания, Балтика-Байкал-Балхаш-Балатон*. Художественная идея, а не лингвистическая догадка заставляет Мартынова объединять эти группы топонимов: «Нет, неспроста/Имеют разные места/ Похожее звучание!» Единство земли, единство человеческой культуры, единение в противовес раздору — вот основополагающие идеи мартыновского творчества.

Многие стихи поэта носят следы исторических и филологических штудий. В отличие от Велимира Хлебникова, Мартынов иногда предлагает читателю в качестве сюжета стиха как бы конспект таких штудий (ср., напр., «Лебедия будущего» Хлебникова и «Страна Лебедия» Мартынова). Так, в стихотворении «Страна Лебедия» автор даёт ссылку на литературный источник — книгу венгерского поэта Дюлы Ййеша о мадьярах IX века. В этой книге Мартынова заинтересовало упоминание о стране между Доном и Днепром: «Страна Лебедия, а если правильной, в иной транскрипции — страна Левадия». По фонетическому признаку сгруппированы в стихотворении два ряда образов: *Лебедия-Левадия-Левада* — луга с левкоями; *Лебедия* — царевна-*Лебедь*.

Этимология слова *левада* (укр.) — луг от греч. *libadion* (заливной луг) от *leibo* — лью зафиксирована в современных словарях. Художественная оригинальность Мартынова, помимо обогащения первого ряда образов (*левада-левкой*) состоит в сближении этих двух разных этимологических рядов: *левада-лебедь*. Реализован также этимологический признак *белый* (*albus*) в общеславянском слове *лебедь*: «Страна Лебедия, где в белом трепете (так мне пригрезилось!)/Порхали лебеди над Черноморием, белея крыльями».

Редактируя стихотворение «Страна Лебедия» для сборника «Узел бурь» (1979), автор весьма уместно вспомнил о бытовании слова *левада* не только на Украине, но и в Болгарии, славянской стране.

Новая этимологическая справка о родстве языков вошла в лирический сюжет. Какое счастье отыскивать в седых временах, в родстве языков факты чудесного братства, а не междоусобиц:

О, что за славное у нас наследие!
Ведь мы соседи — я
И ты, Лебедия!

Безусловно, для понимания некоторых мартыновских стихотворений нужна общекультурная и страноведческая база, поскольку сюжет стихотворения часто опирается на внеязыковые представления, связанные с именами собственными. Таково, например, натурфилософское стихотворение «Голос природы» (1964). В нём упоминаются фамилии историков и философов, чьи труды стали историей: Ключевский, Платонов, Сергей Соловьёв, Владимир Соловьёв, беллетрист Всеволод Соловьёв. В контрастном сочетании даны фамилии Муравьёва-вешателя и Муравьёва-Апостола, нарочито не названные в открытую. Фамилии важны не столько сами по себе, сколько для условного пейзажа (Ключевский — природный ключ, Соловьёв — распеваящий соловей, Муравьёв — трудолюбивый муравей) и для общих рассуждений.

Проблема объективного бытия природы в стихотворении Мартынова решается от противного: берутся мотивированные русские фамилии (с общим поэтическим значением — природа), но мотивация их объявляется ложной, произвольно навязанной. Причём с опровержением мотивированной связи выступают ...имена нарицательные:

Вдруг с ветвей соловьи закричали:
— Мы не историки и не философы—
Мы не Сергеи и не Владимиры Соловьёвы,
И даже не Всеволоды Соловьёвы,
А самые обыкновенные соловьи!

Полемический характер «Голоса природы», где «выбивающийся из круч ключ» отрекается от родства с Ключевским, муравей от Муравьёвых, соловей от Соловьёвых,— это, собственно, отголоски современных дискуссий об экологических проблемах. Но если спор истории и современности Мартынов, скорее всего, решает в пользу прав дня нынешнего, то извечный спор природы и истории решается им в пользу прав природы: «О, довольно твердить о себе — /Загляните в меня!»

Наблюдения над поэтическим значением имени собственного в лирике Леонида Мартынова убеждают нас, что «художественное слово образно вовсе не в том только отношении, будто оно непременно метафорично» (Винокур Г. О. Указ. соч. С. 390). Образны в поэзии и самые обычные имена собственные, в их номинативной и эстетической функции.

Поэзия Ирины Кнорринг

*Зачем меня девочкой глупой
От страшной родимой земли,
От голода, тюрем и трупов
В двадцатом году увезли?*

Так писала о своем вынужденном отъезде-бегстве из России русская поэтесса-эмигрантка Ирина Николаевна Кнорринг (1906—1943). Еще одно «забытое» и по существу пока не «возвращённое» имя. Нелёгкая человеческая и поэтическая судьба, долголетняя неизлечимая болезнь, нищее эмигрантское житьё, смерть на больничной койке в оккупированном фашистами Париже и несбывшаяся мечта о возвращении на Родину, воспоминаниями и думами о которой полны её стихи: «Я верю в Россию. Пройдут года...» (1924), «Россия — плетень да крапива,/Ромашка и клевер душистый...» (1924), «Вы помните — шесть лет тому назад/Мы отошли от берегов России» (1925), «Ты мечтаешь: „Вот вернусь домой,/Будет чай с малиновым вареньем“. <...> Глупый друг, ты упустил одно:/Что не будет главного — России» (1930), «Россия!/Чужая Россия!/Когда ж

она стала чужой? <...> Туда — никогда не поеду, /А жить без неё не могу» (1933), «Я уж не так молода, чтобы ехать в Россию» (1938).

А на родину вернулись родные поэтессы — отец, муж и сын, привезли её стихи и просьбу умиравшей напечатать их в России. Отец оставил после себя мемуарную «Книгу о дочери» (Простор. 1993. № 12), а сын и внук издали её избранное (Алма-Ата, 1993) на собственные средства.

Если эмигрантская доля Ирины Кнорринг в какой-то мере была похожа на цветаевскую (материальная нужда, редкие стихотворные публикации, рождение сына), то в поэтическом плане ей оказалась ближе другая старшая современница — Анна Ахматова. И стихи И. Кнорринг — это тоже лирический дневник, запечатлевший обыденную жизнь с житейским «сором», но ещё более приземлённую, чем в ранней ахматовской поэзии, и с более ироническим и беспощадным самоанализом.

Замызанное платье и усталость,
Немытая посуда на столе.

С запахом лука и супа,
В кухонном едком чаду —
Женщиной слабой и глупой
Тихо к тебе подойду.

Моя несложная, пустая,
Обыкновенная душа.

Я — человек второго сорта,
Без широты и глубины.
И для чего, какого чёрта,
Такие люди рождены?

В отличие от Ахматовой любовная лирика Кнорринг малочисленна, но зато много стихов, обращённых к сыну — «белобрысьемому гномику» и пронизанных щемящей материнской любовью и страхом за своего ребёнка, за его настоящее и будущее: «Вторит ночи тоненький и жалобный/Детский плач из тёмного угла»; «Всё смотрела на пухлые детские губы,/Суеверно крестила кровать»; «Я ласкаю песней колыбельной/Слабого и нежного тебя».

За горечь длинных, пустых недель, —
За сердце холодное в терпкой злобе ---
Дана мне тихая колыбель,
Глаза голубые и детский лобик.

Когда-то Лермонтов создал горькую, исполненную безысходности и отчаяния «Благодарность», в которой благодарил Бога «за горечь слёз, отраву поцелуя,/За месть врагов и клевету друзей;/За

жар души, растраченный в пустыне» и просил о скорейшей смерти. Анна Ахматова искала земной награды «за годы боли и труда», «за то, что всем я всё простила» и видела её в возлюбленном — «Ты будешь ангелом моим» («Я знаю, ты моя награда...», 1916). Ирина Кнорринг и перекликается с предшественниками, и отталкивается от них: для неё единственное утешение и отрада в мире горя и бед — её сын.

И, вероятно, вспоминала поэтесса знаменитые блоковские строки: «И невозможное возможно,/ Дорога долгая легка,/ Когда блеснёт в дали дорожной/ Мгновенный взор из-под платка...», когда поверяла стихам самые заветные свои чувства: «Но мир таинственно светлеет./ И жизнь становится легка,/ Когда, скользя, обхватит шею/ Худая детская рука».

Но как редки в поэзии Кнорринг радостные, светлые переживания и настроения! Жизнь ей представлялась бесцветной и жестокой, стыдной и грубой, годы — ненужными, минуты — усталыми, день — обезумевшим, дождь — безжалостным, а ветер — озлобленным, луна — лживою, а закат — мёртвым; людские лица — равнодушными и скучными, а свой дом — холодным, неуютным и собственные стихи — бестолковыми и никудышными.

Свыше 15 лет жила Ирина Кнорринг под знаком смерти, в ожидании её прихода («Ещё пять лет я вырву у судьбы./ С безумием, отчаяньем и болью»; «А жить осталось так немного,/ И то уж — из последних сил»), предсказывая свой смертный час и описывая его во всех подробностях: больница, последний приступ, уколы, разбуженные больные, сиделка — никого из близких, потеря сознания — и рассвет («День догорит в неубранном саду»).

Однако не только личные страдания и невзгоды омрачали и печалили впечатлительную и ранимую душу. Жизнь поэтессы протекла между двумя мировыми войнами. Духовное пробуждение было связано с гражданской, и «Баллада о двадцатом годе» 18-летней девушки достойна стоять в одном ряду с лучшими поэтическими откликами на российскую революцию. А вторую войну она встретила во Франции, пережила бомбёжки и оккупацию и, узнав о вторжении германских войск в Россию, написала стихотворение о «немецком мечтательном мальчике», гуляющем «по карте Земли», которое наряду с «Итальянцем» М. Светлова следовало бы включить в антологию «военных» (точнее «антивоенных») произведений.

Зачем ему русские вьюги?
Разрушенные города?
На севере или на юге —
Везде — непременно — всегда? {...}
И над безымянной могилой
Уже не поплачет никто.
Далёкий, обманутый, милый...
За что?

Поэтический голос И. Кнорринг негромкий, в её стихах нет формальных изысков, ярких, оригинальных метафор, громких, новаторских рифм. Кажется, к её поэзии как нельзя лучше приложимы пушкинские эпитеты, адресованные Татьяне Лариной: «Всё тихо, просто было в ней». Тем не менее поэтесса прислушивалась и к современным ритмам, и к неточным рифменным созвучиям, то пользуясь дольником, то рифмуя *печаль и чай, без толку и на полках, дела — хотелось, сухих — стихи, ножи — жизнь*.

При жизни Ирины Николаевны было опубликовано только два сборника «Стихи о себе» (1931) и «Окна на север» (1939) и один после смерти — «После всего» (1949). Все вышли во Франции — мизерным тиражом (в сумме — 750 экземпляров), но они не остались незамеченными критикой (Г. Адамович, Г. Иванов, Ю. Терапиано). В своей книге «Русская литература в изгнании» (Нью-Йорк, 1956) Г. Струве назвал поэзию И. Кнорринг «очень личной» и «едва ли не самой грустной во всей зарубежной литературе». А Анна Ахматова, прочтя рукопись умершей и неизвестной ей поэтессы, заметила, что «она находит слова, которым нельзя не верить».

Л. Л. Бельская,
доктор филологических наук ©
Алма-Ата

* * *

Как он спокоен, говорит и шутит,
Бессмысленный убийца без вины,
Он, оглушённый грохотом орудий,
Случайное чудовище войны.

Как дерзок он, как рассуждает ловко,
Не знающий ни ласки, ни любви.
А ведь плеча касался ствол винтовки
И руки перепачканы в крови.

О, этот смелый взгляд непониманья
И молодой, задорно-дерзкий смех!
Как будто убивать по приказанью
Не преступленье, не позор, не грех!

* * *

*Темна твоя дорога, странник,
Польнью пахнет хлеб чужой.*

Анна Ахматова

Я девочкой уехала оттуда,
Нас жадно взяли трюмы корабля.
И мы ушли — предатели, Иуды,
И прокляла нас тёмная земля.

Мы здесь всё те же, свято чтим обряды.
Бал задаём шестого ноября.
Перед постом — блины, по праздникам — парады,
За родину, за веру, за царя.

И, пьяные от слов и жадные без меры,
Мы потеряли счёт тоскливых лет.
Где ни царя, ни родины, ни веры.
Ни даже смысла в этой жизни нет.

Ещё звенят беспомощные речи.
Блестят под солнцем Африки штыки,
Как будто бы под марш походный легче
Рассеять боль непрошенной тоски.

Мы верим, ничего не замечая,
В свои мечты. И если я вернусь
Опять туда — не прежняя, чужая. —
И снова к тёмной двери постучусь,

О, сколько их забитых, опалённых,
Мне бросят горький и жестокий взгляд. —
За много лет, бесцельно проведённых,
За жалкие беспомощные стоны,

За шёпоты у маленькой иконы,
За тонкие блестящие погоны,
За яркие цветы на пёстрых склонах,
За белые дороги, за Сфаят!

И больно вспоминая марш победный,
Я поклонюсь вчерашнему врагу,
И если он мне бросит грошик медный —
Я этот грош до гроба сберегу.

1924

* * *

Я верю в Россию. Пройдут года,
Быть может, совсем немного,
И я, озираясь, вернусь туда
Далёкой, ночной дорогой.

Я верю в Россию. Там жизнь идёт,
Там бьются скрытые силы.
А здесь у нас тёмных дней хоровод,
Влекущий запах могилы.

Я верю в Россию. Не нам, не нам
Готовить ей дни иные.
Ведь всё, что вершится, так только там,
В далёкой Святой России.

1924

Россия

Россия — илетья да крапива,
Ромашка и клевер душистый;
Над озером вечер сонливый,
Стволы тополей серебристых.

Россия — дрожащие тени.
И воздух прозрачный и ясный,
Шуршание листьев осенних,
Коричневых, жёлтых и красных.

Россия — гамаша и боты,
Гимназии светлое зданье.
Оснеженных улиц пролёты
И окон промёрзших сверканье.

Россия — базары и цепы,
У лавок — голодные люди.
Тревожные крики сирены,
Ревущие залпы орудий.

Россия — глубокие стоны
От пышных дворцов до подвалов,
Тревожные цепи вагонов
У душных и тёмных вокзалов.

Россия — тоска, разговоры
О барских усадьбах, салазках...
Россия — слова, из которых
Сплетаются милые сказки.

1924

* * *

Отговорил, отскандалил,
Остановил колесо.
Ушёл в бестелесные дали
Раскольник из древних лесов.
И минуты в тревожной смене
Стали темны и страшны,
Когда закачался вдоль голой стены
В страшной петле — Сергей Есенин.

1925

* * *

Зацветают в Париже каштаны,
Как венчальные строгие свечи.
Опускается вечер туманный —
По-весеннему дымчатый вечер.

За оградой туманного сада
Сумрак полон томленьем и ленью.
Лиловеют за ржавой оградой
Чуть расцветшие кисти сирени.

А уж сердце быть прежним не может,
Стало новым, взволнованно-странным —
Оттого, что в аллеях каштаны
На венчальные свечи похожи.

1927

Париж

* * *

Минут пустых и вялых не считаю.
Смотрю в окно, прильнув к холодной раме,
Как бегают весёлые трамваи,
Уже блестя вечерними огнями.

Среди случайных уличных прохожих
Ищу тебя — с трамвая ли? С вокзала?
Темнеет вечер, грустный и похожий
На тысячи таких же захудалых.

Напротив, в доме, вымазанном сажей,
Сосед-чудак, склонясь к оконной раме,
Как я, сосредоточенно и важно
Ворочает раскосыми глазами.

Он мне сейчас мучительно несносен:
Ну, что глядит?! Наверно, злой и хмурый,
Он равнодушно думает, раскосый:
«Вот дура!»

1927

* * *

Говорили о злобе пожарищ,
В чёрном небе густела гроза.
Говорили при встрече — «товарищ»,
Никогда не смотрели в глаза.

Узнавали по голосу вести,
Мимоходом, на остром ветру.
В мутном мраке фабричных предместий
Находили ограбленный труп.

Рано, в сумерках, дом запирали,
Спать ложились и света не жгли.
По утрам в гимназическом зале
Повторяли: «Вчера увели...»

И за наглым, разбойничьим свистом
Опьяневших от крови солдат
Ясно слышался в воздухе мгlistом
Непрерывный и жуткий набат.

В расплескавшейся мутной стихии,
В первобытной запутанной тьме,—
Были ночи, как сны,— огневые,
Были лица — белее, чем мел.

И в рассветном, молочном тумане,
В час, когда расточается мгла,
Где-то вспыхивала и росла
Напряжённая радость восстанья.

1928

* * *

Я пью вино. Густеет вечер.
Весёлость, лёгкость — мишура.
Я пью вино за наши встречи,
За те — иные — вечера.

И сквозь склонённые ресницы
Смотрю на лампу, на окно,
На улыбочивые лица,
На это горькое вино.

И в громких фразах, в скучном смехе
Самой себя не узнаю.
Я пью за чьи-нибудь успехи,
За чью-то радость, — не мою.

А там, на самом дне стакана.
Моя душа обнажена...
— И никогда не быть мне пьяной
Ни от любви, ни от вина.

1929

* * *

И вовсе не высокая печаль
И не отчаянье сдвигало брови...
Весь вечер долго пили чай
И долго спорили о Гумилёве.

Бросали столько безответных слов.
Мы ссорились с азартом и без толку.
Потом искала белый том стихов
Повсюду — на столе, в шкафу, на полках.

И не нашла. И спорили опять.
Стихи читали. Мыкались без дела.
И почему-то не ложились спать,
Хоть спать с утра мучительно хотелось.

День изо дня — и до каких же пор?
Всё так обычно, всё совсем не ново,
И этот чай, и этот нудный спор
О Блоке и таланте Гумилёва.

1930

* * *

Всю жизнь тоскливо думать про искусство,
Писать стихи о том, что очень грустно.

День изо дня назойливо молчать
И, не дождавшись, терпеливо ждать,

И отвозить покорно и упорно
Своих любимейших и неповторных

Литературных маленьких детей
На кладбище «Последних Новостей».

1930

* * *

Уже не девочка — жена и мать.
Суровый опыт, а не мысль о чуде.
Уже пора бы, кажется, понять,
Что это — жизнь и что другой не будет.

А всё-таки ещё бывает жаль
Забывших слов, разрушенных желаний,
И о небывшем поздняя печаль
Мешает спать в предутреннем тумане...

Уж создан быт, свой дом, своя семья,
Ну, пусть не так,
Как думалось когда-то,
Пусть не дорога — жизнь, а колея,
Не зори в ней, а ранние закаты.

Пусть большего не будет никогда,
Но то, что есть, — сурово и велико,
И беспощадно-трезвые года
Прекрасней нашей юности двуликой.

А всё-таки...

1931

* * *

Можно всё друг другу рассказать,
Всё открыть,
До самого святого,
Заглянуть нечаянно в глаза,
Угадать несказанное слово.

Можно все условности стереть,
Как своё, принять чужое имя,
Вместе жить и вместе умереть —
И остаться всё-таки чужими.

1931

* * *

Давно не говорим — «Спокойной ночи».
Всё горше жизнь от постоянных ссор.
И с каждым днём всё резче и короче
Наш деловой несложный разговор.

Я не спрошу — где проведёшь ты вечер,
Я не скажу, кому пишу письмо.
Я часто жду какой-то яркой встречи,
И часто дом мне кажется тюрьмой.

Нам трудно жить, самих себя скрывая,
И всё мучительнее быть вдвоём.
Мы оба сердимся и оба знаем,
Что больше мы друг друга не вернём.

1932

* * *

День догорит в небранном саду.
В палате электричество потушат.
Сиделка подойдёт: «Уже в бреду...»
Посмотрит пульс: всё медленней и глуше.

Сама без сна, мешая спать другим.
Не буду я ни тосковать, ни биться.
Прозрачный синий полумрак. Шаги...
А жизни-то осталось — в белом шприце.

Ещё укол. В бреду иль наяву?
Зрачки расширятся, окостенеют.
Должно быть, никого не позвоу,
Должно быть, ни о ком не пожалею...

Блеснёт заря над крышами вдали.
Туман дома окутает, как саван.
И в это утро я уйду с земли.
Безропотно. Бестрепетно. Бесславно.

1936

* * *

Я — человек второго сорта,
Без широты и глубины.
И для чего, какого чёрта,
Такие люди рождены?

Зачем? Чтоб нищенкой унылой
Топтаться на чужом пути?
От колыбели до могилы
Себе приюта не найти?

Всегда никчёмной и забитой
Всего бояться, всё терпеть,
Чтоб у разбитого корыта
Последней дурой умереть.

Чтоб, ничего не понимая,
Смотреть в любимые глаза,
За бесконечной чашкой чая
Весь вечер слова не сказав.

Молчать весь вечер, дни за днями,
Молчать всю жизнь, молчать всегда,
Чтоб никудышними стихами
Вились ненужные года.

Так жить — смешно и неумело,
Не сделав ровно ничего,
Прислушиваться в мире целом
К биению сердца своего.

И на кровати, в ночь глухую,
В ночь униженья, ночь без сна,
В давно привычном поцелуе
Испить отчаянье до дна.

1938

На перекрестке мнений

Л. К. ГРАУДИНА,

доктор филологических наук,

Заведующая Отделом культуры русской речи

Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН

В журнале «Дружба народов» в 1990 г. (в № 6 и последующих) в рубрике «Русская культура на перекрестке мнений» были опубликованы горячие и неординарные выступления многих писателей, критиков и публицистов. Рассматривая современные проблемы жизни россиян и русской культуры, участники дискуссии не могли не затронуть и тему русской речи, ее культуры, сдвигов и смены литературных норм. Как писала Гулрухсор Сафиева — «о языке Пушкина, о его „чудном мгновенье“ вспоминаем все реже, все больше отчуждаемся от него, и — самое удивительное — неправильный русский язык как будто никого из русских не беспокоит. Его оплакивает в одиночестве лишь академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, проходя мимо сгоревших полок с рукописями в библиотеке имени Салтыкова-Щедрина» (Г. Сафиева. Бумеранг или Ностальгия по чудному мгновенью//Дружба народов. 1990. № 6. С. 178—179).

На высказывание автора о состоянии русского языка, которое «как будто никого не беспокоит», можно твердо возразить — беспокоит, и даже внушает тревогу, вызывает самые разные опасения. Мы сейчас живем в условиях острой политической разноголосицы, экономической неразберихи и, конечно, в неопределенном ожидании никому неизвестного будущего. В широких кругах интеллигенции наше время воспринимается как время трагических слов. Достаточно пробежать глазами заголовки публикаций любого журнала и любой газеты: «Выжить!» — лейтмотив существования отечественной науки и культуры. Именно такое представление окрашивает суждения о русском языке очень многих известных деятелей нашего общества. Кратко напомним некоторые из них: А. И. Солженицын — «Нужно спасти русский язык, национальную культуру и духовность» (НТВ, 1 июля 1994 г.); В. Н. Ганичев — главный редактор «Роман-газеты», высказываясь о «насилии над языком, вмешательстве в его суверенную системную структуру», в качестве примера привел географические названия типа Башкортостан, Кыргызстан, Алматы и др. Кстати, в газете «Голос» по поводу этих наименований

была опубликована заметка с красноречивым заголовком: «А ну-ка, скажите с ходу „Каракалпакстан“» (1994. № 2). И здесь уместно напомнить, что прежде всего вмешательство ученых Института русского языка РАН (его директора члена-корреспондента Ю. Н. Караулова и др.) помогло восстановить на телевидении прежние названия. Можно привести также мнение одного из образованнейших людей России: Митрополит Смоленский и Калининградский владыка Кирилл напоминал о том, что русский язык — это не только могучее и прекрасное национальное достояние, это еще и язык великой христианской культуры и литературы и отмечал в связи с этим «невероятное оскудение литературных форм, засорение их матом и блатными словечками». Эти суждения (здесь имеется в виду также и мнение В. Н. Ганичева) были высказаны на Соборной встрече «В защиту русского языка», которая состоялась в Москве 13 мая 1994 г. в Свято-Даниловом монастыре.

Ни у кого нет сомнений в том, что русский язык был и остается одним из величайших языков мира. Речь может идти лишь о том, что его богатейшие стилистические возможности остаются невостребованными в нынешнем обществе. Резко снизилась культура владения языком. Иногда можно услышать и очень горькие слова: мы отдаем себя и свой язык на поругание, когда на исторических зданиях столицы — памятниках русской культуры и архитектуры, на ее улицах и площадях вывешиваем рекламу, плакаты, названия фирм, офисов и товаров только на английском языке, да еще и с ошибками. В одной из публикаций «Вечерней Москвы» были выразительно показаны многочисленные образчики «издательских» (по словам автора) вывесок на иностранных языках в Москве. Один пример из этой статьи: «У западного вестибюля станции метро „Чертановская“ находится несколько киосков, имеющих собственные названия; на одном из них начертано Laif. Надо думать, что имелось в виду слово Лайф — жизнь, но пишется-то это слово life» (А. Бернштейн. Заглянуть бы в словари // Веч. Москва. 1993. 6 янв.) Конечно, вытеснение кириллицы из городской микротопонимики должно быть прекращено.

Спору нет, моральный и этический стандарт в обществе упал, и упал он прежде всего в языке. Пример: по радио России идет передача: «Все дедушки по локоть в воде отжимаются» (9 окт. 1994). Что означает эта фраза? Не знающему жаргона военных ее не понять. Речь идет об отношениях, связанных с дедовщиной. Старослужащим мстят «младшенькие», загнав их в воду под дулом пистолета. Пропагандируя по радио подобные формы общения, мывольно или невольно поощряем грубое и непристойное поведение. Перестаем замечать низменные формы речи. Мы привыкаем к ним, они стали звучать для нас нейтрально.

Да, стилистические нормы меняются. Появилась свобода слова. Пиши, как думаешь, говори, что хочешь. Ни запрета, ни контроля! Этому можно только радоваться. Но, что очень плохо, нередко нет и необходимого самоконтроля, даже попыток самоограничения. «Мы любим ядерное словцо, соленую шутку, но когда они к месту и ко времени,— пишет Илья Окунев в „Московской правде“.— А постоянно муссировать да еще с экрана телевизора на всю страну „большую“ и „малую“ нужду человека с различными физиологическими вариантами, это, извините, выглядит умственным убожеством» (И. Окунев. Смех выше и ниже пояса // Моск. правда. 1994. 21 янв.).

В этих условиях языковедам нельзя не реагировать на происходящее. Должна быть подчеркнута ценностная ориентация лингвистов и в области современной теории культуры речи, и в области конкретных программ работы на будущее.

Нельзя не отметить одно обстоятельство. Многие ученые проводят параллели между языковой стихией смутного времени — двадцатыми и девяностыми годами. Тогда и теперь выступали и выступают против неумеренных заимствований. Тогда и теперь вспоминали и вспоминают о деградации языка и наступлении так называемой «уголовной фени». Ставится вопрос о «приличии», «пристойности» в связи с происходившим в двадцатые годы и происходящим сейчас резким стилистическим снижением и огрублением русской речи. Тогда русские эмигранты писали о советском языке как о «простецком» говоре, загрязненном «четырёхэтажной» бранью. В этой связи уместно вспомнить определенные соображения, которые высказывал Н. И. Толстой в работе «Вопросы культуры речи в трудах русских лингвистов 20-х годов». Лингвисты старшего и среднего поколения, такие, как Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, А. М. Селищев, Д. Н. Ушаков и др., не всегда и не во всем одинаково оценивали «сложившуюся социолингвистическую ситуацию и роль лингвистов в процессе культивирования родного языка». Мнения были разными, но, как справедливо отмечал Н. И. Толстой, рассудил всех суд истории русского литературного языка: «Вошло в язык лишь относительно небольшое, что было необходимым, могло оказаться устойчивым и целесообразным с стилистической и чисто коммуникативной точки зрения» (С. 510).

Этот урок истории мы не можем не учитывать и в наше время. Из числа новообразований в культурно-языковом обиходе закрепляются противостоящие элементы, которые взаимно уравновешиваются. Идут, с одной стороны, жаргонные словечки, а с другой, — возрождается высокая церковно-славянская лексика и фразеология; употреблению затемненных и не всем понятных заимствований противопоставляется заметное возрастание разговорных элементов в массовых коммуникациях — в лексике, грамматике и т. д. В конеч-

ном итоге побеждают естественные и органичные нормы литературного языка, которые соответствуют в целом общему процессу его демократизации и сближению со стихией разговорной речи.

Какую роль в этом процессе играет Институт русского языка РАН, как он отвечает на запросы сегодняшнего дня? Основные направления в культуре речи как научной дисциплине конкретно обозначены в подготовленной сотрудниками отдела культуры речи теоретической монографии «Культура русской речи и эффективность общения» (35 а. л.; редакторы: Е. Н. Ширяев и Л. К. Граудина). Работа обсуждена на Ученом совете Института и рекомендована к печати. В этом исследовании представлена полная и, как кажется ее исполнителям, более совершенная концепция культуры речи, которая не сводится только к проблемам правильности и кодификации, т. е. к ортологическому направлению. Вспомним, что именно оно преобладало до недавнего времени. Новый подход к проблематике культуры речи предусматривает три важнейших компонента: коммуникативный, нормативный и этический. Первый компонент, предполагающий коммуникативный подход, представлен в монографии в качестве ведущего с опорой на известную концепцию функциональных стилей, предложенную академиком Д. Н. Шмелевым.

Любая функциональная разновидность языка реализуется в определенных, вполне конкретных условиях. При этом работает фактор адресата и адресанта, что и заставляет приспособлять речь или корректировать ее применительно к тем условиям, в которых она ведется. Исследование роли целеустановки в речи породило теорию речевых актов, которая и развивается в монографии применительно к изложенной теме. Например, имеют большое значение установки, связанные с социальными условиями в общении — авторитет, власть, ролевые отношения, правила вежливости и т. д.

Речевые акты, представляя собой определенные действия, конвенциональны по своей природе. Тем более, что некоторые из них могут рассматриваться как культурно обусловленные (приветствия, прощания, благодарности, извинения, просьбы и т. д.), что предусматривает введение еще одного компонента — этического, который включает сюда, конечно, и этикетную сторону общения.

В работе развиты также положения, связанные с установлением теоретических основ нормализации языка. В частности, вопрос о соотношении стихийного и сознательного в языке и кто все же в нем устанавливает закон — далеко не праздный. Задумываясь о языке применительно к русской поэзии, А. Блок писал: «В стихах всякого поэта девять десятых, может быть, принадлежит не ему, а среде, эпохе, ветру, но одна десятая — все-таки от личности» (А. Блок. Соч. в 2 тт. М., 1955. Т. 2. С. 301).

Еще сложнее вопрос об отношении к норме новообразований в публицистической речи типа *пугоязовец*, *гамсахурдист*, *янаец*, *абалканизация*, *чурбаногейт* и под. Такого рода неологизмы собраны в кандидатской диссертации Е. Ю. Красниковой «Влияние современных общественно-политических факторов на развитие и функционирование социально-оценочной лексики русского языка» (М., 1994). Пройдет тридцать лет, и многие из этих новообразований уйдут в пассивный запас или в тексты исторического содержания. Их вхождение в круг стабильной, укорененной общелитературной лексики представляется проблематичным. Ясно, что по отношению к литературной норме это слова особого качества: в активном употреблении они, как правило, встречаются лишь у небольшой группы публицистов и политиков. Должны быть выявлены языковые показатели, свидетельствующие об «усвоенности» новых явлений. В частности, объективным фактором, способствующим принятию нормой новых слов, является степень их употребительности. Высокочастотные слова входят быстрее и надежнее, чем слова, редкие в употреблении.

Важно еще одно направление исследований, которое связано с деятельностью в области новой русской риторики. Русская риторика была широко представлена в теории словесности вплоть до первых десятилетий XX в. Казалось, что октябрь 1917 г. окончательно и навсегда похоронил многое из того, что было в русской словесности и просвещении в XIX веке. Однако знаменателен тот факт, что появившиеся идеологические послабления после 1985 г. сразу же были восприняты филологами, и впервые после длительного перерыва стали выходить в свет современные книги по риторике: учебник С. С. Гурвича, В. Ф. Погорелко и М. А. Германа «Основы риторики» (Киев, 1988); «Общая риторика (современная интерпретация)» Е. А. Юниной и Г. М. Сагач (Пермь, 1992); «Искусство диалога или беседы о риторике» С. Ф. Ивановой (Пермь, 1992); «Практическая риторика» И. А. Стернина (Воронеж, 1993); «Риторика как норма гуманитарной культуры» О. И. Марченко (М., 1994); «Риторика» Н. Н. Кохтева (М., 1994); «Общая риторика (курс лекций и словарь риторических фигур)» Г. Г. Хазагерова и Л. С. Шириной (Ростов-на-Дону, 1994). К этому же числу должны прикнуться и парламентская риторика, подготовленная в отделе культуры русской речи Института русского языка РАН и вышедшая в свет в 1994 году. При всем том, что материал в этой книге, бесспорно, новый, самый подход к нему и выстраивание композиции всей работы — сугубо риторические. В книге соблюдены все особенности жанра частной профессионально-ориентированной риторики. А этот жанр расцвел в России в XIX веке: вспомним «Частную

риторику» Н. Ф. Кошанского, К. Н. Зеленецкого; «Военное красноречие» Я. В. Толмачева; «Судебное красноречие» К. Л. Луцкого и др.

В настоящее время в отделе культуры русской речи ведется работа над учебным пособием для вузов гуманитарной ориентации под названием «Культура русской речи». Предполагается создать программу курса, текст учебника и хрестоматию.

И ученые, и преподаватели русского языка свое главное назначение видят в том, чтобы приобщить современное общество к тем культурным традициям, которые складывались на протяжении веков и которые не утратили своей роли и в наше время. Уровень культуры, достигнутый предшествующими поколениями, должен быть стартом для последующих поколений.

В настоящее время в теории языковой культуры выделяются два главных направления: «1. Культура как состояние, уровень (языка и речи); 2. Культура как деятельность, т. е. культивирование (совершенствование) языка и речи» (А. Едличка. Теория языковой культуры сегодня//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. С. 261). Реализация идей первого направления наиболее перспективна в тех случаях, когда речь идет о целях обучения и повышения общей культуры человека — в школе, в вузе, в профессиональных учреждениях. Идеи второго направления полнее выражаются и в общетеоретических исследованиях, и в практических работах, о которых рассказано в статье. Пересечение этих двух направлений создает четыре основных сферы деятельности отдела культуры русской речи Института русского языка РАН — теоретической, словарной (имеется в виду работа над всеми типами ортологических словарей — орфографическим, орфоэпическим, грамматическим и словарем трудностей словоупотребления: см. об этом специальную статью в „Известиях ОЛЯ“. 1994. № 4), информационно-справочной (деятельность «Справочной службы русского языка») и учебно-популяризаторской.

Сейчас появляется немало публикаций о русском языке в среде русской эмиграции. Одно из высказываний (П. Е. Ковалевского), приведенное в статье Н. И. Голубевой-Монаткиной (Русская словесность. 1994. № 3) хотелось бы напомнить: «Язык как солнце — поддерживает, растит и оживляет наше самосознание». Понимание этого заставляет всех нас более бережно и заботливо относиться к культуре родной речи.

ОБ ОДНОЙ СЛОВАРНОЙ ТРИАДЕ

Е. А. ЛЕВАШОВ,
кандидат филологических наук

Лексика нарицательная и лексика собственноименная — две опоры, на которых зиждется язык в его живом функционировании. Можно (гипотетически) написать научную книгу или книгу стихов, не используя ни одного имени собственного, но вряд ли возможно прожить хотя бы день, не воскресив в каком-нибудь контексте имени собственного, — не говоря уже о том, что невозможно ни что-либо написать, ни что-либо сказать, ни что-либо подумать без нарицательной лексики. Практически обе эти «лексики» в устном и письменном речевом потоке неразрывно сосуществуют, потому что отвечают потребности человеческого общения по временным горизонтали и вертикали (современника с современником и поколений с поколениями).

В обыденной речи собственные имена (фамилии и имена людей, географические наименования, названия кораблей, клички животных и т. п.) используются, конечно, значительно реже, чем слова знаменательные и служебные, но в своем абсолютном количестве оба эти пласта лексики вполне сопоставимы: в языках крупных наций собственных имен миллионы, более того — десятки миллионов (с учетом микротопонимики).

Если та и другая стороны лексики составляют единое лексическое пространство языка и если живой язык немислим без той и другой своей стороны, возникает вопрос: давать ли эти два лексических пласта, несмотря на их различие, в одном словаре или их лексикографировать порознь? И нужны ли словари собственных имен вообще — словари слов, основная функция которых — называние, и потому не требующих разъяснений по семантике?

Всем известные филологические словари (толковые, двуязычные, орфографические и т. д.) содержат только те слова, которые знаменуют классы однородных объектов. Имена собственные как словные обозначения объектов единичных, «поштучно» выделяемых из соответствующих классов, остаются за бортом таких словарей. Их место — в словарях понятий, т. е. в словарях энциклопедических, да и то в избирательном порядке — имена объектов повышенного значения: фамилии известных лиц, названия географических мест и

территорий первого и второго порядка, наименования исторических событий, историко-культурных сооружений и под.

Всю лексику — независимо от того, что она обозначает, — объединяет ее назывная функция. Казалось бы, с одинаковыми ограничениями имен нарицательных и собственных она должна быть представлена в словаре общей национальной лексики. Но...

В 30-х годах на этот счет были высказаны взаимоисключающие мнения. Академик Л. В. Щерба: «Многим кажется, что собственным именам нет места в общем словаре... Поскольку собственные имена, будучи употребляемы в речи, не могут не иметь никакого смысла, постольку мы должны их считать словами, хотя и глубоко отличными от имен нарицательных; поскольку же они являются словами, постольку нет никаких оснований исключать их из словаря» (Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. 1971. С. 278). Профессор Д. Н. Ушаков, редактор «Толкового словаря русского языка»: «...если собственные имена принципиально допустить, тогда вся география, вся история, вся литература должна быть как в энциклопедическом словаре» (См.: сб. Современная русская лексикография. Л., 1983). И — справедливый результат: русская лексикография не объединила в одном словаре слова, соотносимые и с классами предметов, и с отдельными предметами.

Но проблема филологического показа собственных имен осталась, потому что собственные имена — тоже слова и те же существительные, «хотя и глубоко отличные от имен нарицательных».

Традиционно собственные имена — это прежде всего личные имена и географические названия (топонимы). Тематически их трудно объединить под одной обложкой. Количество личных имен по сравнению с названиями географическими невелико, и словари личных имен есть. Речь пойдет о названиях географических.

Каждое такое название, какой бы структурой оно ни обладало, — имя существительное с его падежными изменениями и грамматическими характеристиками по роду и числу. При неизбежном господстве стандарта здесь немало случаев, нарушающих принцип подобия: г. Познань, -и, но г. Хайнань, -я; г. Марракеш, -а, но государство Бангладеш, *неизм.*; экономический район Канто — ж. *р.*, г. Киото — *м. р.*; г. Дели — *м. р.*, пустыня Гоби — ж. *р.*; р. Конго — ж. *р.*, государство Конго — *ср. р.*; г. Тбилиси, *неизм.*, г. Кугеси, -ей; г. Кладно — *м.* и *ср. р.*; государство Сомали/Сомали — ж. и *ср. р.*; г. Марсель, -я, но прежде — Марсель, -и; г. Нанкин — Нанкина, но г. Харбин — Харбина; горная система Анды — *род. п.* Анд и Андов; р. Псёл — Псла и Псёла; г. Кириши, -ей, но г. Карши, *неизм.*; р. Нигер, -а, но р. Ист-Ривер, *неизм.*; в Альпах, Карпатах, но на Урале, Памире — и таких вариантов множество.

В современном русском языке наблюдается странная, трудно-объяснимая ситуация: географическое имя ведет себя по-разному в сочетании с разными, но однотипными родовыми определителями: в сочетании со словом *город* топоним имеет тенденцию к неизменяемости (в городе Москве — в городе Сергиев Посад); со словом *поселок* — уже не тенденция, а почти закономерность (поселком Тасбу-гет); при слове *республика* влияние оказывает стиль языка (официальный или неофициальный: Республикой Болгария и Республикой Болгарией); при слове *река* все зависит от грамматического рода гидронима (о реке Волге — о реке Днепр) и т. д. Прежнее (еще в первой четверти века) нормативное требование однопадежности словосочетания «родовой + видовой член» сменилось картиной куда более сложной.

Двойная зависимость географического названия — от собственной финали и родового определителя — делает их положение неустойчивым, вызывающим вариантность. Сам собой напрашивается вопрос, где можно навести соответствующие справки. Такого справочного пособия нет, но оно необходимо. И такой словарь готовится: ведь имена собственные (при всем их отличии от нарицательной лексики) — такой же законный объект лексикографии, как и нарицательная лексика. Такой словарь призван выполнять тройную роль: из всего неисчислимого набора географических имен (топонимики) он вычленил то, что (условно говоря) принадлежит литературному языку, будет (в отличие от энциклопедии) филологическим по содержанию и справочным по назначению. В каждом конкретном случае он даст соответствующую информацию, ориентированную на сегодняшнее нормативное словоупотребление.

Когда хотят определить количество слов в русском языке, обычно не принимают во внимание ни имена собственные, ни их производные. Ближайшим производным от географического названия является соответствующее (т. н. оттопонимическое) прилагательное. Такие прилагательные сопутствуют всей истории нашего языка — от его древнейших памятников до нынешнего дня. Сейчас они — обязательная принадлежность бесчисленных адресных наименований: Краснопресненский район, Камчатская область, Российская Федерация, Волжское речное пароходство, Яско-Кишиневская операция, Московский университет, Ярославский шинный завод и т. п. Оттопонимические прилагательные, как видим, обслуживают и политические, и административные, и — более всего — хозяйственные интересы.

Создание таких прилагательных — творческий словообразовательный процесс: он связан с установлением структурно мотивирующей основы, историческими и современными процессами, происходящими на стыке образующей основы и суффикса, выбором

нужного суффикса. В тех случаях, когда прилагательное по нормативной модели образовать затруднительно, его приходится извлекать из памяти или из справочников (Москва — московский, р. Белая — белорецкий, Архангельск — архангелогородский, Конго — конголезский, Неаполь — неаполитанский, Дания — датский и т. п.).

Оттопонимические прилагательные находятся на стыке имен собственных и нарицательных: от первых они берут производящие основы, от вторых — образующие суффиксы. Их значение стандартно и однозначно — и это служило и служит основанием для их невключения в толковые словари (о чем каждый раз сообщается в предисловии). Но такие прилагательные — часть (и очень активная) нашего языка — и, следовательно, также объект лексикографии. Они не вошли (и справедливо) ни в какие словари как самостоятельные единицы — и встал вопрос об их отдельном словарном отражении. Так появился «Словарь прилагательных от географических названий» (1986 г.).

Производными собственных имен как существительных являются также существительные — слова-названия жителей. Эти слова — ровесники наших городов и деревень. Их находим уже в «Повести временных лет». В Московской Руси названия людей по месту их постоянного проживания или рождения становятся почти обязательной принадлежностью документов делового характера. И сейчас они по-прежнему активны в живой речи. И они также отсутствуют в толковых словарях современности. Правда, в виде исключения допускал их в общий словарь Л. В. Щерба (уже как практик, а не теоретик): «Ясно, что не надо приводить названий жителей городов, но надо все-таки указать, как надо говорить: пензяк или пензенец, или надо нормализовать и то, и другое» (См.: сб. Современная русская лексикография. Л., 1983. С. 153). Отказавшись от включения в общие словари «отечественных, или родину значащих, имен» (Ломоносов), русская лексикография выдвинула идею самостоятельного словаря-справочника («Словарь названий жителей РСФСР», 1964; «Словарь названий жителей СССР», 1976; сейчас готовится новое издание на новых основаниях).

«Пестрота суффиксов, образующих в русском языке названия обитателей географических мест, поистине удивительна» (Л. Успенский. Слово о словах) — этим прежде всего обусловлены необходимость и существование такого словаря как справочного пособия. Более шестидесяти (!) суффиксов обслуживают патронимическое (от лат. patria — отечество, родина) словопроизводство: *-ец* (Волгоград — волгоградец), *-анец/-янец* (Колпны — колпнянец), *-инец/-енец* (Баку — бакинец), *-итанец* (Палермо — палермитанец), *-овец/-евец* (Дно — дневец), *-имец/-ымец* (Уфа — уфимец), *-сец* (Турку — туркусец), *-езец/-эзец* (Генуя — генуэзец),

-лезец (Того — тоголезец), -рец (Анже — анжерец), -анин/-янин/-лянин (Витебск — витеблянин), -овлянин/-евлянин (Буй — буювлянин), -итянин/-етянин (Нарва — нарвитянин), -чанин (Амур — амурчанин), -овчанин/-евчанин (Горький — горьковчанин), -ичанин (Ельня — ельничанин), -ич (Гдов — гдович), -ит (Одесса — одессит), -иот (Кипр — киприот), -чук (Пинск — пинчук), -ак/-як (Кимры — кимряк), -ач (Сим — симач), -арь (Мышкин — мышкарь), -ан (Вага — ваган), -яр (Савойя — савойяр), -ник (Дальний Восток — дальневосточник) и т. д. — еще более тридцати суффиксов.

Как и лексика в целом, географические имена по степени их национальной значимости и употребительности в речи делятся на часть ядерную и часть периферийную (значительно большую). Ядро географических названий составляют слова, вошедшие в общую речь и представляющие ее культурно-исторический запас, что делает их принадлежностью литературного языка. Именно эта лексика и представлена в трех указанных словарях в качестве самостоятельных единиц (словарь топонимов) или производящих слов (словарь прилагательных и названий жителей).

Оттопонимические производные, представленные в двух изданных словарях, также принадлежат к той лексике, которая считается общеупотребительной. В количественном отношении оттопонимических прилагательных (в форме м. р. ед. числа) столько же (или чуть больше за счет вариантности), сколько и топонимов. Оттопонимических же существительных в несколько раз больше (с учетом форм по общему, мужскому и женскому роду), чем топонимов; их количество заметно увеличивается вследствие развитости сети разносуффиксальных синонимов (Тверь — тверяки, тверитяне, тверичи, тверчане, тверичане, тверяне, тверцы).

Все указанные словари (два из них опубликованы издательством «Русский язык») не относятся к толковой лексикографии (хотя оттопонимические прилагательные функционируют со значением отношения, а патронимическая лексика — со значением «уроженец, житель такого-то места, местности»). Если целевая задача лексикографии состоит в полном описании национальной лексики (а тем более активной, коммуникативно необходимой), то и указанные лексико-тематические группы не должны были остаться в стороне от внимания словарников. Не будучи включенными — и справедливо — в общие толковые словари, они породили отдельную ветвь лексикографии — особую словарную триаду, аналога которой нет в мировом словарном деле.

*Орфографические заметки***О написании группы сложных прилагательных с первыми частями *восточно-, западно-, южно-, северно-***

Б. З. БУКЧИНА,
кандидат филологических наук

В «Правилах русской орфографии и пунктуации» (1956 г.) написания прилагательных с первыми частями *восточно-, западно-, южно-, северно-* выделены в особый пункт (§ 81, п. 4): «Пишутся через дефис сложные имена прилагательные, входящие в состав географических собственных имен и начинающиеся с *восточно-, западно-, северно-* и *северо-, южно-* и *юго-*, например, Западно-Казахстанская область, Восточно-Китайское море, Южно-Африканский Союз».

Из этого правила следует, что в нарицательном значении подобные прилагательные, пишущиеся со строчной буквы, меняют дефисное написание на слитное. Именно такие рекомендации даны во всех современных орфографических справочниках. В «Орфографическом словаре русского языка» (во всех изданиях, начиная с первого, 1956 г., и кончая последним — 31-м, 1994 г.) последовательно зафиксированы слитные написания прилагательных с первыми частями — *восточно-, западно-, южно-, северно-*, которым выборочно противопоставлены географические собственные имена, отличающиеся не только написанием с прописных букв, но и изменением слитного написания на дефисное (*восточноафриканский*, но: *Восточно-Африканское нагорье*; *западносибирский*, но: *Западно-Сибирская низменность*, *южноатлантический*, но: *Южно-Атлантический хребет*; *южноафриканский*, но: *Южно-Африканская Республика*).

Однако, несмотря на четкость и однозначность этого частного правила, в практике печати (включая и словари, и энциклопедии) мы наблюдаем «массовые случаи» отступлений от обязательных для всех пишущих рекомендаций «Правил», и «Орфографического словаря», составленного в полном соответствии с «Правилами».

Приведем некоторые примеры из разных источников (энциклопедий, словарей, периодической печати): *западно-европейский театр*, *южно-азиатский минимум*; *северно-русские говоры* (БСЭ), *восточно-романский* (Демографическая энциклопедия), *западно-литовский* (Полиграфический словарь), *западно-греческое письмо* (Книговедение), *западно-европейская музыка* (Музыкальный словарь) и из периодической печати: *восточно-европейское сотрудничество*, *восточно-европейская компания*, *восточно-суданский*, *восточно-казах-*

станская снегомерно-лавинная партия, по восточно-европейскому образцу; западно-европейская музыка, западно-сибирский (предприятие, нефть), западно-европейский (искусство, театр, страны), западно-славянский; южно-русская овчарка, южно-корейский (бизнес, фирмы, кнопочные телефоны), северно-русский.

Довольно часто разноречивой встречается в одном и том же тексте. Например, в статье академика О. Богомолова (Лит. газета. 1990. № 27): «Я думаю, он больше будет помогать *восточноевропейским странам*» и «ответственность нашей партии гораздо больше, чем бывших правящих партий ряда *восточно-европейских стран*».

Или: «Джон Бивер родился в Южно-Африканской Республике, но увлекся политической деятельностью, вступил в *южно-африканскую компартию*» (Известия. 1993). В БСЭ (т. 13) другое отношение к компартии: *южноафриканские власти* и рядом *Южно-Африканская компартия*.

Почему же так последовательно не соблюдается на первый взгляд четкое и простое правило?

1. Сложность правила состоит в определении понятия «географическое собственное имя». На наш взгляд, речь идет о названиях физико-географических объектов административно-территориального деления.

Приведем примеры из БСЭ:

Южно-Туркменское управление, Южно-Украинская АЭС, Южно-Омская оросительная система, Восточно-Европейское сотрудничество, Восточно-Казахстанский комбинат, Восточно-Азиатский банк.

Можно ли оросительную систему, комбинат, банк и т. п. отнести к «географическим собственным именам»? В результате этого расплывчатого определения в БСЭ по-разному даны *Западно-Сибирский металлургический завод* и *Восточносибирский металлургический комбинат*.

В энциклопедии «Книговедение»: *Восточно-Сибирское книжное издательство* и *Восточнословацкое издательство*; *Западно-Сибирское книжное издательство* и *Западночешское издательство*.

Анализ противоречий и отступлений от действующих правил показал, что сквозь существующий разноречивый стихийно пробивается определенная тенденция написания.

В структурном отношении рассматриваемая группа ничем не отличается от сложных прилагательных с такими первыми частями, как *народно-, национально-, культурно-*, и др., т. е. имеющих в своем составе суффикс: *народно-государственный, народно-освободительный, национально-территориальный, национально-патриотический, культурно-национальный* и др. Написания в таких случаях не учитывают и не должны учитывать синтаксически-смысловые отношения компонентов.

Этот принцип последовательно проведен в словаре «Слитно или раздельно?» и до настоящего времени непоследовательно представлен в «Орфографическом словаре русского языка».

2. Разграничение нарицательных и собственных имен (включая и географические) может касаться только употребления строчной и прописной букв. И правило (84, п. 1), рекомендуемое писать через дефис «географическое собственное имя», — часть общего правила: перед прописной буквой, перед собственными именами всегда пишется дефис независимо от того, касается это написания после приставки, после частицы или после первого компонента сложного слова (ср. Анти-Дюринг, пол-Москвы (хотя полмандарина), псевдо-Исидор, анти-Дон-Кихот; квази-Пушкин, пан-Европа, псевдо-Климент); в геологической истории Нила различаются стадии пре-Нила (ранний плейстоцен) и прото-Нила (средний и верхний плейстоцен) и отложения пра-Амударьи, пра-Сыр-Дарья, пра-Зеравшан (ср. протонеолит, прегляциал и др.).

Естественно, что это правило распространяется на географические собственные имена и не ограничено перечисленными первыми частями: *восточно-*, *западно-*, *северно-*, *южно-*. Непонятно, почему пропущена такого же плана первая часть *Центрально-* (Центрально-Якутская низменность) и первые части *Ново-*, *Старо-*, *Верхне-*, *Нижне-*, *Средне-*; *Верхне-Волжский*, *Средне-Уральский*, *Нижне-Волжский* (книжные издательства), *Нижне-Дунайская* низменность.

В анализируемом правиле должно быть учтено (оговорено) и написание сложных прилагательных, образованных от существительных — названий населенных пунктов Южноуральск, Южносахалинск, Нижне-Ангарск, Средне-Колымск, Дальне-Константинов и мн. др. В данном случае написание прилагательных соответствует написанию существительных, от которых они образованы, т. е. *южносахалинский* (от Южносахалинск), *Нижне-Ангарский* (от Нижне-Ангарск).

Вопрос о том, в каких случаях следует писать вторую часть сложных прилагательных (равно как первую) с прописной и в каких со строчной, определяется правилами употребления строчной и прописной буквы.

Возможно, следует разграничивать *Восточно-Казахстанское нагорье* (как географическое название, и в этом случае писать с прописной первую и вторую часть, с одной стороны, и *Восточно-казахстанское* книжное издательство, с другой, — и тогда только первую часть писать с прописной как название учреждения) и *восточно-казахстанские* обычаи — обе части со строчной. При этом орфография — дефисное написание — сохраняется во всех случаях.

Иными словами — отдельного, специального правила для прилагательных с первой частью *восточно-*, *западно-*, *южно-*, *северно-* не должно быть. Как нарицательные имена они войдут в правило о дефисном написании сложных прилагательных; как собственные — в правило о написании прилагательных — собственных имен.

*Орфографические заметки***Чёрно-бурый медведь
и
черно(?)бурая лиса**

С. Н. БОРУНОВА

В «Правилах русской орфографии и пунктуации» (М., 1956) указывается, что сложные прилагательные, обозначающие оттенки цветов, пишутся через дефис, например: *бледно-розовый, яркосиний, темно-русый, черно-бурый, синевато-голубой, золотисто-желтый, пепельно-серый, бутылочно-зеленый, лимонно-желтый, изжелта-красный*. Однако есть все основания считать, что в словосочетаниях *чёрно-бу́рый медведь* и *черно(?)бу́рая лиса* прилагательные представляют собой разные слова, отличающиеся друг от друга по значению и произношению. Слово *чёрно-бу́рый*, имеющее дополнительное (так называемое побочное) ударение, означает цвет «бурый с черным оттенком» (в свою очередь *бурый* значит здесь «темно-коричневый с красноватым оттенком»). Слово же *черно-бу́рый*, произносимое с одним ударением, имеет другое значение: *черно-бу́рая лиса* — это «лиса с блестящим черным мехом с сединой, серебристо-черная лиса» (Толкования даются по Малому толковому академическому «Словарю русского языка». Т. 4. М., 1984). Таким образом, прилагательное *черно-бу́рый* здесь имеет значение «серебристо-черный», которое не складывается из значения его частей. На этом основании оно не может подчиняться указанному выше правилу и должно писаться слитно. Оба прилагательных — *чёрно-бу́рый* с дефисным написанием и *чернобу́рый* — в слитном — предполагается включить в «Русский орфографический словарь», который подготовлен к изданию в Институте русского языка РАН.

ВСЕ ДЛЯ ОФИСА*

С. В. ПОДЧАСОВА

Под таким характерным для рекламы заголовком мы помещаем очередную группу новых слов, которые называют, в основном, вещи (приборы, предметы мебели, канцелярские принадлежности и т. д.), составляющие предметное окружение современного делового человека. Однако необходимо оговориться, что некоторые из перечисленных ниже слов не новы для русского языка. Они, как правило, интересны новыми контекстными связями, производными, новыми значениями. Постараемся, как и прежде, придерживаться алфавитного порядка.

Брифкейс. Приведем рекламное объявление: «Предлагаем модные аксессуары — в том числе брифкейсы и дорожные сумки» (Домовой. 1993. декабрь). Заимствование английского слова *briefcase*, обозначающего «плоский, прямоугольный, кожаный чемоданчик для документов» (Вебстерский энциклопедический словарь английского языка), отражает характерную тенденцию: выделение и отделение с помощью особой лексики предметов бизнес-обихода от наименований вещей «общенародных».

Бэдж. Это слово, еще не зарегистрированное словарями русского языка, заимствовано из английского.

В Вебстерском энциклопедическом словаре содержится следующая информация: «*Badge* — специальная или отличительная метка, талон (жетон) или эмблема, которые носят как знак верности чему-л., членства в чем-л., власти, отличия и т. д. (напр., полицейский жетон)». В нашей печати встречается такая реклама: «Изготовление значков, бэджей, пластиковых папок, пропусков» (Экспресс-газета. 1994. 9 июля).

Совмещая словарную информацию с данными контекста, можно сделать вывод о том, что *бэдж* в подобных определениях — это «эмблема определенной фирмы, знак принадлежности его носителя к какой-л. фирме или организации, показывающий, что носитель его представляет интересы определенной фирмы или организации».

Классификатор. В 4-х томном словаре русского языка слово помечено как специальное. Став принадлежностью газетного языка,

* Окончание. См. Русская речь. 1995. №№ 2–4.

термин *классификатор*, в общем, не встретил затруднений с истолкованием у массового читателя. Причиной тому послужили прозрачность внешней формы слова и контекстуальная определенность. Например: «Мы не имеем даже классификатора гостиниц и туристских услуг» (*Экономика и жизнь*. 1991, янв., № 2). Или: «В фирме разработали собственный „классификатор“ этих товаров (не-что сродни таблице Менделеева). Уверяют, что невозможно найти какую-либо канцелярскую штучку, которая не вписывалась бы в „классификатор“» (*Домовой*. 1994, дек.). Кавычки сигнализируют о том, что не так давно преодолевшее рамки терминосистемы слово *классификатор* еще непривычно для автора журнальной публикации.

Итак, из текстов вполне ясно, что родовое значение анализируемого слова — «список». Для дальнейшего уточнения обратимся к словарям: «Классификатор — спец. Справочник, содержащий систематизированный перечень производственных стандартов» (*Словарь русского языка в 4-х тт.*); «Классификатор» — 2. Систематический перечень каких-либо объектов, позволяющий находить каждому из них свое место и определенное (обычно числовое) обозначение» (*Современный словарь иностранных слов*).

Ламбрекен. Из номера в номер рекламной газетой «Центр-plus» настойчиво тиражировалось объявление, обращенное к владельцам квартир и офисов: «Жалюзи. А также гардины и ламбрекены».

Ламбрекен — так следует писать малоизвестное, хотя и не новое для нашего языка слово, заимствованное из французского (*lambréquin*). *Ламбрекен* в данном случае — «верхняя часть оконной или дверной драпировки, иногда с вышивками и другими украшениями».

Ламинатор. Это слово постоянно фигурирует в рекламных списках офисной техники: «Ксероксы, принтеры, факсы, ламинаторы» (*Коммерсант-daily*. 1994. 16 нояб.).

Ламинатор — от лат. *lamina* (пластинка) — это «механизм для прокатывания между валиками плотной бумаги или картона для придания им глянца» (*Современный словарь иностранных слов*).

Что касается офисных ламинаторов, рекламирующихся на страницах газет, то это устройства с более узкой задачей — «предназначенные для закатки документов в пластиковую пленку» (*Коммерсант-daily*. 1994. 1 февр.); «настольные машины для закатки бумаги в прозрачную пленку и тиснения разноцветной фольгой» (*Центр-plus*. 1994., авг. № 31).

Notebook, Ноутбук.

Процесс превращения иноязычного вкрапления *notebook* (первоначальное значение этого английского слова — «тетрадь, записная книжка») в заимствование *ноутбук* оказался достаточно

сложным. Стремительное вторжение *notebooks* — «портативных компьютеров» — в повседневную практику представителей бизнес-кругов и активное воспроизведение нового наименования в рекламных текстах сначала привело к тому, что набранный латинскими буквами термин стал склоняться на страницах газет не только в переносном, но и в прямом смысле: «Свежие *notebook*'и. Всего 700 долларов за килограмм! Оптом они еще дешевле!» (Моск. комс. 1994. 11 мая).

В ходе дальнейшей актуализации, приблизительно осенью 1994 года, иноязычное слово было впервые транслитерировано: «Эти компьютеры завоевали множество призов и задали тот уровень стандартов, на котором теперь оценивают все компьютеры класса „ноутбук“» (Софтмаркет. 1994. № 41); «Представляем Super Sub Note модель iLuFa 350. Компьютер, который вдвое меньше и вдвое легче обычного ноутбука» (Известия. 1994. 4 нояб.).

Однако в русифицированном виде слово показалось, по-видимому, не столь «респектабельным», и потому вплоть до последнего времени в рекламе используется первоначальный вариант: «*Notebooks*. Широкий выбор портативных компьютеров и аксессуаров» (Моск. комс. 1995. 1 марта).

Органайзер. «Фирма «Репортер» изготовит органайзеры, блокноты, ежедневники, записные и телефонные книги» (1994. 23 нояб.). Еще пример: «Внешне обычные часы, но их циферблат открывается... Под ним клавиатура микрокомпьютера, который одновременно персональный органайзер (можно расписать свой график на неделю вперед)» (Домовой. 1994, янв.).

Рассматриваемое значение слова *органайзер* в языке-источнике (английском) является сравнительно новым. Свое происхождение оно ведет от значения слова *organiser* — «Комбинируемый прибор для канцелярских принадлежностей». Как выясняется из рекламной публикации журнала «Домовой» (1994, авг.), история нового значения и обозначаемой им реалии зафиксирована «в лицах». В этом же материале дается и объяснение двух новых для русского языка синонимичных слов — *органайзер* и *бизнес-организатор*: «В некоторые настольные наборы входят и ежедневники, или бизнес-организаторы. Но, на наш взгляд, эти самые органайзеры — очень важная часть нашего сегодняшнего бытия...

Грейс Скур — президент английской фирмы Filafax — в один прекрасный день вдруг поняла, каким образом нужно распределить страницы в блокноте для записей, чтобы с их помощью наиболее функционально организовать свое время».

Пейджер.

Если в рекламных материалах 1994 года это заимствованное

слово писалось через «э»), что подчеркивает его новизну и экзотичность, то в начале 1995 года мы видим постепенную замену «э» на «е». См. подборку объявлений из журнала «Домовой» (1994): «Информ Эксом — самая лучшая пэйджинговая компания»; «CITY PAGE-пэйджеры» — 14 лет на рынке пэйджинга»; «Vesso Link — Пейджинг Система — еще одна степень вашей свободы» (1995, февр.). По данным Большого англо-русского политехнического словаря, в английском языке pager — «абонентский приемник системы поискового (персонального) вызова; устройство поискового (персонального) вызова»; raging — соответственно «поисковый (персональный) вызов; передача сигнала поискового (персонального) вызова».

Будучи не раз усовершенствован до заимствования нашим рынком и языком, в настоящее время пейджер функционально представляет собой следующее: «Пейджер не позволяет вести беседы, но дает возможность передать послание. Краткие сообщения передаются в виде слов или набора цифр на миниатюрный карманный приемник с дисплеем, размеры которого ненамного превышают размеры спичечного коробка. Работает пейджер так: вы набираете некий телефонный номер и сообщаете диспетчеру все, что хотите передать адресату. Диспетчер вводит ваше сообщение в компьютер, и оно посредством системы радиопоиска направляется к владельцу пейджера... В Москве создано 14 пейджинговых сетей» (Домовой. 1995, февр.).

Таймер. Из английского языка это слово, обозначающее «счетчик времени, выдающий сигналы (сигнал) через заданные промежутки времени» (англ. timer), пришло первоначально в техническую терминологию. Но с тех пор как подобного рода приборами стали оснащаться телевизоры, часы, электронные календари и даже ручки, слово детерминологизировалось и с помощью средств массовой информации стало довольно известным. В помещенном ниже тексте описывается назначение таймера, встроенного в японскую хлебопечку, которая вполне уместна в суперсовременном офисе: «Таймер позволяет, например, загрузить печь с вечера, а к завтраку получить свежеспеченную булку» (Домовой. 1994, янв.).

Шреддер. Произошло от многозначного английского слова shredder и обозначает «бумагоуничтожающую машину» (от того же этимона происходит и термин пищевой промышленности *шредер* — «машина для измельчения, шинкования»). Новое слово появляется в объявлениях такого типа: «Шреддер — уничтожит бумагу Ф А4. Автоматический режим» (Центр-plus. 1994, авг., № 31).

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

*О. М. ЧУПАШЕВА,
кандидат филологических наук*

1. В передаче для студентов «Другое измерение» 26.06.94 (радио «Россия») посоветовали: «Если вы что-либо откупорили, то закупорьте». Все ли правильно в этой фразе?

2. Алеша М. любит слушать сказки, которые рассказывает ему старший брат Миша. Особенно нравится Алеше сказка о Гликушке — мальчике, которого слепили из глины. Однажды вечером Алеша вдруг попросил: «Расскажи мне сказку по Лепунюшку». — «Про какого Ляпунюшку?» — удивился Миша.

Как вы думаете, случайно ли Алеша назвал мальчика из сказки, забыв его имя, Лепунюшкой и догадался ли Миша, какую сказку рассказывать?

3. Из детской радиопередачи (говорили о закаливании):

— Мы с родителями делаем ножные ванны.

— Ножные — для ножей?

— Нет, для ног.

Почему говорящие не поняли друг друга?

4. В телепередаче «Пока все дома» (26.06.94) Т. Шмыга рассказала, как в начале своей творческой деятельности она хотела заменить свою фамилию псевдонимом, так как она казалась ей неблагозвучной. Но ей сказали: «Не надо: у Вас короткая, запоминающаяся фамилия. Ваша задача — из этой фамилии сделать имя».

Почему ей так сказали? Можно ли это сделать?

5. Один из участников радиопередачи «От первого лица» (радио «Россия». 3.07.94) сказал: «Я экономист, моя жена тоже экономистка». Все ли правильно в этой фразе?

6. В передаче «Другое измерение» для студентов (радио «Россия» 26.06.94) говорили об анекдотах. Ведущая назвала одну из тем и охарактеризовала ее так: «Это самая любимейшая тема студентов» и далее об анекдотах: «А это самый популярнейший анекдот студентов».

В чем ошиблась ведущая?

Необыкновенные приключения Климента,
папы Римского,
как о них рассказано
в Макарьевских Великих
Минеях
Четиих*

Е. М. ВЕРЕЩАГИН.
доктор филологических наук

Публикуемое нами в серии статей «Слово похвальное Клименту» представляет собой роман. А средневековый роман во многом отличается от современного. По отношению к второстепенным действующим лицам он, в частности, обычно строится по принципу *цепочки*: появляется определенный персонаж, и все, что следует о нем сказать, излагается в одном месте; потом выступает другой, и внимание повествователя безраздельно переключается на него; потом — третий, и вся его история описывается от начала до конца.

Если в современном (*полифоническом*) романе судьбы героев, в том числе и неглавных, обычно прослеживаются параллельно, то в романе средневековом — одна за другой. Лишь приключения главного героя, образуя стержень, на который нанизываются эпизоды, проходят через все произведение.

Действительно, вот цепочка. Сначала нас познакомили с Климентом, и он рассказал о своих юношеских годах. Потом

* Продолжение. Начало см.: Русская речь. 1995. №№ 1–4. Оригинальный текст печатается с сокращениями по рукописи собрания ГИМ. Син. 988. 1197, I, 1–1197 об. II, 42.

появилась Маттидия, из уст которой мы узнали о ее бедствиях. Затем на авансцену вышли Фавстин и Фавстиниан: они поведали о том, что выпало на их долю. Путем чудесных узнаваний, — без посреднической роли апостола Петра они были бы невозможны, — все четверо снова объединились в семью.

В прошлой статье серии мы познакомились с «клюкавым старцем», который проповедовал языческую идею о том, что всем управляет *судьба*, и отрицал роль *промысла Божия*. Естественно, появление старца предвещает рассказ о его жизни.

А поскольку «Слово» содержит ряд узнаваний, возникает инерция читательского ожидания. Оно не обманывается: конечно, клюкавый старец, как вскоре выяснится, — это Фавст, муж Маттидии и отец Фавстина, Фавстиниана и Климента.

Клюкавый старец поначалу не говорит всей правды

Апостол Петр задает старцу вопрос:

«Повеждь [*расскажи*], яже еси пострадал [*здесь: что тебе пришлось вынести*]». Старец же отвеща [*отвечал*]: «Аз убо, звездочетц сый [*будучи звездочетом*], в Риме первие [*сначала*] вселихся [*поселился*]. И дружен бех [*дружен был*] некоему сущу [*с неким человеком*] рода кесарева [*от рода царского*]. И того же и подружиа его житие ведях [*и жизнь его самого и его жены (хорошо) знал*]. Беаше бо бытью ея положение [*судьбой ей было предназначено*], творя любодееание [*чтобы она сотворила прелюбодееание*]: восхотевши бо своему рабу [*возжелав своего раба*], бежа [*бежала*] с ним, причастившеся к нему [*прилепившись к нему*]. И в чюжду страну пришед [*придя*], в мори истле [*погибла*].»

И аз [*то есть ап. Петр*] отвешах [*отвечал*]: «Како веси [*знаешь*]: яко [*что*], бежав на ину страну, за раба иде [*вышла замуж*] и, шедши, умре?».

И старец рече [*сказал*]: «Безблазна [*несомненно*] вем [*знаю*] истину. По отшествии ея [*здесь: когда она бежала*] брат мужа ея споведа [*рассказал*] ми вся: яко, чист сый [*будучи чист*], не восхоте [*захотел*] осквернити ложе брата своего, тако бо еи мыслящи нань [*ибо она хотела созрвать и его*].»

Несть бо тоя поносити [*ее нельзя за это осудить*], яко от бытия [*судьбы*] сицеваа [*так*] пострадати нудима бе [*буквально: была заставлена*].»

Видите, как последовательно клюкавый старец продолжает свою философскую линию. Он не обвиняет жену вельможи царского рода в том, что она поддалась животным страстям, — просто ей судьбой было предназначено унизиться до прелюбодееания с презренным рабом.

Старец продолжает рассказ:

«Соние [сон], — аще истинно, аще ли ложно, не вею [не знаю], — глаголаше [рассказала] бо: яко некто, в видении пришед, повеле ми от Римскаго града и с чяды [детьми] изыти. Муж же, мнев [желая] спастися тои [чтобы она спаслась] и с сынома, вскоре тех в Афины отосла, третиаго же сына с собою имяше [здесь: оставил]. Многу же времени минувшу [когда прошло много времени], яко ни писаниа от неа приях [поскольку не было от нее писем], — тому же многажды посылавшу в Афины [а он много раз посылал в Афины] и ничтоже истины уведевшу [но не узнал истины], — мене поим [взяв меня с собою], яко всех ему ближша суща [поскольку я был ему ближе всех], на взыскание ея [на поиски ее] иде. Многы страны обшед, ни слышаниа о неи прият [здесь: не нашел даже слышавших о ней]. Много же с ним в отшествии пострадах [я много с ним в путешествиях пострадал]. И тако zde [здесь] в Сирьских странах пребыхомь [остались жить]. И не предо мноземи деньми [несколько дней назад], печален [в печали] скончяся. Аз же, семо [сюда] пришед, — рукама содеваа брашно [ручным трудом зарабатывая на пищу], препитаваюся».

Петр распознает, что клюкавый старец лукавит

Си старцу рекшу [когда старец сказал это], аз [то есть Петр] же разумех [понял], яко егоже глаголаше умерша старца [что тот старец, о котором он говорил как об умершем] сам бе той, отец ваш [был он сам, отец ваш]. И не восхотех [захотел], еже о вас к нему беседовати [говорить ему о вас], дондеже вам повем [пока не расскажу вам]. Сего [его] токмо [только] вопросих, како имя старцу. Он же рече: «Фавст». Како близнецема сынома [как зовут сыновей-близнецов]? Он же рече: «Фавстин и Фавстиниан, третии Климент, мати же их Маттидиа». От жалости [сострадания] убо аз прослезился.

Почему Петр не сразу рассказал о знакомстве со старцем

Надо напомнить, что Петр познакомился с клюкавым старцем возле моря, тотчас по крещении Маттидии. Но приступил к своему рассказу только после того, как закончилась *агапа*, или *вечеря любви*, — особенно радостная, потому что в ней, став христианкой, Маттидиа могла принять участие. Более того: Петр дождался, когда женщины, завершив трапезу, отправятся к себе и оставят мужчин одних.

Апостол так объясняет свое промедление:

«И сего ради [и вот почему], преже брашеннаго вкушення [прежде чем вы не потрапезуете], реши вам не восхотех [рассказать вам (об этом) не хотел]; да не како, побеждени печалию суще

[чтобы вы, охваченные печалью], в день крещения плачуще [не стали в день крещения горевать], егда [когда] ангели радуются».

Сии Петру глаголющу [когда Петр говорил об этом], плакаясь [плакали] вси.

Он же к нам рече: «Ныне кождо вас [пусть каждый из вас] крепце да терпит реченнаа [мужественно переносит сказанное]. Не бо отець ваш скончяся, якоже [как] вы рекосте [говорили], не ведуще».

Сцена последнего узнавания

Петр закончил свой рассказ. Слушатели потрясены. В этот момент Маттидия по какой-то причине вернулась в горницу к мужчинам. Несмотря на радость крещения, она проливала слезы.

Мати же, не внят [которая не слышала] реченным [сказанного] от Петра, умильным [жалобным] гласом возопи, глаголющи: «Увы, драгыи сожителю [здесь: муж] мои! Ты, нас любя, судом [по суду (Божию)] скончался еси. Мы же, живи суще, свет видехом [свет увидели, т. е. приняли крещение] и благословенных брашен (имеется в виду агапа) вкушаем».

И здесь роман достигает своей кульминации — в горницу входит Фавст.

И не у еще сему плачу преставшу [когда еще не прекратился плач], и се [и вот] старець вниде [вошел], плача вины вопрошаше [спрашивая, в чем причина плача]. И на жену возрев [взглянув], рече: «Увы! Что се хочет быти? Кого зрю?» Приступив же [подойдя поближе], истее усмотрив [внимательнее посмотрев], позна [узнал ее]... И от радости внезапно изнемогоста оба, яко и глаголати к себе не можаста, ужасом бо содержания бывша. И, едва возможе [едва оправившись], мати рече: «Имам тя, по всему видети [это ты, по всему видно], сладкий мои Фавсте! Како убо жив еси, егоже в мале мертва слышах [когда я недавно слышала, что ты умер]? Обаче сии суть наша сынове, Фавстин и Фавстиниан и Климент». Сиа ей рекши [когда она сказала об этом], мы трие припадши [прильнули] к нему, лобызающе [с поцелуями], едва некако образа его познавахом [с трудом припоминая его облик].

Фавст объясняет, почему он слукавил вначале

Сиа видев, Петр рече к нему: «Ты ли еси Фавст, сея муж и сих детеи отець?» Он же рече: «Аз есмь». Петр же рече: «Како ми убо яко иного [зачем же ты мне, как будто о другом человеке], своя сказа

болезни] *о своих рассказал несчastьях*], нареки [называя их] скорбь и гроб?» И отец отвещает: «В рождении сыи кесарева [по рождению будучи от рода царского] и поношен не хотя быти [и не желая криво-толков], на иного некоего сказание вообразих [отнес свой рассказ к другому человеку], да сам не познан буду [чтобы меня нельзя было узнать], иже бо по местом старишины [так как местные властители], кесареви угоднаа творящи [желая угодить царю], жизни моеи добре пребывание устроят [могли бы устроить мне хорошую жизнь], егоже отрекохся [от которой я отрекся]. Не бо можах, любимых своих разлучився [не мог, будучи разлучен с любимыми], к житиистей славе себе отдати [предаться житейской славе].»

Здесь мы видим поведение, симметрично повторяющее линию Маттидии. Ведь она тоже не сразу призналась, что происходит из царского рода, а поначалу выдала себя за простолюдинку. Она не хотела бросить тень на честь рода. Фавст скрывал свое происхождение по той же причине, а еще и потому, что не хотел благоденствовать, когда его жена и дети погибли.

Обратите внимание: Маттидия была оклеветана. Как известно, именно брат Фавста разгорелся на нее скверною похотью, и он же приписал ей низменные поступки: выдумал какого-то несуществовавшего раба, да и себя изобразил жертвой ее домогательств!

Продолжение словопрения о судьбе и о промысле

Петр рече: «Си убо сотворил еси [ну, ты и сделал так], якоже умысли [как замыслил]. О бытии [судбе] же лжа ли крепляшеся [ложь ли говорил], или яко истинно известил си беяше?». И рече отец: «Не солжю тебе: в истинну, яко сущу бытию, известих си [истинно сказал тебе, что судьба существует]. Есмь бо не изъучен видению [сам я не научился знанию], обаче бяше со мною некий звездочтец, муж египтянин, Анувион именем, иже в отхождении [здесь: в путешествиях] изначала мне любезен бысть. Той моего подружия [он моей жены] и с чяды смерть прояви [и детей установил смерть]». Петр же рече: «Не убо ли делом препрелся еси [разве ты не убедился на деле], яко не сбьсться, еже по бытию [что не сбывается то, что предписано судьбою]?» И отец отвещает: «Нужда ми [мне нужно] вся приходящаа во ум тебе поведовати, да прямо сим слышя [возражения на них выслушивая] научитися имам [здесь: познавал бы истину]. Или како убо есть известити о сем [или как удостовериться], аще составися [если что-то произошло], еже по бытию, или ни [то по судьбе или нет]?»

Поскольку Фавст, с точки зрения Петра, выражает языческое (эллинское) философствование (мудрствование), апостол горюет об этом. Действительно, если Фавст останется язычником, то по

кончине он снова разлучится с членами своей семьи, потому что Маттидия и ее дети приняли христианство.

Петр же, на отца возрев, рече: «Тшуся единомысленя ты быти жене и чядом [*хочу, чтобы ты мыслил одинаково с женой и детьми*], да, яко zde единосребывалник быв [*так что, как здесь ты пребывал с ними*], и тамо, по отлучении душа от телесе, сопребывающу бес печали быти [*мог с ними пребывать без тревог*]».

Как завершились словопрения между Петром и Фавстом и как дальше сложилась жизнь Маттидии и Фавста, а также о многом другом — вы узнаете из шестой, заключительной, статьи серии.

СЧАСТЛИВЫЙ И НЕСЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ, ЧАС

Р. А. СИМОНОВ,
доктор исторических наук

Мотивы верования на Руси в *счастливый/несчастливый* день (с определенного часа) впервые встречаются в латинском молитвеннике XI века. Он принадлежал великой княгине Киевской Гертруде, жене Изяслава Ярославича, невестке Ярослава Мудрого (Щавелева Н. И. Латинский молитвенник — памятник древнерусской истории XI в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей.

Чтения памяти В. Т. Пашуто: тезисы докладов). Гертруда была дочерью польского короля Мешко II и правнучкой германского императора Оттона II. Принцесса прибыла на Русь в 40-е годы XI века.

В состав книги вошли также личные молитвы княгини и астрологический сонник, содержащий предсказательные характеристики снов по дням календаря, например: «Луна весь день хорошая — I. Увидишь во сне что-то приятное. Луна плохая — II. Не питай никаких злых замыслов, а равно и добрых, но не благословенных. Луна с IV часа хорошая — III. Надейся на Господа и делай благо, ничто не повредит. <...> Луна с девятого часа хорошая — VIII. Скоро увидишь престол. <...> Луна с VII часа хорошая — XXII. Что бы ты ни увидел, приведет к всякой радости. Луна хорошая с VI часа — XXIII. Споры самого разного рода, приводящие к драке» (Перевод Б. А. Старостина).

Из приведенного отрывка видно, что основой предсказательных характеристик являются либо фазы Луны, либо ее положение в знаках зодиака, которые подразделялись на *счастливые* (*добрые*), *несчастливые* (*злые*) и *нейтральные* (*средние*). Вхождение Луны в тот или иной знак зодиака происходило в определенный час. Любопытно, что в молитвеннике Гертруды час указывается только для благоприятных ситуаций.

Сведения о перемещениях Луны в знаках зодиака, наряду с другими астрономо-астрологическими данными (вне прогностического контекста), приводятся в древнерусском произведении энциклопедического характера «Изборнике Святослава» 1073 года (Державина Е. А. Культурные связи древнего Киева [Статья «О македонских месяцах» в «Изборнике Святослава» 1073 года] // Герменевтика древнерусской литературы XI—XIV вв. Сборник 5. М., 1992. С. 263—271). Перевод этой книги (по-видимому, через болгарский посредник) был задуман и частично осуществлен во время киевского княжения Изяслава и Гертруды (1054—1073 гг.). Название произведения обусловлено тем, что в 1073 году ко времени окончания работы над книгой в Киеве сменилась власть: Изяслав сместил его брат Святослав Ярославич.

Впервые в качестве ежемесячных дат данные о *злых днях* встречаются в глаголическом Ассеманиевом Евангелии XI века в виде поздних календарных приписок XII—XIII веков. Название свое это Евангелие получило по имени библиотекаря Ватикана Иосифа Ассемани, который в 1736 году купил его в одном иерусалимском греко-славянском монастыре. Произведение до сих пор хранится в Ватикане. В 1867 году знаменитый русский славист академик И. И. Срезневский воспроизвел эти даты *злых дней* по старому стилю (юлианскому): 2, 21 сентября; 8, 20 октября; 8, 21 ноября; 2,

21 декабря; 2, 26 января; 6, 24 февраля; (3, 26 марта; 3, 20 апреля); 7, 20 июня; 5, 20 июля; 5, 28 августа (Срезневский И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках//Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1867. Т. I. №№ 6—9). Для марта и апреля в Ассеманиевом Евангелии данные о *злых днях* отсутствуют, поэтому они указаны в скобках. И. И. Срезневский их реконструировал по источнику, точное название которого не привел. Можно догадываться, что он воспользовался текстами гадательных книг типа «Громника» и «Колядника», так как упомянул о них в качестве произведений, в которых «означены, кроме того, злые дни в каждом месяце».

После И. И. Срезневского ученые задавались вопросом и не могли на него дать ответ: почему в одной из наиболее почитаемой христианами книг — Евангелии — давались сведения о злых днях, которые относились церковью к числу неправедных знаний? В этой связи другой видный славист акад. М. Н. Сперанский написал специальное исследование о злых днях Ассеманиевого Евангелия (Сперанский М. Злые дни в приписках Ассеманова Евангелия//Македонски преглед, година VIII. София, 1932. Кн. 1).

М. Н. Сперанский пришел к выводу, что традиции установления неблагоприятных, то есть *злых*, дней восходит ко временам античности или к еще более древним. Обычно для каждого месяца рассчитывалось 2-3 или больше дней, в которые не рекомендовалось предпринимать серьезных дел, а предписывалось быть повышенно осмотрительным и осторожным. Устанавливались *злые дни* путем гаданий, магических или астрологических правил. Включение в XII—XIII веках в Ассеманиево Евангелие соответствующих сведений, по М. Н. Сперанскому, не противоречило духу того времени. Данные о гаданиях и ворожбе казались полезными, а не опасными, как это стало считаться позже. Поэтому в XII—XIII веках в славянское Евангелие были внесены данные о злых днях, которые, как можно предположить, в то время особенно не противоречили представлениям церковных служителей, разделявших веру простого народа в сокровенные знания.

Однако то был эпизод, так как больше никогда сведения о *злых днях* не включались в церковные канонические книги славян. Такие данные приводились в особых отреченных книгах, две из которых упоминались ранее в связи с публикацией И. И. Срезневским перечня *злых дней*. Книги эти заносились в специальные списки произведений, осуждаемых церковью. Хотя за чтение и даже простое хранение отреченных книг предусматривалось суровое наказание, вплоть до ареста и отлучения от церкви, население имело к ним большую тягу. Об этом свидетельствует значительное число отреченных

ченных книг, сохранившихся в списках XV—XVIII веков. Нередко читатели не подозревали о противоцерковном характере такой литературы, так как содержание вставлялось в религиозный контекст. Например, писалось, что те или иные рекомендации, по существу чернокнижные, якобы заветы Богом. Простой человек, не искушенный в церковной литературе и религиозных запретах, принимал их в качестве праведных.

Интересный текст отреченного содержания, вставленный в богопочитаемую канву, встречается в списке XVIII века древнерусской книги «Цветник». Здесь дается обстоятельное объяснение пагубности *злых дней*: «Сказание, како прояви Бог детям израилтским, соблюдая их от всякого зла. Поведа им, яко во всяком месяце по 2 дни злых, в них же ни сеяти, ни садити, ни пахати пашни, ни в новой дом входити, ни свадьбы играти, куплю деяти, ни кровь пущати. Аще кто в оныя дни разболитца, то не встанет, а хотя и встанет, то нездоров будет. Аще младенец в такой день родится, не будет жив, а хотя и будет жив, не избыть ему злыя своя фартуны. Аще купец в куплю поидет, то не фортуна его, понеже смерть или потоп или разбойницы похитят имение его. Аще человек станет свадьбу играть, то не обрадуется. Аще будет нов дом строити, не пробыть ему без напасти. Аще кто станет портища кроити, не износити ему, а хотя и износит, но в беде и печали и в великой напасти. Аще кто начнет сеяти или садити, не взойдет, а хотя и взойдет, невысоко и неизмолотисто. И тако повеле Господь Бог блюстися им тех злых дней» (Кононов Н. Н. Из области астрологии. Обзор статей: Планетника, Звездочтеца, Колядника, Громника, Лунника, Трепетника, Тайная Тайных, Лечебника и прочих рукописей XVIII в. А. Г. Первухина // Древности: Труды славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1907. Т. 4. Вып. 1).

Вера в *счастливы́й/несчастливы́й* час появилась позже, чем в день, что было обусловлено необходимостью наличия специальных приспособлений для отсчета этой единицы времени. Тогда как для счета днями (сутками) никаких приспособлений не требовалось. На Руси вера в *счастливы́й (добры́й)*, *несчастливы́й (злой)* и *нейтра́льный (средний)* час зафиксирована в источнике середины XV века. Этим источником является статья «Часы на седьмь дни, добры, и средни и злы», находящаяся в сборнике из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря. Сборник датировался 1450—1470 годами и был переписан известным древнерусским книжником Ефросином. Статья представляет собой расписание по дням недели (с воскресенья до субботы) качеств каждого из 24-х часов по типу: 1-й час *добры́й*, 2-й час *добры́й*, 3-й час *злой*, 4-й час *средний* и т. д. Для каждого дня недели набор часовых качеств свой. Цикл заканчивался в субботу и начинался вновь в следующее воскресенье. Обладая

такой сводкой данных, можно было рассчитывать, в какой час определенного дня недели следовало отправляться в поход, если он приходился на *добрый* час, или ждать, не выступать в поход, если шел *злой* час. Аналогично могли поступать при совершении сделки, посадке растений, закладке дома, раскрое одежды, стрижке волос и пр. По такому расписанию предсказывали судьбу родившегося человека. Например, если младенец появлялся на свет в воскресенье в первые два часа, то судьба ему предназначалась расписанием хорошей, а если на 3-м часу, то плохая.

На чем основана система чередований качеств часов в этом памятнике? До последнего времени вопрос был неясен. Недавно открыт и расшифрован интересный набор таблиц в древнерусской «Псалтыри с воследованием» конца XV — начала XVI веков (РГБ, ф. 354, № 14; Симонов Р. А. Астрология на Руси: византийские заимствования и влияния // XVIII Международный конгресс византистов. Резюме сообщений. М., 1991. Т. II). Эти таблицы оказались астрологическим *вечным* календарем для определения *качеств* хронократоров. В астрологии так называются хозяева или управители каждого часа (и дня) из числа семи небесных объектов (Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн), по-древнерусски *планит*. Каждая из *планит* имеет качество *доброе*, *злого* и *среднего*. *Качество* передается часу, которым управляет *планита*. Так получается недельный цикл *качеств* хронократоров. *Вечным* этот астрологический календарь является потому, что им определяются хронократоры (и их *качества*) любого часа для любой наперед взятой даты по юлианскому календарю, который тогда употреблялся на Руси («старый стиль», отмененный советской властью в 1918 г., но сохраняемый до сих пор Русской православной церковью).

Астрологический *вечный* календарь для определения *качеств* хронократоров свидетельствует о том, что вера в *добрые* и *злые* часы на Руси в XV веке стимулировала творческую деятельность. Интерес к этим вопросам не ограничивался лишь использованием готовых сводок типа статьи «Часы на семь дней». Астрологический *вечный* календарь в древнерусской рукописи отличается особенностями, расходящимися с птолемеевской трактовкой *качеств* хронократоров, принятой в то время в Западной Европе и странах Востока. Указанное обстоятельство позволяет заключить, что календарь возник на Руси. Русские интеллектуалы того времени, владевшие знаниями в области математики и календаря, разработали оригинальную, опирающуюся на существующие с XII века (Кирик Новгородец) традиции, календарно-математическую формулированную «модель», вписав ее в астрологический контекст. Внимание астрологии в Западной Европе тогда уделялось на университетском уровне, например, на медицинских факультетах она была обяза-

тельным предметом. То, что в XV веке на Руси творчески осваивались астрологические представления, свидетельствует о подъеме русского Предвозрождения (термин акад. Д. С. Лихачева), развивавшегося в направлении идей общеевропейского гуманизма.

Как бы сейчас ни относиться к астрологии, исторический подход требует оценивать явления по меркам их эпохи, и с этой позиции астрологический *вечный* календарь можно считать одним из достижений русской средневековой науки. Отсюда следует, что вера в *добрые* и *злые* часы на Руси в XV веке находилась в центре внимания как простого народа, так и интеллектуалов.

В то время на Руси, наряду с богослужебной, учебной, специальной (пасхальной, математической, певческой и пр.), исторической (летописи), *отреченной* книжностью, существовала *четы* литература, предназначенная для чтения. В ее основе были нравоучительные материалы в религиозном духе с элементами художественности. Существовали чисто художественные произведения, как «Слово о полку Игореве», имеющие историческую основу. К их числу относится и греческий роман о подвигах Александра Македонского. (Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. М.—Л., 1965). Не позднее XIV века он был переведен южными славянами и на Руси появился в XV веке под названием «Сербской Александрии». От конца XV века сохранился единственный древнерусский текст этого произведения. В романе давалась псевдоисторическая трактовка деяний Александра с элементами фантастики.

Так, за отца Александра Македонского в «Сербской Александрии» выдавался египетский царь Нектанав, который был также известен как искусный врачеватель и волхв, а не реальный отец — македонский царь Филипп. Причем рождение Александра Македонского было связано со *счастливым* часом. В произведении говорилось, что царь Филипп был недоволен своей женой Олимпиадой, которая никак не могла родить наследника. Отправляясь в очередной поход, Филипп сурово заявил жене, что если к его возвращению она не забеременеет, он примет серьезные меры. Озабоченная Олимпиада решила обратиться за советом и помощью к Нектанаву, о врачебных умениях которого была наслышана. Последний приехал, влюбился в Олимпиаду и решил хитростью овладеть ею. Задуманное ему удалось путем принятия образа бога. Ничего не подозревающая царица забеременела к радости Филиппа. Для принятия родов вновь был приглашен Нектанав, который подошел к делу по науке того времени. Обратившись к звездам и книгам, он вычислил наиболее благоприятное время для рождения ребенка. Он говорил примерно следующее: «Если царица сейчас разрешится, то родится слабый государь, неспособный на великие дела, если же

царица немного повременит и роды произойдут в следующий час, то ребенок будет великим полководцем и выдающимся правителем». Олимпиада вняла словам Нектанава и родила Александра Македонского, обладавшего всеми этими качествами. Так осуществился замысел мудрого волхва, основанный на счастливом часе.

Вера в *счастливые и несчастливые дни и часы* была достаточно распространена на Руси в первой половине XVI века. Об этом свидетельствует творчество известного церковного публициста Филофея. В его послании к Иоанну Акиндиевичу «О злых днях и часах» (полностью повторяющего филофеевское «Послание на звездочетцев» 1523 или 1524 гг.) осуждаются люди, которые верят в астрологию, в том числе в основанные на ней данные о *добрых и злых днях и часах*. Враждебность монаха Филофея к астрологии отражала существовавшее к ней отношение официальных церковных кругов. Еще больший общественный резонанс имели выступления против астрологии выдающегося духовного писателя и ученого Максима Грека. Его разоблачения астрологической пропаганды Николая Булева свидетельствуют о глубокой обеспокоенности русской церкви оживлением гуманистических настроений в придворных кругах.

Врач и астролог Николай Булев, приехавший из Германии в конце XV века, был центром, вокруг которого группировались русские гуманисты (боярин Ф. И. Карпов и др.). Выступления представителей церкви не смогли остановить распространения астрологических представлений среди русского населения. Состоявшийся в 1551 году церковный собор выработал развернутую программу запрещения *сокровенных* знаний, включая астрологию. Продолжавших упорствовать и сохранять веру в запрещенные знания, в том числе в *добрые и злые дни и часы*, ожидала суровая кара от церковных и светских властей. Сохранились исторические свидетельства о воплощении в жизнь указанных решений. Так, даже спустя несколько десятилетий после утверждения «Стоглава» собором 1551 года наказание за приверженность к *сокровенным* знаниям было суровым.

Из грамоты патриарха Филарета 1628 года следует, что некий церковный дьячок Семейка Григорьев был уличен в хранении («держит у себя») гадательной книги «Рафли», основанной на астрологии и геомантике («тетрати гадалние именуются Рафли»). В наказание Семейку заковали в ножные кандалы и заключили на год в монастырь на черные работы без права причащаться у священника (Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченная книга Рафли. Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 40).

Тем не менее интерес к *сокровенным* знаниям в русском народе сохранялся, о чем свидетельствуют многочисленные списки вплоть до XVIII века запрещенных сведений, включавших также све-

дения о *добрых* и *злых* днях и часах. В первой половине XVIII века это верование отразилось в любопытной форме в полуфантастическом произведении П. Н. Крекшина «О зачатии и рождении великого государя императора Петра Первого». Здесь использовался и был перенесен на русскую действительность сюжет «Сербской Александрии» о рождении Александра Македонского, причем роль Нектанавы играет знаменитый просветитель и писатель Симеон Полоцкий, роль царя Филиппа — царь Алексей Михайлович, а роль Олимпиады — царица Наталия Нарышкина, будущая мать Петра I.

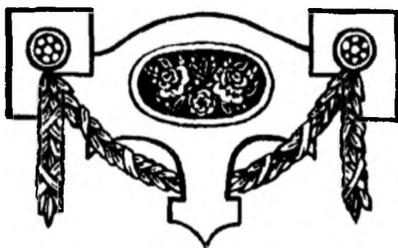
В «Сербской Александрии» есть сюжет о прелюбодеянии царицы с волхвом, что невозможно было допустить для русской придворной жизни. Поэтому П. Н. Крекшин строил изложение так, чтобы и намек не возникало о такой фривольной возможности. С этой целью он внес как бы документальные данные, исключаящие измену царицы, сообщая, что 11 августа 1671 года царь провел ночь с царицей. На следующий день к царю якобы пришел Симеон Полоцкий и поздравил его с зачатием царевича, предрекая, что он будет иметь имя Петр и родится 30 мая 1672 года. При этом Симеон дал восторженную характеристику достоинств будущего императора. Когда подошли роды, 28 мая Симеон Полоцкий вновь пришел к царю, а царица «уже рождения скорбью была одержима». Двое суток она мучилась, а Симеон Полоцкий, «став на колени, просил Бога, чтоб еще не родился час». По этому поводу Алексей Михайлович во гневе сделал ему выговор: «Что вредно просишь! Царица уже бесчувственна, почти мертвая». На это Симеон Полоцкий якобы сказал: «Аще в первом получасе родится, государь, царевич, век его будет около 50 лет; аще же во втором получасе, век его около 70 лет». Как раз в этот момент и родился Петр (Сахаров И. П. Записки русских людей: События времен Петра Великого: Записки новгородского дворянина Петра Никифоровича Крекшина. СПб., 1841). Известно, что Петр I прожил 53 года. Может показаться, что произведение П. Н. Крекшина содержит предсказательные элементы, если не знать, что оно создавалось после кончины императора в 1725 году, т. е. когда было известно, сколько он прожил.

Вопрос о получасах разъясняется следующим образом. В астрологии счет велся (и ведется до сих пор) *косыми* часами, суть которых состоит в делении на 12 частей светлого времени суток и отдельно темного. Длительность *косых* часов меняется каждый день, отсюда их название: *косой* час значит — *неравный*. В Древней Руси использовались *косые* часы, наряду с часами постоянной длительности. Древнерусский астрологический *вечный* календарь конца XV — начала XVI веков рассчитан для *косых* часов. Во время рождения Петра I использовались часы постоянной длительности в 60 минут. Однако существовали различия в отсчете суток. В древнерусском

(как и астрологическом) счете начало суток велось с рассвета, а в том счете часов, который сохранился до настоящего времени (он тогда назывался *немецким*), начало суток бралось с полуночи. Документы о рождении Петра содержат две даты: 20 и 30 мая 1672 года. Обе они верны, но первая приводится по *древнерусскому* счету, а вторая по *немецкому*, т. е. современному.

У П. Н. Крекшина день рождения Петра дается по *немецкому* счету часов, который, возможно, к тому времени вытеснил *древнерусский*. *Немецкий* час не совпадал с астрологическим *косым* часом. Поскольку Петр I родился ночью, а в конце мая длительность ночных *косых* часов была короче *немецких*, то стыком двух смежных *косых* часов *немецкий* час делился на две части (у П. Н. Крекшина — два получаса). Первая часть приходилась на *злой* или *средний* астрологический *косой* час, который давал Петру I жизни около 50 лет. Вторая часть *немецкого* часа приходилась на *добрый* астрологический *косой* час, который давал Петру I примерно в полтора раза больше жизни: около 70 лет. П. Н. Крекшин, перерабатывая текст «Сербской Александрии», придал концовке притчи более замысловатую по астрологической природе форму. В «Сербской Александрии» дается прямолинейная трактовка *доброму* часу, который выступает носителем всех черт, присущих выдающемуся полководцу и правителю, каким был Александр Македонский. П. Н. Крекшин заранее наделяет Петра I аналогичными качествами независимо от того, в какой час он должен был родиться. Астрологическое *качество* часа П. Н. Крекшин связывал лишь с длительностью жизни будущего императора, который в этом смысле родился в *несчастливый* час.

В настоящее время вера в *счастливый/несчастливый* день и час утратила былое значение. Однако сохранилось крылатое выражение *Родиться под счастливой звездой*. В свете изложенного оно может быть связано с верой в *счастливый* день и час. Как уже говорилось, *счастливость/несчастливость* дня и часа определяется соответствующим качеством их хронократора — *планиты*. Правда, среди *планит* настоящей звездой является только Солнце, но в представлениях простых людей не всегда учитываются астрономические тонкости, и *планиты* превращаются в *звезды*. Поэтому *Родиться под счастливой звездой* — это: родиться в день и час, которыми управляет *добрая (счастливая) планита (звезда)*.

Русскому Географическому обществу — 150 лет

Э. М. МУРЗАЕВ,
доктор географических наук

Это Общество было организовано в 1845 году в Санкт-Петербурге стараниями выдающихся ученых столицы. С самого начала деятельности в его состав входило отделение этнографии, в программе которого было предусмотрено изучение «разных племен, обитающих в нынешних пределах государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковедения, как в нынешнем, так и в прежнем состоянии народов (...) в России, представляющей богатейшее поле для исследования сего рода» (Берг Л. С. Всесоюзное географическое общество за сто лет. М.-Л., 1946). Из приведенного отрывка можно заключить, что первоначально задачи этнографии понимались очень широко: антропология, история, социология, собственно этнография, наконец, языкознание.

Первым председателем отделения стал великий энциклопедист XIX века Карл Максимович Бэр, затем его сменили Н. И. Надеждин, И. И. Срезневский, В. И. Ламанский, Л. Н. Майков, С. Ф. Ольденбург, А. А. Шахматов и др. Одним из 17 членов учредителей Общества был Владимир Иванович Даль. Именно он, будучи высоким чиновником в Министерстве внутренних дел, способствовал быстрому продвижению всей необходимой документации для утверждения Русского Географического общества.

В период руководства отделением этнографии Николаем Ивановичем Надеждиным была составлена инструкция по сбору и записи русской географической терминологии. Инструкцию разослали по всей стране и получили более 8000 ответов «географических и этнографических выражений». 7(19) июня в «Санкт-Петербургских новостях» появилась его статья, в которой говорилось: «В простом, обыкновенном употреблении во всех краях и во всех народах находится много слов для обозначения географических объектов, т. е. вида, объема, состава, качества и вообще всех свойств местностей, коих исследованием занимается география» (Вальская Б. А. Дискуссия в Географическом

обществе о русском словаре географической терминологии 1847 г. // Страны и народы Востока. М., 1976. Вып. 18). Речь шла о нарицательных именах: *суходол, буерак, гора, угор, холм, курган, местечко, посад* и других. Их сбор и сравнительное изучение семантики были тем более важными, что в разных губерниях они употреблялись в разных значениях. Для примера приводился термин *урочище*, под которым может пониматься какой-то участок местности, природа которого отличается от окружающей территории, и овраг, и бассейн реки, и межа (Ср. старинное *урочище-межевик*, то есть землемер). Были планы систематизировать собранные богатые материалы и обработать их в виде словаря. Но до этого дело не дошло, так как в те годы Общество начало печатать «Географическо-статистический словарь Российской империи» в 5 томах (1863—1865).

Позже Л. С. Берг вернулся к географической терминологии и указал на ее богатство и необходимость изучения со стороны географов и лингвистов, так как «Распространение народных терминов и те видоизменения смысла, которые они претерпевают в различных местностях, дают не мало указаний на ход колонизаций, перемещения народных масс и взаимные влияния соседних народностей» (Берг Л. С. О русской географической терминологии // Землеведение. 1915. Т. 22. Кн. 4).

Еще до рождения Географического общества Н. И. Надеждин опубликовал большую статью «Опыт исторической географии русского мира» (1837), где он впервые показал значение географических названий для истории, географии и языкознания, тем самым положив начало и топонимике, хотя это слово в его работах не встречается. Его интерес к исторической географии и географической номенклатуре в известной степени сказался и на работе отделения этнографии.

После смерти Н. И. Надеждина пост председателя занял его друг Измаил Иванович Срезневский. Замечу попутно, что его фамилия происходит от топонима: по деревне *Срезнево*, что расположилась на берегу Оки в Рязанской губернии. И. И. Срезневский окончил в Харьковском университете этико-политическое отделение философского факультета. В этом же университете его отец — Иван Срезневский был профессором красноречия и доктором свободных наук (были, оказывается, и такие дисциплины). Своего сына он назвал Измаилом, что на древнееврейском — «устроит Бог, услышит Бог».

Личность И. И. Срезневского украшает историю отечественного языкознания. При Измаиле Ивановиче в Географическом обществе усилился интерес к народной словесности, сбору разговорного и песенного фольклора. Песни проходили экспертизу у известного композитора М. И. Балакирева. Крен в сторону языкознания был отмечен в акте ревизионной комиссии, где утверждалось, что предложенное Измаилом Ивановичем «издание памятников наречий русского языка, относясь к области чистой филологии, выходит из пределов деятельности Географического общества» (Семенов П. П. История полувековой дея-

тельности Императорского Русского Географического общества. 1845—1895. СПб., 1896). И все же несколько статей по географии говоров русского языка были опубликованы Срезневским в Вестнике Русского Географического общества (РГО) в 1851, 1852, 1856 годах. Ученый всегда проявлял интерес к географическим наукам и находился в них немало поучительного, о чем сам писал.

В 1865—1868 и 1887—1910 годах отделение этнографии возглавлял Владимир Иванович Ламанский, призывавший изучать языки и культуру не только русского народа, но и других народов, населявших Россию. «Русская литература, искусство, наука особенно языковедение и народоведение только выиграли бы в многосторонности и разнообразии. Русская образованность могла бы тогда обогатиться множеством разнообразнейших иноплеменных тонов, мелодий, оттенков, чувств и мыслей, которые иначе, пожалуй, замрут и погибнут бесследно» (Ламанский В. И. От редактора // Живая старина. 1890. Вып. 1).

Этот ученый стоял у истоков журнала с точным и оригинальным названием «Живая старина», издаваемого Географическим обществом. На страницах журнала печатались разноязычные словарные списки, образцы народной словесности. «Живая старина» выходила в течение 27 лет (1890—1916). Мировая война стала причиной прекращения ее выпусков. После смерти первого редактора его сменили академики востоковед С. Ф. Ольденбург и лингвист А. А. Шахматов.

Одним из старейших членов Географического общества был соратник Н. И. Надеждина — Василий Васильевич Григорьев, человек разносторонний: ориенталист, лингвист, историк и полиглот. Не считая себя географом, но поскольку Общество объявило, что трудится на благо России, он как русский человек был счастлив отдать свои силы его работе. В. В. Григорьев перевел том «Восточный Туркестан» из собрания «Землеведение Азии» Карла Риттера и написал к нему еще один большой том дополнений и комментариев. Многие годы вращаясь в среде Общества, он стал видным представителем гуманитарного направления в российской географии. По суждению академика В. В. Бартольда, «труд профессора Григорьева сохраняет свое значение и теперь. до сих пор ни на одном из европейских языков нет труда о Восточном Туркестане, который по точности и полноте собранных в нем сведений мог бы сравниться с этой книгой» (Бартольд В. В. Сочинения. М., 1977. Т. 9.).

Еще 150 лет назад В. В. Григорьев впервые задумался, почему мы говорим *Афины*, *Фивы*, *Вена*, *Рим*, а не *Атены*, *Тебы*, *Вин*, *Рома*? В статье «О правописании в деле русской номенклатуры географических названий» (1850) задает вопрос — почему в русский язык вошли славянские названия в немецких формах: *Бранденбург*, *Циттау*, *Хемниц*, *Грац* вместо *Бранибор*, *Житава*, *Каменица*, *Градец*? Он отметил непоследовательность в освоении иноязычной топонимии русской речью

и наличие традиционных названий, отличающихся от оригинала. По суждению Василия Васильевича, надо «писать иностранные географические имена как можно ближе к их туземному произношению, но с уважением к освященным уже вековым употреблением русским формам и к законам языка нашего, руководствуясь в первом случае историческими памятниками отечественной словесности, а в последнем трудами наших ученых-языкоисследователей» (Григорьев В. В. О правописании в деле русской номенклатуры чужеземных местностей и народов // Географические известия. 1850. Ч. 3).

Н. И. Веселовский в книге о своем учителе В. В. Григорьеве приводит его примечательное высказывание: «В наше время никто не станет оспаривать пользу гласности. Хороша она всегда, везде, во всем; при известном же положении общества является единственным действительным средством, единственным специфическим лекарством противу зол, которых не в состоянии осилить никакие другие меры» (Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев в его письмах и трудах. 1816—1881. СПб., 1887). Этим словам почти 150 лет.

Александр Федорович Гильфердинг занимался изучением языка и быта западных славян кашубов, живущих на побережье Балтики, в значительной мере онемеченных. Он же собрал былины Онежского края и опубликовал их в трех томах в 1894—1900 годах. Павел Платонович Чубинский записал обрядовые песни, легенды, сказания, суеверия, образцы народной речи и народных юридических норм в юго-западных губерниях.

В самом конце прошлого столетия Географическое общество организовало большую экспедицию в Восточную Сибирь на средства богатого ленского золотопромышленника А. М. Сибирякова, известного мецената и инициатора нескольких крупных научно-практических проектов. Руководил этой экспедицией Дмитрий Александрович Клеменц — ссыльный, путешественник, этнограф. Он привлек к работе ссыльных же, среди которых оказались Э. К. Пекарский и В. Л. Серошевский — знатоки якутов, их культуры и языка; В. Г. Богораз, опубликовавший монографию о чукчах, В. И. Иохельсон — исследователь палеоазиатских народов. Все они оставили глубокий след в изучении языков и народной словесности коренных жителей Восточной Сибири и Дальнего Востока, а В. Г. Богораз (под псевдонимом Тан) и В. Л. Серошевский проявили себя как авторы многих художественных произведений, проникнутых сибирской экзотикой.

В тесной связи с составлением и производством географических карт находятся трудноразрешимые вопросы передачи иноязычных географических названий в русской графике. Уже было сказано о точке зрения В. В. Григорьева. В комиссии Общества по транскрипции принимали участие видные лингвисты, историки, географы: В. В. Бар-

тольд, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Г. Е. Грумм-Гржимайло, К. Г. Залеман, Е. Ф. Карский, Д. А. Клеменц, В. Л. Котвич, Б. М. Ляпунов, Н. Я. Марр, П. М. Мелиоранский, С. Ф. Ольденбург, С. К. Патканов, Э. К. Пекарский, Г. И. Рамstedт, Д. Д. Руднев, А. Н. Самойлович, В. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. А. Шахматов, Ф. И. Щербатской.

Этот внушительный список академиков, членов-корреспондентов АН, профессоров и крупнейших ученых XIX и начала XX веков — славистов, иранистов, тюркологов, индологов, монголистов — свидетельствует о том, какое серьезное внимание уделяло Географическое общество и шире — русская общественность, выработке правил по транскрипции географических имен. Много спорили об отражении долгих гласных, можно ли пренебречь ими на картах? Сомнение вызывала и передача аффрикат *дж, дз, ц, ч*: *Джунгария* или *Чжунгария*, *Маньчжурия* или *Маньджурия*. В качестве компромисса было высказано пожелание: на картах ограничиться только русской графикой без дополнительных диакритических знаков, но в указателях географических названий к картам и атласам они допускаются: гласные — *а, о, у*, также ударение, долгота, краткость. Более того, предусматривалась возможность, в целях приближения к иноязычному оригиналу, вариаций в передачах, например: *в-в, w; ѳ; г-г, г; л-л, l; щ-щч*. Было высказано пожелание о присутствии в указателях параллельных национальных форм: *Царицын*, у калмыков *Ахаш, Агаш; Сарепта* и *Саксун; Бехтемирова* у тюрков *Бег темир, о-ва, Алакуль* — *Ала Кил*. Наиболее яркий пример *Волга*, у некоторых волжских народов: *Итиль, Идел, Ра*.

В 1904 и 1905 годах комиссия по транскрипции рекомендовала нерусские личные имена в географических названиях писать в именительном падеже: *залив Посьет*, а не *залив Посьета*, как принято ныне; *остров Врангель*, а не *остров Врангеля*, *земля Франц-Иосиф*, а не *Франца-Иосифа*, но одновременно *хребет Петра Великого*. Любопытно, что в наименованиях населенных мест в наше время преобладает исходная форма в именительном падеже: поселки *Курчатов* и *Посьет*, города *Шелехов, Чехов, Чаплыгин, Лермонтов* и т. д., а для физико-географических объектов в разных падежах: *ник Корженевской, хребты Черского и Кропоткина*, но *Обручевская степь, Самсоновы горы*.

Несмотря на дискуссионность многих предложений по иноязычным названиям, всеобщее признание получила мысль И. А. Бодуэна де Куртенэ: «Нельзя гоняться за излишней точностью передачи произношения, так как самой точной транскрипцией нельзя из людей сделать фонографов. Необходимо только раз навсегда установить практичное и удобное общее начертание» (Архив Русского Географического общества. Фонд 1, опись 1, № 7).

Обсуждение бесконечных вопросов транскрипции продолжается и в наши годы. Эти проблемы стали объектом внимания даже Организации Объединенных Наций, по инициативе которой было проведено несколько конференций по стандартизации географических названий при передаче с одного языка на другой. При этом специальное внимание было уделено традиционным именам (экзонимам), присутствующим у разных народов. Но пока нельзя сказать, что дискуссии на таких высоких конференциях привели к какому-нибудь прогрессу и единому решению. Да и вряд ли его можно ждать в обозримом будущем.

Обзор топонимических исследований Географического общества выполнили Б. А. Вальская (1967) и А. И. Попов (1970). Первая из них отмечает работы китаиста Н. Я. Бичурина, ориенталиста В. В. Григорьева и слависта А. И. Соболевского (Вальская Б. А. Проблемы изучения географических названий в истории Географического общества//Повідомлення Української ономастичної комісії. Київ, 1967. Вып. 2). Алексей Иванович Соболевский много внимания уделял топонимам, как свидетелям тех или иных исторических событий и ушедших языков. Большинство своих работ он печатал в изданиях Академии наук, но одновременно активно сотрудничал в журнале «Живая старина» и «Записках РГО», где опубликовал около 20 статей. Отметим «Названия населенных мест и их значение для русской исторической этнографии» (Живая старина, год третий. 1893. Вып. IV).

А. И. Попов выделяет большое сочинение И. Д. Беляева о географических представлениях наших предков, о названиях, встречающихся в русских летописях начиная от Нестора и кончая показаниями путешественников XV века. В этой работе нет материалов о происхождении и смысле содержания содержащих топонимов, но указывается их локализация (Попов А. И. Топонимика//Географическое общество за 125 лет. Л., 1970).

В «Известиях РГО» (1868) В. Н. Майнов рассказал о проекте доктора В. Богишича общеславянского музея как центра, «который бы служил фокусом общеславянской прошлой и настоящей жизни, мышления племен славянских, их общей духовной и материальной работы и, наконец, плодов последней» (Майнов В. Н. Брошюра доктора В. Богишича о проекте общеславянского музея//Известия РГО. 1868. № 4). В этом музее предполагалось иметь пять отделов: 1) справочный (как бы путеводитель по музею), 2) архив, 3) библиотека, 4) древностей и продуктов разных производств, 5) народоописательный (предметы материальной культуры). Известно, какой часто бывает судьба многих проектов.

Тот же В. Богишич в 1873 году напечатал первую по сути топонимическую статью в изданиях Общества. Она посвящена славянским географическим названиям в странах Адриатики. Ученый делит их на группы: 1) латинские по происхождению, ставшие позже

славянскими; 2) итальянские на северо-восточном побережье и островах. Среди них древнелатинские и латинизированные илирийские, греческие, славянские, измененные на свой лад: *Шебеник* — Sebenico, *Бродце* — Brozce, *Белая* — Bianca и т. д. В длинном списке итальянских по употреблению названий, приводимом В. В. Богишичем, нередко ясно проступает славянский субстрат: *Babinopoglie* — *Бабинополь*, *Bascavoda* — *Башкавода*, *Dubrovizza* — *Дубравица*, *Monte Straza* — *гора Стража*, *Novigradi* — *Новиград*, *Porte Luca* — *порт (гавань/перевал) Лука*, *Pricodgna* — *Приходня*, *Valle di Scirocco* — *долина Широка*, *Rischizza* — *Ричица* и др. (Богишич В. В. Местные названия славянских пределов Адриатики//Записки РГО по отделению этнографии. СПб., 1873. Т. 3).

В Записках Географического общества по отделению этнографии и в журнале «Живая старина» встречаются топонимические статьи и заметки, но они не имеют сколько-нибудь систематического характера. Это не удивительно, так как топонимика в России по-настоящему стала развиваться только в середине нашего столетия.

В перечне ученых, принимавших активное участие в комиссии по транскрипции географических названий, нужно отметить Н. Я. Марра и В. П. Семенова-Тян-Шанского, как авторов топонимических исследований. В трудах последнего они привлекаются как свидетели этнических процессов и как показатели реконструкции былых ландшафтов. В статье «Географические соображения о расселении человечества в Евразии и о прародине славян: антропогеографическая заметка по поводу книги А. А. Шахматова «Очерк древнейшего периода истории русского языка». II. 1915» (Землеведение. 1916. Кн. 1—2) Вениамин Петрович постарался определить границу обитания балтских племен на территории России и Украины. Интересной и конкретной оказалась его работа «Как отражается географический пейзаж в народных названиях населенных мест», в которой применяется топонимическая статистика и четко проявляется топонимическая позитивность географических имен, когда они отражают природные и иные реалии (Семенов-Тян-Шанский В. П. Как отражается географический пейзаж в народных названиях населенных мест//Землеведение. 1924. Кн. 1—2). Об этих и других трудах В. П. Семенова-Тян-Шанского рассказал Е. М. Поспелов, который цитирует его справедливое утверждение: «Одни данные языка для решения вопросов древних племен далеко не достаточны. Здесь нужен именно возможно более полный комплекс филологических, археологических, исторических и экономических данных. Только такой комплекс и сможет разрешить настоящим образом эту истинную антропогеографическую задачу» (Поспелов Е. М. Топонимика в трудах В. П. Семенова-Тян-Шанского//Вопросы географии. Изучение географических названий. М., 1966. Сб. 70).

Топонимические исследования академика Н. Я. Марра, опубликованные в разные годы, собраны позже в пятом томе его «Избранных сочинений» (Этно- и глоттогония Восточной Европы. М.-Л., 1935). Известно, что многие из них подверглись жестокой критике, и все же отдельные положения о происхождении географических названий, думаю, и сегодня представляют определенный интерес. Такое замечание, в первую очередь, относится к ранним публикациям ученого.

В Москве и Петербурге топонимические комиссии Русского Географического общества и ныне продолжают свою работу. В 1965 году в Ленинграде проведена «Всесоюзная конференция по топонимике СССР» и были опубликованы тезисы докладов и сообщений отдельной книгой. Статьи о географических названиях печатались в «Известиях РГО» и сборниках Восточной комиссии Общества «Страны и народы Востока».

Большой активностью отличается Топонимическая комиссия Московского центра РГО. В серии научных сборников «Вопросы географии» вышло шесть книг в такой последовательности:

Географические названия. 1962. Сборник 58.

Изучение географических названий. 1966. Сборник 70.

Местные географические термины. 1970. Сборник 81.

Топонимия Центральной России. 1974. Сборник 94.

Топонимика на службе географии. 1979. Сборник 110.

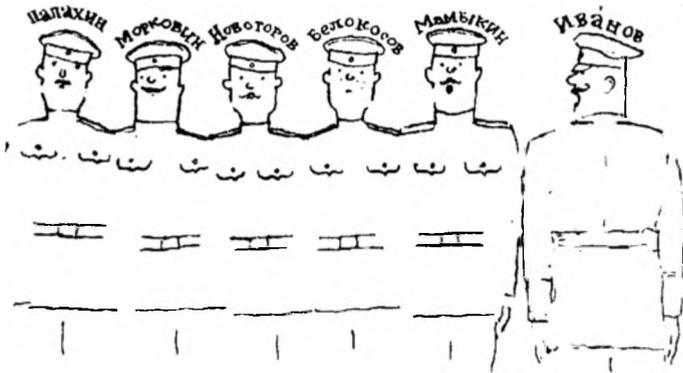
Географические названия в Москве. 1985. Сборник 126.

Кроме перечисленных изданий, Московская топонимическая комиссия смогла опубликовать более 20 книг и брошюр. Среди них: Принципы топонимики (1964, совместно с отделением языка и литературы АН СССР), Прикладная топонимика (1983), Этническая топонимика (1987), Топонимика и общество (1989), Топонимика и международные отношения (1992), Топонимика России (1993).

Комиссия совместно с Институтом востоковедения АН СССР напечатала три выпуска книг под единым названием «Топонимика Востока» (1962, 1964, 1969), а Киргизское Географическое общество совместно с Институтом этнографии выпустило том «Ономастика Средней Азии» (1980).

В заключение можно сказать, что первая статья о топонимических формантах «Задача любителям этимологии» академика А. Х. Востокова появилась в 1812 году. Затем важной вехой следует считать труд Н. И. Надеждина «Опыт исторической географии русского мира» (1837).

Начиная с середины XIX века топонимические работы печатались главным образом в изданиях Петербургской Академии наук и Русского Географического общества. Как известно, ныне топонимика получила широкое распространение не только в России, но и во всех республиках бывшего Советского Союза.

Папа — не отец,
 Карп — не рыба,
 Мартышка — не обезьяна

А. В. СУПЕРАНСКАЯ,
 доктор филологических наук

Русские фамилии удивительны в том отношении, что при полной, казалось бы, прозрачности основ они могут иметь необычную этимологию. Так, фамилии *Локтионов*, *Локтюнин*, *Локтюхов*, *Локтюшин* восходят к народным формам календарного имени *Галактион* и менее всего связаны с локтем. Их написание через *о* свидетельствует об утрате связи с этим именем и о сближении с более понятным словом *локоть*. Параллельные фамилии с орфографическим *а* (*Лактионов*, *Лактонов*, *Лактюшин*, *Лактюхин*, *Лактюшкин*) подтверждают, что они произошли не от слова *локоть*.

В русских церковных календарях было и есть много редкостных имен. Было — потому что время от времени осуществлялись пересмотры списков имен и из них исключались казавшиеся ненадежными. К тому же некоторые имена не укладывались в систему русского языка. В народной речи они подвергались различного рода перестройкам, способствовавшим их лучшему вхождению в язык. Однако сам факт их существования подтверждается производными от них фамилиями.

Мы неоднократно отмечали, что русские календарные имена в своей массе не связаны с нарицательной лексикой. Случайное же созвучие некоторых имен делает их непопулярными: *Карп*, *Улита*, *Макрина*, *Сила*, *Псой*, *Муко*, *Маня*. Только *Вера*, *Надежда*, *Лю-*

бовь охотно даются из поколения в поколение, очевидно, благодаря своему внутреннему содержанию.

Но в фамилиях многое не так. Естественно, что фамилии *Александров, Петров, Евгеньев* воспринимаются как происходящие от известных имен. Но фамилии от имен малознакомых как бы ищут поддержку общего лексикона. При этом возникают омонимы.

Далеко не все фамилии, содержащие компонент *мам-*, образованы от слова *мама*, например, не имеющие стандартизирующих суффиксов: *Маман, Мамейка, Мамий, Мамон, Мамотко, Мамыко, Мамыш* и имеющие их: *Мамакин, Мамантов, Мамонтов, Мамекин, Маменин, Маменко, Маментьев, Мамиев, Маминов, Мамихин, Мамичев, Мамкин, Мамотин, Мамотов, Мамочкин, Мамулин, Мамурин, Мамушкин, Мамцев, Мамыличев, Мамяхин, Мамыкин*. В их основах просматриваются календарные имена *Мамий* с вариантом *Мамей*, *Мамонт* с вариантами *Мамот* и *Мамант*, а также женское *Мамика* (откуда *Мамыкин*).

Были также календарные имена *Папа* и *Папий*. Фамилии, содержащие компонент *пап-*, образованы преимущественно от них: *Папашук, Папенко, Папенчук, Папич, Папиш, Папко, Папок, Папуш, Папуша; Папцев, Папанин, Папанов, Папахин, Папешкин, Папилин, Папилов, Папин, Папкевич, Папкович, Папулин, Папушкин, Папцов, Папченко, Папышев*. Отца в простой крестьянской среде обычно звали *тятей*. Нам встретились очень редкие фамилии *Тятыкин* и *Тятенко*. В некоторых областях России *папой* называли хлеб в разговоре с детьми.

Словообразовательные парадигмы (ряды) фамилий от *папа* и *мама* и от перечисленных имен настолько тесно переплетаются друг с другом, что порой их невозможно четко расчленивать. Приведем еще примеры взаимного проникновения парадигм. Есть известное имя *Мартын* с вариантом *Мартин* и менее известное — *Март* с вариантами *Мартий, Мартей*. Фамилии, образованные от основных форм этих имен, четко различаются: *Мартынов* и *Мартинов, Мартов, Мартцев, Мартеев*. Но фамилии от производных форм указанных имен сливаются: *Мартыгин, Мартышкин, Мартишкин, Мартысь* могут быть в равной мере образованы от производных форм имен *Март* и *Мартын*.

Словообразовательные парадигмы фамилий от имен *Мар* (с вариантами *Марий, Марей*), *Марк* и *Марон* пересекаются с образованиями от слов *мор, марка* и *морковь*, которые могли использоваться в качестве прозвищных имен и стать основами фамилий. Так, фамилия *Марко* может происходить и от имени *Мар*, и от имени *Марк*; *Морков* — либо от имени *Марк* при его неверной записи, либо от основы *Мор-* с суффиксом *-к-о*, либо от прозвищного имени *Морковь* при утере мягкости конечного *в*. Фамилии *Маркин* и *Ма-*

рочкин скорее восходят к имени *Марк*, чем к апеллятиву *марка* (почтовая или иная), фамилии *Марковин*, *Марковкин* скорее связаны с прозвищным именем *Марковь*, тем более, что есть параллельные им образования с *о*: *Марковин*, *Марковкин*. Фамилия *Марошин* образована от имени *Марон* через разговорную форму *Мароша*.

В результате различных ономастических перестроек у русскоязычного населения обнаружилось много фамилий, «сделанных неизвестно из чего», т. е. с утерянной изначальной основой. Например, город *Торжок* ранее именовался *Новый Торг*, откуда прилагательное *новоторский* и название жителей *новоторец*, *новоторка*, *новоторцы*. Сейчас об этом знают лишь немногие, и фамилии от этих основ иногда стремятся «подредактировать». Так, из *Новоторский* делают *Новаторский*, из *Новоторов* — *Новаторов*, из *Новоторкин* — *Новаторкин*, тем более, что движение новаторов было одно время очень модно.

Особенно много искажений в фамилиях со сложными основами. Приводим небольшой список таких фамилий: реально существующие фамилии (первая форма) / из какой фамилии образована (вторая): *Благовалин/Благовалин*; *Благоваров/Благоверов*, *Благодаров*; *Богопольский/Богомольский*; *Беловон/Беловол*; *Войскобойников/Воскобойников*; *Добрототов*, *Доброходов/Доброхотов*; *Голошумов/Голошубов*; *Жукоборский/Духоборский*; *Котемякин/Кожемякин*; *Косопыриков/Косодыриков* (*косодырить* «подольщаться»); *Косодуров*, *Косодров/Косоуров* (*косоур* «кривая дуга», спец.); *Костонаров/Костомаров* (*костомар* — тюркское родоплеменное название); *Кривоносоз/Кривоносоз*; *Кустоднев/Кустодиев* (*кустодия* церк. «печать»; *Кустодий* — имя, народная форма календарного *Ексакустодия*); *Кривопусков/Кривопусков*; *Остромухов/Остроухов*; *Подковаров/Подковыров*; *Прасолов/Прасолов* (*прасол* — торговец скотом); *Семичастнов/Семичастнов* (очень счастливый); *Сиволодов/Всеволодов*; *Сиволодский/Всеволодский*; *Сиволожский/Всеволожский*; *Староваров/Староверов*.

Двоющим образом можно понять фамилии *Просыпалов* (от *просыпать* и *проспать*), *Безвесельный* (*без веселья* или *без вёсел*), *Волковой* (как *волчий вой* или как прилагательное с основой *волк*, ср. *полковой*), *Белокосов* (от *белых кос* или от названия шелковой ткани *белокос* или как описку в *Белоносоз*), *Белокуров* (от *белых кудрей* или *белого петуха/курицы*), *Малозем* (имеющий *мало земли* или от прозвания человека низкого роста *малозем*), *Вербовик* (от *вёрбы* или *вербовки*).

В любом случае фамилия достаточно хорошо именуется данную семью, поскольку основное ее назначение — именовать, а не сообщать.

щать, какой у кого нос или лоб. Последнее — лишь зацепка для памяти, чтобы лучше запомнить фамилию. Вот почему о фамилиях говорят, что их орфография основывается на традиционном принципе (т. е. сохраняется написание, которое было зафиксировано в документах данной семьи) и не подчиняется закономерностям общей орфографии, основанной на фонологическом принципе. К каждой фамилии следует относиться так, как если бы ее носитель был лицом историческим (Калакуцкая Л. П. Фамилии. Имена. Отчества. М., 1994. С. 5—6).

Некоторые люди склонны относить к ошибкам паспортиста реальные или кажущиеся неправильности в написании своих фамилий, как это делал, например, в свое время первый герольдмейстер Петра I Колычев, жаловавшийся на то, что писари по своей нерадивости записали его предка именем *Кобыла*, хотя это был благородный выходец из Прус по имени *Кампила*. Но, помимо описок, многие фамилии содержат народные переделки совершенно иных имен и слов, до которых никакой писарь бы не додумался.

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ *

Г. П. СМОЛИЦКАЯ,
доктор филологических наук

Заборье. Село в Рязанской области. Название прозрачно: «расположенное за бором». Это соответствует действительности: в настоящее время оно находится за бором, сосновым лесом, в котором был основан Солотчинский монастырь, и вокруг которого выросло селение *Солотчи*. Название села неоднократно менялось: в документах XVII века — *Рыкова слобода*, в 20-х — начале 30-х годов XX века — *Рыково-Заборье*, затем — *Заборье*. Вероятно основатель слободы носил фамилию Рыков, известную в источниках XVI—XVII веков (Веселовский. Ономастикон).

заборьевцы, заборьевец

заборьевский, *-ая, -ое* и *устар.* рыковский, *-ая, -ое*.

В Рыкове рога носят. Так говорили о рыковских женщинах, которые подкладывали под головной убор повыше лба деревянное устройство, имитирующее небольшие рога как свидетельство одного из языческих верований, сохранившегося здесь на окраине Рязанской Мещеры.

Заволжск (1954). Город в Ивановской области. Название прозрачно: «город, расположенный за Волгой» с типично «городским» суффиксом *-ск*. Как считают исследователи, город получил такое название потому, что по отношению к городу Кинешме он находится на другом берегу Волги, за Волгой. *См. Волга.*

заволжцы, заволжец

заволжский, *-ая, -ое*

Заволжье (1954). Город в Нижегородской области, бывшее *Пес*

* Продолжение. Начало см.: Русская речь. 1994. №№ 4, 6, 1995.

тово. Название прозрачно: «расположенный за Волгой». Появился в связи с созданием Горьковской ГЭС. См. *Волга, Нижний Новгород*.

заво́лжцы, заво́лжец

заво́лжский, *-ая, -ое*, допустимо: заво́лжьеvский, *-ая, -ое*

Заго́рье. Хутор в Смоленской области. В основе названия апеллатив *загорье* «местность за горой, холмом». В русской топонимии особенности рельефа часто становятся основным признаком имени населенного пункта на этой местности. Приставка *за-*, показывающая положение одного объекта по отношению к другому, более важному в момент называния, довольно регулярно используется при образовании топонимов в Центральной России: *Заборье, Замостье, Заокское, Заречный* и др.

— На хуторе Загорье родился и провел свои детские и юношеские годы русский поэт и общественный деятель А. Т. Твардовский (1910—1971). В настоящее время здесь создан музей поэта.

заго́рьеvцы, заго́рьеvец, заго́рьеvка

заго́рьеvский, *-ая, -ое*

Задонск (1779). Город в Липецкой области. В основе названия гидроним *Дон*, на левом берегу которого было основано селение. Топоним образован по известной русской модели: приставка *за-*, показывающая положение объекта по отношению к другому, лежащему в основе названия + основа + суффикс *-ск*, один из характерных признаков названия русского города вообще. Первоначальное название — *слобода Тешевка Задонская* (XVI в.), т. е. находящаяся за Доном по отношению к Русскому государству. Происхождение названия *Тешевка* не установлено, но оно со временем было вытеснено уточняющей его частью, что стало возможно в силу наглядной соотнесенности — положением селения за рекой Дон и утратой смысловой связи с прежним признаком номинации. См. *Дон*.

задо́нцы, задо́нец

задо́нский, *-ая, -ое*

Займище (1975). Рабочий поселок в Брянской области. В основе названия апеллатив *займище*, широко известный на всей территории России в разных значениях — от участка местности, пригодного для ведения сельского хозяйства до непригодного для этой цели. На территории Центральной России слово имеет значение «широкая луговая или лесная пойма», «заливные луга, покрываемые водой во время весеннего разлива» (Мурзаев. Словарь народных географических терминов).

займищенский, *-ая, -ое*

Залего́щь (1960). Поселок в Орловской области. Название дано по реке *Залегощь* (*Залегощенка*), на которой поселок расположен. Извест-

ны также поселки *Верхняя* и *Нижняя Залегощь*, расположенные неподалеку. Гидроним *Залегощь* происходит от другого — *Легощь* (*Легоща*, *Легоша*). Залегощь находилась за рекой Легощь по отношению к Оке. Гидроним *Легоща* (*Легощь*) пытаются связать с мужским именем на *-гощь*, но такой принцип номинации в гидронимии Поочья весьма редок. Больше оснований соотнести его с русским диалектным *легоша* «лентяй, лежебока» (СРНГ. Вып. 16), тем более, что известен вариант этого гидронима *Легош* и *починок Легошев* на этой реке (XVI в.). Это дает нам основание объяснить название реки *Легоща* как реку с медленным, ленивым течением. К тому же в бассейне реки Прони (среднее Поочье) одна из небольших речек имеет название Легоща и Киследа, т. е. река, закисшая в результате медленного течения. В. Н. Топоров, анализируя похожий гидроним *Льгощь*, который вполне мог дать форму *Легощь* и *Легоща*, относит его к балтизмам (Топоров. «*Baltica*» Подмосковья). Объяснение Е. С. Отиным аналогичного донского гидронима из личного мужского имени *Льзегост* или от древнерусского *льга* «свобода, удобство; облегчение, льгота» кажется неубедительным (Отин Е. С. Названия на Воронежской земле. Русская речь. 1979. № 4).

залегощенцы, залегощенец

залегощенский, *-ая*, *-ое*

Западная Двина (1937). Город в Тверской области. Именование получил по реке *Западная Двина*, в верховьях которой расположен. В топонимии России название реки довольно часто становится именем селений, расположенных на их берегах: *Гжель*, *Коломна*, *Орел*, *Палех*, *Томь*.

западнóдвинцы, западнóдвинец

западнóдвинский, *-ая*, *-ое*

Западная Двина (Даугава — на территории Латвии). Река впадает в Балтийское море (ср. еще р. Северная Двина, впадает в Белое море). Окончательное происхождение названия не выявлено, хотя относительно этого существует несколько предположений разной степени аргументированности. Версии можно объединить в три группы: прибалтийско-финская, балтийская и славянская (русская). Наиболее подробно они представлены у М. Фасмера (ЭСРЯ), А. И. Попова (Следы времен минувших) и развиты в более поздних работах, например Р. А. Агеевой (Происхождение имен рек и озер).

В прибалтийско-финских языках этот гидроним звучит без начального *d-*, т. е. сочетание *dv* в языках этой группы невозможно: *Vainajogi* (в эстон.), *Vainajoki* (в фин.) и может быть соотнесена с аниеллятивом *vain* «пролив», *Viena* (в карельск.) из *vieno* «спокойный, тихий» и др. Но если прибалтийско-финские языки передали *dv* как *v*, значит это название не исконно финское, а заимствованное. Существует предположение о том, что гидроним *Двина* — это видоизмененная форма древне-

скандинавского *Дуна*, которое может быть соотнесено с апеллятивами из германских и других языков, например, с древнеисландским *dvina* «слабеть». Это предположение основано на том, что в нижнем течении она разделяется на несколько рукавов, ее основное русло как бы ослабевает, пропадает. Литовское название Западной Двины *Daugina* и латышское *Daugava* дает основание соотнести его с литовским апеллятивом *daug* «много», т. е. многоводная река, что имеет поддержку и в русской версии.

Получила развитие и гипотеза о русском происхождении этого названия. Оно может быть соотнесено с русским диалектным (смоленским) *двина* «много», точнее — «о множестве, большом количестве чего-нибудь» (СРНГ. Вып. 7). Аналогичные топонимы известны на северо-западе Центральной России: озеро *Двинское*, река *Двина*, село *Двин-Покровское* и др.

Несостоятельным надо считать предположение об основе *двн-* в этом гидрониме (две Двины — Западная и Северная). Прибалтийско-финская версия происхождения может быть отнесена и к Северной Двине, но она не имеет убедительной аргументации. Возможно, что со временем эти два названия «подравнялись», будучи исконно разными по форме и происхождению. Спорным является и мнение о родстве названия *Двина* с *Дон*, *Днепр*, *Днестр*, *Дунай*, хотя оно поддерживается многими учеными.

Запищиково. Село в Мордовской Республике, основанное в 90-х годах XIX века при строительстве Московско-Казанской железной дороги. Первоначальное название — *Записчиково*, *Русская Лаиша тож* (Инжеватов. Топонимический словарь Мордовской АССР). Судя по форме топонима в его основе антропоним *Записчик* или *Записчиков* с широким спектром мотивации. В настоящее время закрепилась устная форма этого топонима — *сч* дало *щ*. В XVII веке был известен семантически близкий антропоним *Скорая Запись* (Веселовский. Ономастикон).

запищиковский, *-ая*, *-ое*

Заплюсье. Рабочий поселок в Псковской области. В основе названия гидроним *Плюсса*, приставка *за-*, показывающая местонахождение поселка (за р. Плюсой) и суффикс *-j(e)*. Гидроним *Плюсса* (*Плюса*) известен и в бассейнах других рек, в частности в Поочье. Наиболее реально объяснить его через славянский (русский) апеллятив *плесо*, *плес* «участок реки между двумя перекатами с ровным, спокойным течением». В подобных названиях *у* и *е* часто взаимозаменяются: селение *Плесья*, деревня *Плесна* на реке *Плюссе* (Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989). По мнению Агеевой, гидроним *Плюсса* нельзя считать балтизмом, так как в балтийской гидронимии он имел бы вид *-аса*, *-еса* или *-оса*, а не *-са*. Западноукраинский

(волынский) гидроним *Плесса*, *Плисса* соотносят с древнерусским *плъсьнь* «плесень, гниль» (Роспонд Ст. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. // Восточнославянская ономастика. М., 1972).

заплю́сский, *-ая*, *-ое*

Запрудня. Рабочий поселок в Московской области. В основе названия апеллятив *запруда* «плотина, запруда», известный в русском языке с ранних времен и имевший в начале XVI века ряд производных — *запрудный*, *запрудок* и др. (СлРяз. XI—XVII вв.). Селение, вероятно, возникло у запруды, плотины, название его оформилось суффиксом *-ня*. Этот суффикс очень активен в топонимии Центральной России, первоначально в гидронимах: реки *Алешня*, *Песочня*, *Рогожня*, *Ракитня*, *Прудышня*, *Селишня* и др.

запрудне́нцы

запрудне́нский, *-ая*, *-ое*

Зарайск (1531). Город в Московской области. Известен в XIII веке как рязанский город с названием *Красный*, вероятно, «красивый», т. к. красиво расположен на берегу реки Осетр. Существует несколько гипотез о происхождении этого названия, но ни одна из них не кажется убедительной: от *ряса* «болото, топкое, влажное место»; от фин. *raja* «рубеж» и др. (Никонов. Краткий топонимический словарь).

Наиболее предпочтительным является предположение о связи топонима с апеллятивом *зараза* «овраг с крутыми, отвесными краями», «высокий, крутой берег реки», «лес с непроходимыми оврагами» и «укрепление, крепость на таких местах». Этот апеллятив был довольно широко распространен когда-то на территории центральных областей России и дошел до нас преимущественно в виде микротопонимов, известных еще в XIX — нач. XX веков: овраг *Зараза* в самом Зарайске, *Воробьевские Заразы*, *Кунцевские Заразы* в Москве. Топонимы *Заразы* были известны в Рязанской и Тульской областях. Как считает В. А. Никонов, не исключена связь с литовскими названиями озера *Zarasai* и *Zararas*. Но возможно это лишь сходие с *Зарайском* созвучия.

Широко распространена древняя легенда, связанная с этим названием. Рязанский князь Федор Юрьевич во главе своего войска стойко защищал Рязань от Батя. Жена его с малолетним сыном была в это время в Красном городе (Зарайске). Когда она узнала, что ее муж и его дружина погибли (а по другой версии, Батый взял его в плен и потребовал выдачи красавицы жены и малолетнего сына), то с горя бросилась с маленьким сыном на руках с высокой башни и разбилась, то есть «заразилась».

зарайцы, зара́ец и зарайча́не, зарайча́нин, зарайча́нка

зарайский, *-ая*, *-ое*

Зарубино. Рабочий поселок в Новгородской области. Название можно объяснить двояко. С одной стороны, в нем можно видеть антро-

понимическое происхождение — по фамилии *Зарубин*, первопоселенец или один из владельцев. С другой стороны, топонимы, соотносящиеся с глаголом *зарубить*, связаны с устройством оборонительных засечных линий (полос), засек (СлРяз XI—XVII вв. Вып. 5): *зарубь* «засека, укрепление из поваленных деревьев». Возможно, что селение возникло как опорный сторожевой пункт *на зарубе, засеке*.

зарубинцы

зарубинский, *-ая, -ое*

Зарубкино. Село в Мордовской Республике. Местная разговорная форма топонима *Заронка* (Инжеватов. Указ. соч.). Село возникло на Керенской засечной черте Русского государства как опорный сторожевой пункт. Этим и объясняется его название, соотносимое с апеллятивом *зарубка* «засека, завал». В аналогичном значении как «засека, укрепление из поваленных деревьев» в древнерусском языке было известно слово *зарубь* (СлРяз. XI—XVII вв. Вып. 5). В современных русских диалектах *зарубка* «засечка, отметина на стене, двери о росте ребенка».

зарубкинский, *-ая, -ое*

Засечная слобода. Русское село в Мордовской Республике. Название прозрачно: *слобода* «селение, обладающее рядом льгот, освобождений от повинностей». Подобные селения создавались в Русском государстве в специальных целях, в данном случае *Засецкая* созданная на засеке как опорный сторожевой пункт. При этом надо иметь в виду, что *засекой* в XVII веке назывался и заповедный лес, имевший оборонительное значение, откуда *засечный* мог иметь значение «расположенный в засечном лесу». Апеллятив *засека* был широко известен не только как топоним, но и как прозвище (фамилия), аналогично *Засецкому* (Веселовский. Указ. соч.).

засеченский, *-ая, -ое* и *офиц.* засеченослободский, *-ая, -ое*

Заулки. Село в Рязанской области. Несомненно, название апеллятивного происхождения. Слово *заулок* известно во многих диалектах русского языка с широким кругом значений, в частности, «глухое, самое отдаленное место в деревне», «переулок в деревне» и др. Видимо, одно из значений этого слова дало основу топониму. Село находится в самом отдаленном (восточном) углу Рязанской области, в Мещере, на границе с Мордовией. Слово *заулок* известно во Псковской II летописи под 1442 годом записи в значении «глухая улица, тупичок» (СлРяз. XI—XVII вв.).

заульцы, заулец

заульский, *-ая, -ое*

Звенигород (1152)*. Город в Московской области. Один из древних русских городов, неоднократно упоминавшийся в летописях. Наиболее

реально связать это название с обычаем славян устраивать дозоры, наблюдательные пункты на вершинах гор, холмов и звоном сообщать о приближении врага. *Звеньгород* в Болгарии, летописный *Звенигород* в Галицко-Волынском княжестве, *Звенигородка* и рядом гора *Звенигора*, несколько топонимов *Звиняче* на правобережной Украине. *Звенигород* — это звонящий город; вероятно, первоначально город не в современном значении, а «укрепленное место», «крепость», откуда получали звуковые сигналы об опасности. Неоднократное повторение топонимов этого типа на обширной территории проживания славян опровергает факт переноса названия *Звенигород* из Киевского княжества в Северо-Восточную Русь. Такое название могло возникнуть везде, где устраивали дозоры на вершинах холмов.

звенигородцы, звенигородец, звенигородка

звенигородский, -ая, -ое

Можаяц с звенигородцем — летом мостовщики, зимою ледовозы, пальщики, древоколы. Речь идет об отхожих промыслах этих жителей: летом они строят (и чинят) мосты; зимой нанимаются возить лед, пилить и колоть дрова.

Збляки. Рабочий поселок в Костромской области. Возможно, топоним прозвищного характера — по особенностям его жителей. Ср. *зёмло* или *зеблò* «крикливый человек, крикун» (СРНГ. Вып. 11).

збляковцы

збляковский, -ая, -ое

Зеленогорск (1946). Город в Ленинградской области. Название дано по особенностям окружающей природы — зеленый город, так как расположен среди леса и парков. Более раннее название *Териоки* — по реке *Териоки* (из *Тервайоки*), что значит в переводе с финского языка *Сосновая (Смоляная)* река. Речки аналогичной номинации довольно часты в Центральной России. Предположение о том, что *Териоки* соотносится с финским *töury* «холмик» и *joki* «река» (Никонов. Указ. соч.) не убедительно, т. к. при этом непонятен признак номинации.

зеленогорцы, зеленогорец

зеленогорский, -ая, -ое

Зименки. Название десяти деревень в Нижегородской области. По сведениям Л. Л. Трубе (Как возникли географические названия Горьковской области), все они сформировались на месте бывших зимовий, семь из них и сейчас находятся в лесной местности. В основе этого топонима апеллятив *зименка*, известный в восточном регионе Центральной России в значении «избушка-землянка, служащая временным жильем» (СРНГ. Вып. 11), видимо, в зимнее время. В аналогичном значении известны слова *зимник*, *зимница*, *зимовка*. Все они активны в топонимии, что, вероятно, связано с холодом и морозами для жителей

Центральной России. Одно из них известно как фамилия в XV веке: князь Зимница Дмитрий Васильевич Шастунов (Веселовский. Указ. соч.).

зименский, *-ая, -ое*

Злынка (1925). Город в Брянской области. Название дано по реке *Злынка* (в прошлом *Злынь*), на берегу которой появилось селение, разросшееся впоследствии в город. В основе гидронима, видимо, лежит апеллатив *зло*, который в отношении реки обозначает «бурный, т. е. злой характер ее течения, изменение русла или большой весенний разлив, приносящий зло». Речки с названием *Злынь*, *Злынка* (*-к(а)*) более позднее присоединение) известны на территории раннего расселения русских — в бассейне Днепра, Оки и др. Суффикс *-ынь* гидронимически активен: реки *Добрынь*, *Красатынь*, *Ходынь*, *Цветынь* и др. (Смолицкая. Обратный словарь гидронимов бассейна Оки).

злынковцы, злынковец

злынковский, *-ая, -ое*

Зубова Поляна. Русско-мокшанский рабочий поселок в Мордовской Республике. Название довольно прозрачно. *Поляна* «место в лесу, расчищенное (или естественное) под пашню». Как термин подсечно-огневого земледелия известен по всей Центральной России и за ее пределами, активен в топонимии: села *Поляны*, *Высокие Поляны*, *Ясная Поляна* и др. *Зубов* (*Зуб*), видимо, фамилия того, кто расчистил поляну, а затем основал здесь селение, или один из более поздних владельцев. *Зубовы* — известная в России фамилия: в XV веке они указаны как землевладельцы (Веселовский. Указ. соч.), в XVI—XVII веках *Зубовы* упоминаются как дьяки, писцы в разных городах Русского государства (Веселовский. Дьяки и подьячие в XV—XVII в.). Основатели и владельцы этого селения *Зубовы* стали служилыми людьми на Керченской засечной черте (Инжеватов. Указ. соч.).

зубовополянцы, зубовополянец

зубовополянский, *-ая, -ое*

Зубцов (1216)*. Город в Тверской области. Предполагают, что в основе названия апеллатив *зубец* (от *зуб*) в значении «зубец крепостной стены» или «ломаные очертания чего-л.». Реальнее видеть в основе названия личное мужское имя *Зубец* или прозвище (фамилию) *Зубцов*, что и подтверждается суффиксом принадлежности *-ов*. Соотнесение топонима с апеллативом *зубец* трудно объяснить с точки зрения номинации и словообразования.

зубцовцы, зубцовец и зубчане, зубчанин

зубцовский, *-ая, -ое*

Продолжение следует

Брянск, Дѣбряньскъ ... дѣбрь?

А. Ю. КОЖЕВНИКОВ,
кандидат филологических наук

Вопрос о происхождении названия *Брянск* давно уже отнесен к числу разрешенных и не вызывающих сомнений. Традиционно выделяют зафиксированную в летописях форму *Дѣбряньскъ* и возводят ее к апеллятиву *дѣбрь* «густой лес, лесная чаща» (См.: Рогонова Р. С. *Брянск*//Русская речь. 1986. № 4. С. 114; Смолицкая Г. П. *Топонимический словарь Центральной России*//Русская речь. 1994. № 6. С. 80).

Первое упоминание о городе Брянск встречается в Ипатьевской летописи и относится к 1146 году, когда, по сообщению летописца, «Давидовича идоста к Добряньскоу» (Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. II. С. 338. Далее ПСРЛ). К этому времени Брянск уже сформировался как крупный город с посадом, а дату его образования можно отнести к середине 80-х годов X века. Это подтверждается и археологическими исследованиями, проводившимися Институтом археологии РАН под руководством академика Б. А. Рыбакова (Кудряшов Н. *Брянские правила*//Наука и жизнь. 1986. № 5. С. 17; Заверняев Ф. М. *Археологические памятники Верхнего Подесенья*//Брянский краевед. Брянск, 1976. Вып. VIII. С. 24).

Любопытно летописное сообщение, приводимое под 988 годом: «И рече Володимерь: „Се не добро, еже малъ городъ около Киева“. И нача ставити города по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне» (Повесть временных лет. М.—Л., 1950. Т. I. С. 83). Если предположить, что слово киевского князя не расходилось с делом, а в пользу этого свидетельствует наличие объективной политической и экономической необходимости, определявшейся введением христианства и «бе бо рать от печенегъ», а также требовавшей укрепления древней столицы и окружения ее мощной сетью городов, то, вероятнее всего, «по Десне» был заложен только один город — Брянск, поскольку все известные древнерусские города, локализуемые на данной территории,— Чернигов, Новгород-Се-

верский, Трубчевск, Вщиж — в это время уже реально существовали.

Характерно, что спустя лишь год после первого упоминания (1147) в той же Ипатьевской летописи встречаем: «стага Дьбрьяньске» и далее — «изъ Бряньска» (ПСРЛ. Т. II. С. 342), а в Воскресенской находим: «отъ Корачева ко Дебряньску»; «изъ Вятчъ, и изъ Дьбрьяньска» (ПСРЛ. Т. VII. С. 38). Другими словами, к середине XII века рассматриваемое название было уже вариативным, а его незафиксированная начальная форма, видимо, претерпела ряд существенных изменений. К настоящему времени обнаружено не менее 20 вариантов наименования: *Бранскъ, Брынъ, Брянескъ, Брянк, Брянк-Северный, Брянескъ, Бряньскъ, Дбрянескъ, Дебрянскъ, Дебряньскъ, Добрянескъ, Добрянскъ, Добряньскъ, Добряньсьць, Дубрянскъ, Дьбрьянескъ, Дьбрьянскъ, Дьбрьяньскъ, Дьбрьянескъ, Дьбрьянскъ, Дьбрьяньскъ, Дябрянецъ* (См.: ПСРЛ. Т. I. С. 485; Т. II. С. 388, 342; Т. VII. С. 38; Т. XVI. С. 127; Книга Большому Чертежу. Л., 1950. С. 56—101; Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 66; Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 28—29 и др.). Причины такой вариативности вполне понятны. Во-первых, это последствия утраты редуцированных и носовых гласных. Во-вторых, территория современной Брянской области в XIV—XV веках входила в состав Великого Литовского княжества, а в XVI—XVII — принадлежала Речи Посполитой, что могло отразиться на огласовке и графической передаче названия. Наконец, в-третьих, нельзя сбрасывать со счетов и возможные ошибки писцов, и допускавшиеся переосмысления семантики имени.

Тем не менее практически безапелляционно в этимон (от греч. *etymon* — первоначальное значение и форма слова) возводится форма *Дьбрьяньскъ*, по которой обычно и объясняют номинацию, что представляется отчасти произвольным и по ряду причин недостаточно обоснованным. На это, в частности, обратил внимание В. А. Никонов, принимавший в качестве более вероятного первичного варианта существовавшую до конца XII века форму *Брынъ* (Никонов. Указ. соч. С. 66).

Рассматриваемый топоним — очевидно, суффиксальное образование. Отмечая продуктивность и называя специфически «городским» суффикс *-ск-*, обычно выделяют такие его варианты, как *-овск(-евск), -инск, -айск, -ейск, -онск, -анск(-янск)* и некоторые др. Однако есть основания полагать, что большинство из них — более позднего происхождения. Первоначально же в русской ойконимии (от греч. *oikos* «дом, жилище» — название населенного пункта) данный суффикс встречается лишь в виде типового *-ескъ*: *Бобруескъ, Глинескъ, Корческъ, Ропескъ, Ужескъ* и т. д.; а также суффикса принадлежности *-ьскъ*: *Бужьскъ, Дрютьскъ, Одрьскъ, Пиньскъ* и пр.;

и реже — в виде *-скъ, -цкъ*: *Минскъ, Орскъ, Слуцкъ, Трубецкъ* (Нерознак. Указ. соч. С. 19—198).

Зафиксированные формы рассматриваемого топонима свидетельствуют о том, что в их образовании участвовал суффикс *-ескъ* (*-ьск*), но тогда, при этимологизации из *дѣбрь*, становится неясным происхождение предшествующего аффикса *-ан-* (*-ян-*). Оправдать его появление может предположение об образовании топонима не от апеллятива, а от некоторой промежуточной основы, не зафиксированной в памятниках, либо тот факт, что перед нами первое единичное употребление суффикса *-анскъ* (*-янскъ*), ставшего продуктивным достаточно поздно. К сожалению, первое так и не находит правдоподобного подтверждения, а второе вторгается в область лингвистических фантазий и представляется чересчур смелым, чтобы не сказать необоснованным.

Еще в 60-е годы в топонимике был сформулирован так называемый «закон ряда», в соответствии с которым «названия никогда не существуют в одиночку, они всегда соотнесены друг с другом. Чтобы выяснить происхождение названия, необходимо понять, что оно возникло не изолированно, а лишь в определенном ряду названий» (Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965. С. 34).

В этом смысле европейская карта представляет богатейший материал для сопоставления. Так, обычно с апеллятивом *дѣбрь* связывают следующие топонимы: область *Дѣбрь* в Македонии, сербохорватское местное название *Дабар*, река *Дубурис* в Литве, *Doberus* — фракийское местное название, латинские топонимы *Tiberis* и *Thybris* (Этимологический словарь славянских языков. Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1978. Вып. 5. С. 176. Далее ЭССЯ); *Diben* и область *Dibra* в Албании, *Дибра*, *Дибрица* и *Дебри* в Греции (Нерознак В. П. Славянская топонимия в Албании и Греции // Исследования по топонимике. М., 1974); города *Дебриц* в Югославии и *Дебрецен* в Венгрии; *Дебрево* и *Дебрицы* в Смоленской области, разезд *Дебрянский* Московской ж. д., станция *Дебри* Сев.-Кавказ. ж. д. (Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 175). Частое употребление апеллятива отмечается также в гидронимах бассейна Клязьмы, Прони, Москвы (Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. Список рек и озер. М., 1976) и Вислы (Zwoliński P. Hydronimia Wisly. 1. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1965).

Характерно, что включение в данный ряд топонима *Брянск* сразу же ставит его в исключительное положение, т. к. только в этом единственном (!) случае произошла утрата начального слога. И хотя отдельные исследователи считают подобное отпадение закономерным (Нерознак. Названия древнерусских городов. С. 29), представляется маловероятной такая утрата, реализованная лишь в одном-

единственном топониме. Тем более, что в самом апеллятиве редуцированный в первом слого находилась в сильной позиции и впоследствии прояснился. С другой стороны, В. А. Никонов считал отпадение начального *дь-*, *дзь-* возможным, но не представляющим фонетического закона, и высказал предположение о допустимости сопоставления названия *Брянск* с многочисленными *Brynica*, *Brynka* и т. п., встречающимися на территории современной Польши (Краткий топонимический словарь. С. 66). Данный ряд могут пополнить и приводимые М. Фасмером местные названия *Брын* в бывшей Черниговской губернии, *Брыньск* на Волини и название реки *Брынь*, притока Жиздры (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 Т. М., 1964. Т. I. С. 223), а также *Bryn*, *Bren* и т. п. гидронимы, встречаемые у И. Розвадовского (Rozwadowski I. *Studia nad nazwami wod Slowiańskich*. Kraków, 1964).

В этой связи представляется более целесообразным рассматривать начальное *дь-*, *дзь-* в качестве топоформанта, т. е. вполне вероятно, что выбранный топоним содержит префикс, который либо входил в мотивирующую основу, либо выступал в качестве словообразовательного элемента (ср.: *Изборск*, *Нагорск*, *Подольск*, *Приозерск*, *Раздольск* и многие др.), а не являлся корневой частью апеллятива *дъбрь*.

Традиционная этимология опирается лишь на один вариант названия — *Дъбрянскъ* — и оставляет совершенно оторванными от него древнейшие формы *Брынь*, *Добрянскъ*, *Дъбрянск* и т. п., не объясняя причины такой предпочтительности.

Обратимся к материалам исторических словарей и попробуем подойти к проблеме с другой стороны, рассмотрев семантику самого апеллятива *дъбрь*. «Горный склон, ущелье; долина, поросшая лесом; лес, поток (текущий по ущелью)» — такое значение приводит И. И. Срезневский в Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам (СПб, 1893. Т. I. С. 766—767). В «Словаре древнерусского языка XI—XIV вв.» *дъбрь* «обрыв, ров; горный склон, поросший густым лесом», и здесь же: «дъбрь огненная — геенна, ад» (М., 1990. Т. III. С. 131). В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» *дъбрь*: 1) «ущелье, ров»//«долина»; 2) «низина, заросшая лесом и кустарником; лес, чаща» (М., 1977. Вып. 4. С. 197). При этом *дъбрь* в значении «лес, чаща» взято из источника, датированного последней четвертью XVI века.

Интересными оказываются и этимологические источники. М. Фасмер связывает *дъбрь* с родственными литовскими *duburas*, *diburys*, *dauba*, *dauburus* и латышским *dubru* — соответственно: «промоина в русле ручья, на лугу»; «глубина»; «глубокий»; «впадина, окруженная горами»; «овраг, лощина»; «лужа» (Фасмер. Указ. соч. Т. I. С. 490). А. Г. Преображенский, возводя к индоевропейскому корню **dhup-*, **dhub-*, указывает на возможность сопоставления

дебрь с греческим *tásyoc, táζoc* «ров, могила»; немецким *tobel* «лесной овраг, долина»; латинским *dibens* «дно, глубина»; ирландским *dobar*, кимранским *dwfr*, гальским *dubron* «вода» и т. п. (Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959. Т. I. С. 214). В «Этимологическом словаре славянских языков» выделяется праславянская основа **dьbrь* и приводится: старославянское *дьбрь* «овраг, долина»; сербохорватское *debrī* «лощина, овраг в лесу»; словенское *deber* «овраг»; старочешское *debr* «долина»; чешское диалектное *debřa* «крутизна, обрыв»; восточнославянское *debra* «ров, рывина»; старопольское *debrz* «овраг, лощина»; польское диалектное *dziebra* «долина между гор» и т. п., а также связывается **dьbrь* с **dьbno* — современное «дно» (ЭССЯ. Т. 5. С. 176—177). Здесь же приводится и древнерусское, русско-церковнославянское *дьбрь, дебрь, дьбрь, деберь* «ров», на которое хотелось бы обратить особое внимание, поскольку пример на употребление апеллятива в данном значении встречается в «Повести временных лет» и датируется там 977 годом.

Учитывая, что территория современной Брянщины лежит на границе России, Белоруссии и Украины, отметим, что в белорусском языке *дзэбра* «долина между холмами, поросшая лесом» (Яшкін Я. Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 1971. С. 58), в украинском *дебрь, дебра, дебре* «глубокий овраг, поросший лесом; заросший склон горы» (Марусенко Т. А. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов // Полесье. М., 1968. С. 225), а в «Словаре староукраинского языка» данный апеллятив отсутствует (Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Київ, 1977. Т. 1—2).

С другой стороны, у В. И. Даля *дебрь* «логовина, долина, раздол, ложбина, лог, овраг, буерак (<...> ныне лесистая густозаросшая долина, чернолесье по раздолу» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1955. Т. I. С. 424). В «Словаре народных географических терминов» приводится современное значение «непроходимый дремучий лес, чащоба», а также отмечаются параллели в других славянских языках с основным значением «горная долина» (Мурзаев. Указ. соч. С. 175). В «Словаре брянских говоров» (Под ред. В. А. Козырева. Л., 1988. Вып. 5. Далее СБГ) данный апеллятив отсутствует, но приводится форма мн. числа *дебри*, представленная только одним примером в значении «места, заросшие непроходимым лесом», а также родственное *деберка* «широкий длинный овраг с отлогими склонами; лог» (СБГ. Вып. 5. С. 11).

В картотеке Словаря брянских говоров, работа над которой ведется кафедрой русского языка петербургского Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена уже

более сорока лет, — *дебри* и *деберка* зафиксированы только по одному разу, соответственно в Новозыбковском и Рогнединском районах, а сам апеллатив *дебрь* встречается лишь дважды: в Навлинском районе в значении «березовые леса» и в Новозыбковском — «густые леса». Этот факт тем более примечателен, что территория Брянщины издавна славилась своими лесами и в самом говоре присутствует большое количество слов, используемых для их наименования.

Проанализировав исторические, этимологические и диалектологические источники, можно сделать вывод, что апеллатив *дебрь*, во-первых, ни в первой половине XII века (1146 г.), и тем более раньше (988 г.) не имел еще, по всей видимости, значения «густой лес, лесная чаща». Во-вторых, этимологически он связывается с такими природными реалиями, как «ров», «низина», «дно». В-третьих, практически не встречается на рассматриваемой территории.

Упомянувшиеся ранее археологические раскопки позволили установить и конкретное место возникновения Брянска. Это так называемая «Покровская гора» — невысокий холм, на вершине которого находился детинец с окружавшими его постройками древнего города.

В то же время привлекает внимание и тот факт, что в древнерусской ойконимии была весьма продуктивна модель образования топонимов от местных географических терминов, но практически не встречается названий, восходящих к апеллативам с общим значением «низина», «ров», «овраг», «дно» и т. п. (См.: Селищев А. М. Из старой и новой топонимии // Избранное. М., 1968; Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972). Такие наименования стали появляться гораздо позднее: первоначально — как микротопонимы, а затем — в качестве названий населенных пунктов, образованных, как правило, в результате топонимической метонимии, которая в данном случае характеризуется очень низкой продуктивностью. Отчасти это имеет весьма прозаическое объяснение: поселения обычно возникали на возвышенности. С другой же стороны, природные объекты, соотносимые с общими понятиями «низ», «дно» и т. п., реально существуют лишь в бинарной оппозиции, где второй член («верх», «возвышенность» и под.) является более конкретным и значимым ориентиром, т. е. может служить своеобразным адресом.

Показательно, что и в микротопонимии для образования названия какого-либо низкого места (ров, овраг, лог и т. п.), простой переход апеллатива в имя собственное часто оказывается недостаточным и требует определенного уточнения, что и приводит к возникновению сложных, а чаще — составных наименований (ср.: *Бабий Яр*, *Белощелье*, *Сивцев Вражек*, *Сухой Лог*, *Широкая Балка*

и т. п.). Это лишний раз может служить подтверждением того, что апеллятивы, обозначающие отрицательные формы рельефа (низины, овраги и т. п.), не обладают свойством ориентировать и, как следствие, оказываются малопригодными для выполнения адресной функции.

Каждое из приведенных нами замечаний, взятое в отдельности, конечно же, не позволяет отказаться от традиционного объяснения названия *Брянск*, а лишь квалифицирует общепринятую этимологизацию как маловероятную, но все-таки допустимую. Однако принять все эти допущения в совокупности означает не что иное, как рассматривать традиционное объяснение в качестве своеобразного исключения из всех правил, закономерностей, особенностей и т. п., обнаруживаемых в отечественной ойконимии. Иначе говоря, существующее объяснение интерпретирует рассматриваемую номинацию как совершенно уникальную, не имеющую аналогов, а главное — реализованную наперекор обнаруживаемым нормам и установленным образцам.

Все это приводит к тому, что традиционная версия требует более тщательной проработки и более серьезных аргументов в свою пользу, а также поиска новых путей решения проблемы. Пока еще рано ставить точку: более уместно многоточие.

Санкт-Петербург

«Оригинальность отрицательных сравнений...»

Метафорическая антитеза
в стихотворном цикле
А. С. Пушкина
«Песни западных славян»

Д. Н. МЕДРИШ,
доктор филологических наук

Недавно, рассматривая роль фольклорных стилистических средств в поэтике А. С. Пушкина, мы остановились на двух поэтических построениях — на постоянном эпитете и противопоставлении (см.: Русская речь. 1993. № № 3, 4). Обратимся к третьему случаю — к так называемой метафорической антитезе, представляющей особый интерес — по ряду причин. Это структура, во-первых, глубоко песенно-фольклорная, во-вторых, характерная для устной поэзии всех славянских народов и, в-третьих, у каждого из этих народов приобретающая неповторимый национальный облик, который создаётся не только своеобразием локальных реалий, но и изменчивостью самой конструкции.

Метафорическая антитеза у Пушкина встречается не только в «Песнях западных славян», но именно этот стихотворный цикл привлёк наше внимание, так как здесь перед поэтом стояла сложная и заманчивая задача придать стихотворениям фольклорный характер и одновременно ввести русского читателя в поэтический мир хотя и родственной, но всё же построенный по своей самобытной национальной модели.

Предварим дальнейшее изложение определением терминов, поскольку в трудах по исторической поэтике здесь существует значительный разнобой. Существуют два вида *метафорической антитезы* (воспользуемся термином, предложенным В. М. Гацаком) — *славянская антитеза* и *отрицательное сравнение*. Славянская антитеза трёхступенчатая: первая ступень — ложное положение (в утвердительной или вопросительной форме), вторая ступень — его отрицание, третья ступень — истинное утверждение. Первые две ступени метафоричны (с точки зрения «здравого смысла» они сообщают, а затем опровергают ложные сведения), третья ступень несёт достоверную информацию; это как бы спор, в ходе которого устанавливается истина. Отрицательное сравнение отказывается от начальной ступени славянской антитезы и содержит только две части — отрицание и утверждение; оно как бы передаёт видение одного человека. Иначе говоря, трёхступенчатая форма по своей структуре диалогична, тогда как двухступенчатая монологична по существу.

Трёхчастная антитеза известна всем славянам (отсюда её наименование — *славянская*), но более характерна для фольклора южных славян (во времена Пушкина южных славян именовали западными); в русском фольклоре она встречается, в основном, в обрядовой поэзии. Двухчастное отрицательное сравнение сложилось позднее (на основе трёхчастного построения) и только у восточных славян, причём чаще всего оно встречается в русском фольклоре. О причинах такого явления высказывались различные предположения, вплоть до самых невероятных: в начале прошлого века один учёный, например, уверял, что отрицательное сравнение сложилось под воздействием русских морозов ... Полагаем, что всё дело в исторически сложившейся у каждого народа жанровой структуре фольклора. В силу ряда обстоятельств, в русском песенном фольклоре наибольшее развитие получили полярные (по родовому признаку) жанры — эпические и лирические, монологичные по своей природе, в то время как в фольклоре южных и западных славян преобладают песни лиро-эпические, диалогические по строению (подробнее об этом: Медриш Д. Н. Исторические корни отрицательного сравнения // Этнографические истоки фольклорных явлений. Русский фольклор. Т. 24. Л., 1987. С. 107—116).

Естественно, что русские поэты, обращаясь к фольклорной те-

матике, используют, как правило, двучленное отрицательное сравнение как более характерное для отечественного фольклора. Неслучайно поэтому, что когда В. В. Виноградов, назвав приём «отрицательного параллелизма» одной из «излюбленных форм народно-поэтического языка», приводит в качестве примеров начало пушкинских «Братьев-разбойников», а затем цитаты из А. А. Марлинского, И. И. Козлова и В. К. Кюхельбекера, то во всех случаях это двухступенчатое построение. И только в последнем примере — в «Буковалле» Н. И. Гнедича — повествовании о сербском юнаке — находим трёхчленную метафорическую антитезу (см.: Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 228—229).

Интерес Пушкина к метафорической антитезе как компоненту народно-песенной поэтики зафиксирован документально. В наброске, обычно публикуемом как «План статьи о русских песнях», прочитывается фраза: «Оригинальность отрицательных сравнений», которую М. К. Азадовский справедливо связывает с известной работой Н. И. Гнедича о новогреческой народной поэзии (1825 год), доказывающей, что «род сих сравнений отрицательных» — форма исконно славянская (см.: Азадовский М. Литература и фольклор: Очерки и этюды. Л., 1938. С. 37).

В стихотворениях Пушкина, связанных с фольклором южных славян, метафорическая антитеза встречается неоднократно и притом в различных вариантах. Так, примыкающая к «Песням западных славян» знаменитая «Хасанагиница» (её переводили едва ли не все крупнейшие поэты Европы) в незавершённом пушкинском переводе открывается типичной как по полноте компонентов, так и по их функции славянской антитезой (в её вопросительном варианте): «Что белеется на горе зеленой?/Снег ли то, али лебеди белы?» (первая ступень). «Был бы снег — он уже бы растаял./Были б лебеди — они б улетели./То не снег и не лебеди белы» (вторая ступень). «А шатёр Аги Асан-аги» (третья ступень). За альтернативными вопросами следует аргументированное отрицание; сообщением-утверждением построение завершается, причём обе «недостовверные» реалии названы и в первой (вопросительной), и во второй (отрицательной) частях антитезы.

В «Песнях западных славян» трёхступенчатую конструкцию находим в трёх стихотворениях, причём заложенные в метафорической антитезе возможности всякий раз варьируются — то по функции частей антитезы, то по её полноте. Полная, то есть трёхчленная славянская антитеза сохранена в восходящих к «Гузле» П. Мериме первых двух стихотворениях цикла — «Видение короля» и «Янко Марнавич». Примечательно, что место их в «Гузле», соответственно, третье и двенадцатое, тогда как Пушкин прибегает к метафорической антитезе в начале цикла. В фольклоре отрицатель-

ная конструкция встречается, как правило, в начале песни, в отдельном литературном тексте инициальное положение метафорической антитезы указывает на фольклорную ориентацию автора. В «Песнях западных славян» метафорическая антитеза, выполняя, наряду с другими, и эту функцию, открывает цикл в целом.

В первом стихотворении мучимый совестию король-отцеубийца «Слышит, воет ночная птица,/ Она чует беду неминучу,/ Скоро ей искать новой кровли/ Для своих птенцов горемычных./ Не сова воет в Ключе-граде,/ Не луна Ключ-город озаряет,/ В церкви Божией гремят барабаны,/ Вся свечами озарена церковь». По форме это типичная славянская антитеза (в её положительном варианте), как её, например, характеризует А. А. Потебня: «Образ ставится положительно, как восприятие, затем, как бы в силу того, что дело рассмотрено вновь и лучше, он отрицается, с тем чтобы на место его поставить его значение» (Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М., 1990. С. 223). По существу же это ряд являющихся королю наваждений, так что достоверность сообщаемого не только в первых двух её частях, но и в третьей части, повествующей о взятии врагами города и о страшной расправе над королем, сомнительна: ведь «никто барабанов не слышит,/ Никто света в церкви Божией не видит,/ Лишь король то слышал и видел...» Отсюда и заглавие стихотворения — «Видение короля» (у Мериме — «Видение Фомы II, короля Боснии»). В конце стихотворения сообщается лишь о начале вражеского приступа: «Вдруг взвилась из-за города бомба,/ И пошли бусурмане на приступ». Взяли ли враги город и содрали ли с короля живо кожу, как то привиделось королю, — об этом ничего не сказано.

Верное утверждение О. С. Муравьёвой о том, что в инициальном стихотворении цикла «Видение короля» (как и в финальном — «Конь») «Пушкин явно тяготеет к поэтике народной баллады, для которой характерно отсутствие катарсиса» (Муравьёва О. С. «Гюзла» и «Песни западных славян»// Мериме — Пушкин: Сборник. М., 1987. С. 125), можно было бы дополнить. Во-первых, это свойство отличает прежде всего балладу русскую; в частности, в русских балладах о преступлениях повествование завершается обычно там, где в западной балладе следует ещё и рассказ о свершившемся праведном суде над преступником. Во-вторых, эта особенность проявляется не столько в отдельных «песнях» (кстати, в обоих названных стихотворениях повествование завершается так же, как в соответствующих текстах у Мериме), сколько в цикле как художественном целом. В «Гузле» смерть короля не только предсказана, но и показана — уже в другом, целиком этому событию посвящённом стихотворении «Смерть Фомы II, короля Боснии». Пушкину особое повествование о расправе над королем просто не понадобилось.

Здесь-то и обнаруживается та исключительно важная сюжетная нагрузка, которая ложится в пушкинском цикле на метафорическую антитезу с её по модальности предположительной (или вопросительной) первой ступенью, отрицательной — второй и утвердительной, реальной — третьей. Те эпизоды «Видения короля», в которых изображена его мучительная смерть, предстают не только как минутное наваждение, но и во всей своей реальной неотвратимости, видение реализуется — ведь о нём рассказано в той части антитезы, которая несёт только достоверную информацию. Метафорическая антитеза как бы принимает на себя сюжетную нагрузку целого стихотворения, которое есть у Мериме в «Гузле», но отсутствует у Пушкина в «Песнях западных славян».

В стихотворении «Янко Марнавич», втором в цикле, в зачине также полная славянская антитеза: «Что в разъездах бей Янко Марнавич?/Что ему дома не сидится?/Отчего двух ночей он сряду/Под одною кровлей не ночует?/Али недруги его могучи?/Аль боится он кровомщенья?» Затем альтернативные вопросы («псевдомотивировки» — по терминологии исследовательницы сербского фольклора О. О. Микитенко) отводятся: «Не боится бей Янко Марнавич/Ни врагов своих, ни кровомщенья», — после чего указывается подлинная причина странного поведения бая: «Но он бродит, как гайдук бездомный,/С той поры, как Кирила умер». Уже то, что вопросы о недругах и кровомщеньи находятся в первых — мнимых — частях антитезы, говорит о неосновательности выдвинутых версий (хотя, вообще говоря, могут угрожать бая и сильные враги, и кровники). В обоих стихотворениях, открывающих пушкинский цикл, различия между мнимыми и реальными частями антитезы поколеблены, хотя и по-разному: все утверждения более или менее сомнительны в первом стихотворении и все они в большей или меньшей степени вероятны во втором — если извлечь их из поэтического контекста. Однако художественная структура трёхчастного построения вносит свои коррективы, чётко расставляя модальные акценты. Традиционное фольклорное построение становится активным компонентом пушкинского сюжета.

Кроме названных двух стихотворений, Пушкин в «Песнях...» и Мериме в «Гузле» к метафорической антитезе обращаются ещё дважды, причём у Мериме во всех четырёх случаях используется трёхчленная славянская антитеза. У Пушкина — иначе.

Переводя из сборника Вука Караджича песню «Сестра и братья» (14-я в цикле; в оригинале озаглавлена «Бог никому не остаётся должен», у Мериме отсутствует), Пушкин вносит в метафорический зачин едва заметное, но существенное структурное изменение: «Два дубочка выростали рядом,/Между ими тонковерхая ёлка» (1-я ступень), «Не два дуба рядом выростали» (2-я ступень), «Жили вместе

два брата родные: / Один Павел, а другой Радула, / А меж ими сестра их Елица» (3-я ступень). При отрицании, во второй части славянской антитезы, упомянуты *дубочки*, но опущено имеющееся в сербском подлиннике повторное упоминание *ёлки*. Здесь в антитезе не три ступени, обязательные у сербов, и не две, как закреплено в русской песенной традиции, а две с половиной. Традиционная сербская форма наделена и определённым русским колоритом.

Наконец, «Песня о Георгии Чёрном» (одиннадцатая в цикле, также отсутствующая у Мериме), примечательная уже тем, что хотя, как это нам удалось установить, и восходит тематически к сербскому песенному фольклору (см.: Медриш Д. После выстрела. Пушкин: «Песня о Георгии Чёрном» // Новый мир. 1990. № 6. С. 231—237), переводом всё же не является. «Песня...» также открывается метафорической антитезой, на этот раз двухступенчатой, то есть не сербской, а русской по структуре: «Не два волка в овраге грызутся, / Отец с сыном в пещере бранятся». Такое построение сразу вводит русского читателя в знакомый ему фольклорно-поэтический мир, сохраняя, однако, и сербский колорит — благодаря деталям: *в пещере. Гора, скала, пещера* — неизменные реалии южнославянской картины мира, они представлены и в других стихотворениях пушкинского цикла, например: «... все трое со скалы в долину / Сбежали, как бешеные волки» (стихотворение «Гайдук Хризич», шестое в цикле).

Теперь самое время вернуться к зачину пушкинского перевода «Хасанагиницы»: «Что белеется на горе зеленой?..» Сопоставление с сербским оригиналом обнаруживает, что Пушкин не совсем точен: слово *гора* в сербском языке имеет два значения — *гора* и *лес* (см.: Толстой Н. И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М., 1969. С. 22—103). Сербская «црногорица», например, переводится как *чернолесье*, а постоянный эпитет сербских песен — «горски вук», означает лесного волка (и потому русской половице «Как волка ни корми, он в лес глядит» соответствует сербская: «Крсти вука, вук у гору»). В «Хасанагинице» имеется в виду *лес*, у Пушкина, однако, *гора*. Проще всего пушкинское отклонение от оригинала трактовать как ошибку. К тому же «Песни западных славян» предваряет авторское предисловие, в котором цитируется письмо Проспера Мериме, переданное Пушкину через С. А. Соболевского; в нём французский писатель заявляет, что его соотечественник Шарль Нодье, употребив в своём переводе слова «зеленеющая долина», «промахнулся», поскольку его, Мериме, друг, «знающий по-русски», посоветовал перевести *гора*.

Прав, конечно, Нодье, а «промахнулся» — Мериме; создаётся впечатление, что Пушкин просто повторил промах автора «Гузлы». Дело, однако, в том, что Пушкину (кстати, не только читавшему, но и слышавшему многие сербские песни в оригинале) был известен

квалифицированный перевод А. Х. Востокова, восходящий к «Малой песмарице» Караджича — с таким зачином: «Что белеется у *роци* зеленыя?..» Таким образом, у Пушкина была возможность выбора, и он его сделал: предпочёл «неточное» — «*на горе зеленой*». Но эта «неточность» приводит к тому, что русский читатель воспринимает поэтический мир сербской песни полнее и точнее, чем это было бы при дословном переводе. Белая палатка среди зелени оттого и видна издали, что лес расположен на горе: таким этот лес, безусловно, видит серб, ибо для него картина мира строится по вертикали, а не по горизонтали, как в русском сознании и в русской речи. Русский говорит «взад-вперёд», «туда-сюда» там, где серб скажет «горе-доле», то есть «вверх-вниз». Чтобы русский читатель почувствовал сербский колорит, ему надо увидеть горы, скалы, пещеры. И оттого у Пушкина: «Не два волка в овраге грызутся, / Отец с сыном в пещере бранятся» или: «Что белеется на горе зеленой?..»

Мериме стремился представить французскому читателю мир инонациональный — и назвал свой цикл экзотически: «Гузла» («Гусли»). Пушкин высоко оценил труд своего французского собрата, но перед русским поэтом стояла иная задача. Его читатель должен был воспринять стихотворный цикл сквозь призму народной *песенной поэзии*, близкий ему как *славянину* и в то же время принадлежащий другим славянам — «*западным*». Такая установка попушкински точно запечатлена уже в заглавии: «Песни западных славян». И потому в пушкинском цикле так своеобразно используется и варьируется общеславянская поэтическая форма — метафорическая антитеза в её национально окрашенных разновидностях, трёхчленной (сербской) и двучленной (русской), причём опускаемые при этом элементы трёхчастной сербской конструкции компенсируются лексическими компонентами, представляющими в русском художественном сознании поэтический мир западных славян.

Волгоград

Пройти огонь, воду и медные трубы

А. А. ШУНЕЙКО,
кандидат филологических наук

В языке есть слова и выражения, история которых подтверждается четверостишием А. Ахматовой: «Ржавеет золото, и истлевает сталь,/Крошится мрамор. К смерти все готово./Всего прочнее на земле — печаль/И долговечней — царственное слово». Проходят века, гибнут и возрождаются цивилизации, не остается следа от памятников материальной культуры, а слово, переходя из языка в язык, минуя время и страны, живет вечно. Этот факт можно отнести и к обороту *пройти огонь, воду и медные трубы*, обозначающему «преодолеть все испытания».

История происхождения этого распространенного выражения уходит корнями в глубокую древность, она настолько интересна и запутанна, что лингвисты, пытаясь ее воссоздать, приходят к самым разным, порой противоречивым выводам: «Искон. С огнями и водами ассоциируются разного рода жизненные невзгоды. Добавление и м е д н ы е т р у б ы позднейшее. С ним ассоциируется слава человека. Испытание огнем и водой успешно выдерживают многие, а пройти „медные трубы“ (духовой оркестр, которым встречают человека, прошедшего „огни и воды“) не всякому удастся. Вероятно, не без влияния библейских текстов» (Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. Ф. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М., 1987); «Если оборот *пройти сквозь огонь и воду* — древен и интернационален, то его вариант *пройти огонь, воду и медные трубы* нов, оригинален и специфичен <...> Позднейшая прибавка *медные трубы*, видимо, появилась первоначально в военной среде. <...> Так в современном употреблении продолжает жить и древнейшая „стихийная“ связь огня и воды, и давно изжившие себя обычаи испытания этими стихиями во времена жестокого средневековья, и уже достаточно близкие нам воспоминания об испытании русских воинов огнем орудий и медными трубами славы Отечественной войны 1812 года» (Вакуров В. Н.,

Мокиенко В. М. Огонь, вода и медные трубы // Русская речь. 1988. № 1). В. Н. Сергеев возводит выражение к процессу винокурения: *трубы* — это змеевик, охлаждаемый водой, а путь, который проходят сырье и винные пары, сравнивает с *пройдоха*, *проходимец* (Пройти огонь, и воду, и медные трубы // Русская речь. 1973. № 1). Это объяснение базируется на пометке в словаре В. И. Даля: «*Прошел огонь и воды и медные трубы*, как водка; *пройдоха*» (Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. IV). Но слово *пройдоха* отсылает только к одному оттенку значения оборота, который сохраняется и сейчас: «иногда о человеке с несомненно безупречным прошлым — в качестве отрицательной оценки» (Р. И. Ярцев. Словарь-справочник по русской фразеологии. М., 1985), а как *водка*, скорее всего, употреблено иронически.

Существуют и иные попытки воссоздать историю оборота: Л. И. Ройзензон предполагал, что выражение возникло из загадки о хлебе *Пройти огонь и воду и конец мой — нож и зубы* (К лингвистической интерпретации загадок в связи с некоторыми проблемами фразеологии // Вопросы фразеологии. Самарканд, 1975. Вып. VII); Ф. Г. Гусейнов видел в выражении *пройти огонь и воду* усеченный вариант *пройти огонь, воду и медные трубы*, где третий компонент утрачен из-за своей избыточности (Русская фразеология. Баку, 1977). И. Я. Лепешев воспринимал оборот как кальку из английского языка (Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск, 1981).

Так что же такое *пройти огонь, воду и медные трубы*: исконный или заимствованный оборот, результат фольклорного восприятия стихий или память о средневековом суде и военных победах, усеченный вариант исходной фразы или наращение, переделанная загадка или краткое пособие по винокурению, древнее или относительно молодое высказывание, интернациональное или специфическое?

Анализ сходных контекстов с наименьшей доказательностью позволяет предположить и иной вариант объяснения: выражения имеют разное происхождение и разную историю, а связанные с их истолкованием трудности вызваны их похожестью и многолетним взаимодействием в рамках одного языка, приведшим к тому, что смысл одного стал переноситься на смысл другого. Объяснить эти разногласия можно только одним — в поле зрения исследователей оказывается недостаточное количество фактов.

Имеет значение и то, что некоторые очевидные факты упоминаются, но остаются без должного внимания, например, указание И. Я. Лепешева на то, что оборот — калька из английского языка. А современный английский язык знает несколько вариантов этого выражения, что само по себе — показатель его активного использования.

В. Н. Вахуров и В. М. Мокиенко, истолковывая *медные трубы* в качестве позднейшей прибавки — из военной среды, обозначающей доблесть и испытание славой, обращаются к примерам второй

половины XX века — единственным источником, где присутствует этот компонент значения. Почему же его не было раньше? Вероятнее всего потому, что появился он только в XX веке как результат народной этимологизации. Если даже предположить, что *медные трубы* — «воинская доблесть» — компонент значения оборота, возникший в XIX веке (но не фиксируемый контекстами!), по неизвестным причинам стал актуален только в XX, то и это мало что прояснит. Имея в виду привычное значение слова *труба* «духовой инструмент», выражение можно связать с войной и битвой. Между тем, прилагательное *медный* не ассоциировалось и не ассоциируется со славой, оно отсылает к прямо противоположным понятиям — «бесславию и бедности». Среди пословиц, приводимых В. И. Далем (ук. соч. Т. II) только одна указывает на связь *медь* — честь, слава, все же остальные носят такой характер: *Видена девка медяна, а невидена золотая* или *Только у молодца и серебрца, что медненский грошик*. Можно сослаться и на иные источники: «А мы с тобой люди бедные — в трубы дуем медные» (Иванов Е. Меткое московское слово. М., 1989). Медь отчетливо противопоставлена золоту и серебру как неблагоприятное (обыденное), недорогое — благородному (возвышенному), дорогому. Кстати, символом воинской славы и доблести были не медные, а серебряные трубы, которыми награждались отличившиеся в битвах полки, да и само представление о воинской славе закреплялось иными формульными выражениями. Восприятие *медных труб* как позднейшей прибавки вызывает еще одно противоречие: заставляет предположить, что устойчивое сочетание складывалось из слов, фиксирующих различные, никак не связанные друг с другом культурные традиции. Логичнее предположить, что все слова в выражении с единой семантикой возникли из одной культурной сферы.

Существенно затрудняет толкование истории выражения и то, что большинство исследователей вольно или невольно остаются в чересчур узком временном и историко-культурном контексте. Выражение оценивается либо как исконно русское, либо возводится к библейской и мифологической традиции «осмысление огня и воды как очищающих, „испытующих“ стихий» (Вакуров, Мокиенко. Указ. соч.). Ближе к истине, несомненно, второй подход, но в предложенной формулировке он мало помогает толкованию значения и происхождения выражения, так как фольклорная традиция знает две теории восприятия огня: «По одной теории, он обладает позитивными свойствами, по другой — негативными» (Фрезер Д. Д. Золотая ветвь. М., 1983).

Попробуем предположить, что выражения *пройти огонь и воду*, *пройти огонь, воду и медные трубы* различны по происхождению и выйти в более широкий исторический контекст, обнаружить крайнюю, максимально удаленную от нас точку фиксации самого оборота или его прототипа. Поможет в этом незаслуженно обойденная

вниманием исследователей работа С. Г. Займовского «Крылатое слово. Краткий справочник цитаты и афоризма» (М.— Л., 1930), в которой содержатся такие сведения: «Пройти сквозь огонь и воду и медные трубы. Смысл: пройти много испытаний. Выражение античной древности. В разнородных, но весьма близких между собой версиях встречается у Аристофана, Плутарха, Вергилия, Горация и др.». Выражение в полном объеме фиксируется еще античными авторами и этого квалифицированного указания вполне достаточно, чтобы спор о том, был ли компонент *и медные трубы* результатом наращивания или он был редуцирован, оказался неактуальным. Перед нами два различных выражения. Кроме того, наблюдение С. Г. Займовского показывает несостоятельность прямых отсылок к фольклорной традиции.

Точка найдена, но она не является предельно удаленной и не раскрывает историю смысла фразы. Между тем, такое истолкование существует. Авторитетнейший английский исследователь тайных обществ Ч. У. Гекертон приводит описание посвящения неопита в древние египетские мистерии Изида, являющееся прототипом фразеологизма, его развернутым воспроизведением не только по форме, но и по значению: «Его взору представлялись надписи, вроде следующей: „Кто пройдет по этому пути один и не оглядываясь назад, тот будет очищен огнем, водою и воздухом, и восторжествовав над страхом смерти, выйдет из недр земли на свет дневной, готовясь в душе к принятию мистерии Изида“. Идя далее, неопит достигал другой железной двери. (...) Когда он решал, что пойдет дальше, то подвергался огненному искусу, проходя через залу, наполненную зажженными горючими веществами, образующими огненные стены. Пол был устлан решетками из докрасна раскаленных железных полос, между которыми, однако, оставались узкие промежутки, куда неопит мог ступать безопасно. Когда он преодолел эту преграду, ему предстояло выдержать искусу посредством воды. Широкий и темный канал, наполняемый водами Нила, преграждал ему путь. Поставив мерцающий факел себе на голову, он бросался в воду и переплывал на другой берег, где его ожидал главный искусу, посредством воздуха. Из воды он выходил на платформу, которая вела к двери из слоновой кости с двумя медными стенами по обе стороны; к каждой стене было приделано по громадному колесу из такого же металла. Тщетно силился неопит отворить дверь, и наконец, увидав два больших железных кольца в двери, хватываясь за них; вдруг платформа уходила из-под его ног, холодный ветер задувал его факел, два медных колеса вращались с грозною быстротой и оглушительным стуком, а неопит в это время висел, ухватившись за кольца, над бездонною пропастью. Но прежде, чем он мог выбиться из сил, платформа становилась на свое место» (Гекертон Ч. У. Тайные общества всех веков и всех стран. В 2-х частях. М., 1993. Ч. 1).

Подробное описание позволяет избежать развернутых комментариев. Тожественны характер обряда, его внутренняя семантика и значение фразеологизма — проходить испытания. Одинаковы последовательность и количество действий — огонь, вода, воздух. Совпадают даже детали: *медные* стены и *медные* колеса, нагнетающие воздух, подобно аэродинамической трубе, это и есть *медные трубы* — последний этап проверки на физическую и духовную прочность. Надпись перед входом почти буквально дублирует выражение. Все это указывает на то, что выражение *пройти огонь, воду и медные трубы* относится к египетской древности, где оно первоначально было символом испытаний неопита при посвящении в мистерии Изиды.

Но от древнего Египта до России XVIII—XIX веков путь неблизкий, и пройти его фразеологизм мог по-разному; естественно, о прямом заимствовании в этом случае говорить нельзя. Наиболее простой могла быть такая дорога — проникновение в русский язык непосредственно через книгу Ч. У. Гекертorna, впервые изданную в России в 1876 году. Поскольку выражение фиксируется уже в середине XIX века, а английское издание книги датируется 1874 годом, этот путь невозможен, хотя остается вероятностью того, что русской просвещенной публике были известны источники, которыми пользовался сам Ч. У. Гекертон (см. авторское Предисловие к указ. соч.).

Вероятно, путь был сложнее. Из древнего Египта выражение проникло в античный мир, явившийся базой европейской культуры. А уже из Европы, скорее всего через английский язык перекочевало в Россию. Вероятность этого пути подтверждается не только тем, что исследователи отмечают присутствие этого выражения во всех промежуточных точках (Египет — Ч. У. Гекертон, античность — С. Г. Займовский, английский язык — И. Я. Лепешев), но и еще двумя значимыми историческими фактами. Отголоски древнеегипетских мистерий продолжали существовать в рамках масонской традиции, где ритуал посвящения во многом перекликается с древнеегипетским, а существование ритуала несомненно способствовало сохранению фразы, которая его символизирует. Первые масонские ложи в России под воздействием английского масонства возникли в первой половине XVIII века (Башилов Б. История русского масонства. М., 1992. Вып. III, IV). Время заимствования можно отнести именно к этому периоду.

По своей сути первый и второй пути схожи и оставляют неясными только точную датировку и вопрос о том, в рамках какой традиции (масонской или литературной) выражение проникло в русский язык. Здесь же оно встретилось с оборотом *пройти огонь и воду*, они существовали параллельно, оказывали друг на друга влияние, вызывая народную этимологизацию. Анализируя историю этого выражения, можно с полным основанием сказать, что оно само *прошло сквозь огонь, воду и медные трубы*.

БЛАТНАЯ МУЗЫКА

М. А. ГРАЧЕВ,

кандидат филологических наук

Это название аргос появилось в лексике деклассированных элементов в конце XIX — начале XX вв. В русской же лингвистической литературе оно впервые зафиксировано в 1908 году (см. название словаря В. Ф. Трахтенберга — «Блатная музыка. Жаргон тюрьмы»). И. А. Бодуэн де Куртенэ в статье, посвященной изучению аргос, иначе его и не называет, как *блатная музыка* (Бодуэн де Куртенэ. «Блатная музыка» В. Ф. Трахтенберга // Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2). Любопытно, что в этой небольшой статье (всего две страницы) словосочетание *блатная музыка* встречается двенадцать раз! И в дальнейшем оно стало употребляться в лингвистической литературе в качестве синонима к термину *аргос* (см., например, название статьи М. М. Фридмана — Еврейские эле-

менты «блатной музыки» // Язык и литература. Л., 1931). В словарях русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, В. И. Чернышева, С. И. Ожегова, А. П. Евгеньевой *блатная музыка* то же, что и *арго* (М. А. Грачев. Использование некоторых терминов социальной диалектологии в русской лингвистической литературе // Гуманитарные термины в специальной литературе. Горький, 1990).

Из двух компонентов фразеологизма *блатная музыка* более новым является слово *блатная*. Одна из первых фиксаций слова *блат* (вернее, его производного) наблюдается в очерке А. И. Куприна «Вор» (1895 г.). Появление этого очерка совпадает с периодом наиболее интенсивных заимствований в русское арго из немецкого, польского и еврейских языков (именно они способствовали переходу лексемы *блат* в русское арго, являясь при этом либо языками-источниками, либо языками-посредниками). И первоначально в русском арго слово *блат* обозначало «любое преступление, независимо от его характера». Кража, убийство, разбой, мошенничество — все это определялось словом *блат*. Позднее аргоизм *блат* получил значение «преступный мир», а производная лексема *блатной* имела значения «профессиональный преступник», «преступный; относящийся к преступному миру».

До конца XIX в. арго именовалось преимущественно либо *музыкой*, либо *байковым языком* (см., например, статью: Собрание выражений и фраз, употребляемых в разговоре С.-Петербургскими мошенниками // Северная пчела. СПб, 1859. № 282; Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля, книгу С. В. Максимова «Несчастные». СПб, 1871).

У читателя, вероятно, могут возникнуть ассоциации со словом *баян* — «музыкальный инструмент». Действительно, уж очень заманчивая лексическая цепочка: *байковый язык* — *баять* — *баян* — *музыка*. Но слово *баян* ничего общего с языком преступников не имеет. Музыкальный термин *баян*, названный по имени древнерусского поэта Бояна гармонистом А. Ф. Орланским-Титаренко (см. подробнее об этом в «Кратком этимологическом словаре» Шанского Н. М., Иванова В. В., Шанской Т. В.), появился примерно в конце XIX века, тогда как аргоизм *музыка* возник гораздо раньше.

Но все-таки, почему арго раньше именовалось *музыкой*? То, что оно действует на эмоции? Да, арго воздействует и на чувства деклассированных элементов, и на чувства законопослушного населения. Но не это явилось определяющим при появлении на свет лексемы *музыка*, т. е. данное слово образовалось не при помощи метафоры. Думается, что возникновение его гораздо сложнее.

Музыка — «язык преступников» — слово довольно странное, даже для арго, в котором имеются различные словесные неожиданности. Но в лексике преступного мира был еще и более причудливый

фразеологизм (активно он употреблялся в середине XIX в.) — *ходить по музыке* — «совершать преступления». Но какая связь между «ходить по музыке» и «совершать преступления»? Казалось бы, никакой. Однако, если верно определить в аргю важнейшие способы словопроизводства и принципы возникновения слов, а также связи деклассированных элементов с другими социальными группами, то все встанет на свои места.

Нам кажется, что слово *музыка* в аргю появилось благодаря звуковой мимикрии. Данный способ словопроизводства очень распространен в аргю. Язык «рисует» самые неожиданные образы. Так, в дореволюционном аргю при помощи звуковой мимикрии образованы слова *алешка* — «лакей», *мишука*, *мишура* — «мешок», *башкир* — «большоголовый человек» (от *башка*), *птя* — «пятисотрублевый кредитный билет»; в современном аргю — *алик* — «алкоголик», *баптист* — «бабник», *балбес* — от *балабас* — «продукты, содержащие большое количество жира», *марго* — «маргарин», *червяк* — «червонец», *чех* — «чеченец».

Несомненно, что *музыка* — это слово, также образованное с помощью звуковой мимикрии. Но какая лексема явилась его основой, первым кирпичиком? Каких-либо производных арготизмов от слова *музыка* в составе дореволюционного аргю нами не обнаружено. Из фонетически близких к арготизму *музыка* можно причислить следующие слова: *маз* — «преступник», «мошенник», «старый опытный вор», «атаман разбойничьей шайки», «вор-карманник», «помощник вора-карманника»; *мазурик* — те же значения, кроме третьего и четвертого; *маза* — «учитель воров»; *мазье* — «мошенники, воры»; *мазура несчастная* — «плохой вор»; *мазиха* — «женщина, принадлежащая к преступному миру», «дама (игральная карта)»; *мазурить*, *мазурничать* — «воровать из карманов». Как видим, в этих словах отчетливо прослеживается корень *маз*. Заметим также, что все эти слова обозначают либо представителей преступного мира, либо их преступные действия. И слово *музыка*, насколько это явствует из фразеологизма *ходить по музыке*, также обозначало преступление. (Любопытная деталь — арготизм *блат* почти повторил историю слова *музыка*: *блат* — сначала имело значение «любое преступление», затем — «язык преступного мира»; *ходить на блат* — «совершать преступления».)

Корень *маз* имеется и в лексеме условно-профессионального языка офеней — *мазыка*. О лексическом значении этого слова существуют два мнения. Так, С. В. Максимов утверждал, что это самоназвание офеней (см. выдержку из его произведения «Несчастные»: «С 1700 года офени, как известно, разбрелись по всему лицу земли русской и даже переходили за австрийскую границу, всюду называя себя особым народом — *мазыками*»). Несколько иного мнения иссле-

дователь офенского языка И. А. Трофимовский. «*Мазьки* от слова *мазать* (рисовать), — утверждал он, — так они называют богомазов, которые рисуют иконы, а затем их продают (села Мстера и Холуй Вязниковского уезда Владимирской губернии). Там же село Палех.

Боготаскатели — «офени, занимающиеся перепродажей икон» (И. А. Трофимовский. *Офени*//Русский вестник. 1866. Т. 63). Итак, заметим: *мазьки* — иконописцы, *боготаскатели* — скупщики икон. Вероятно, у офеней было выражение *ходить по мазьке* (*мазькам*) — «скупать у иконописцев иконы с целью их дальнейшей перепродажи». Там, где скупка, — часто мошенничество и обман, и фразеологизм *ходить по мазьке* получает новое значение — «мошенничать, плутовать». А перейдя в арго, непонятное и не характерное для преступного мира слово *мазька* трансформировалось в лексему *музыка* (уголовники стараются «подогнать» непонятное для них слово под уже знакомое). В арго выражение *ходить по музыке* получило и новое лексическое наполнение — «совершать преступление». И еще одна любопытная деталь: слово *маз* (*мас*) в условно-профессиональном языке имело несколько значений — «крестьянин», «человек», «офеня», «я».

Именно в конце XVIII — середине XIX вв. лексика условно-профессионального языка офеней в сильнейшей степени повлияла на арго. Деклассированные элементы заимствовали от «ходобщиков» множество слов: *клевый*, *мара*, *пахан* и др. Офени были именно тем слоем населения, который пополнял ряды деклассированных элементов. «Кроме деклассированных в собственном смысле (нищих, бродяг, воров), — справедливо утверждал В. М. Жирмунский, — в создании и распространении арго существенное участие принимали бродячие торговцы и ремесленники». Такие же процессы, как указывает ученый, характерны и для стран Западной Европы (Жирмунский В. М. *Национальный язык и социальные диалекты*. Л., 1936).

Тесная связь преступного мира с офенями отражена даже в тюремном фольклоре. Из всех социальных групп торговцев только офеня удостоился такой «чести». Вот отрывок из блатной песни:

Кругом темно, все потемнело,
И спит Москва во мгле ночной.
Уныло песенку заводит
В гюрьме преступник молодой:
«Мне быть преступником с рожденья
Сама назначила судьба.
Я был торговец, был офеней
И торговал я завсегда».

(Хандзинский Н. *Блатная поэзия*//Сибирская живая старина. Иркутск, 1926).

Интересно, что распространенный среди преступного мира фразеологизм *по фене ботать*, появившийся в начале XX в., есть не что иное, как *по офене болтать*, то есть разговаривать на условно-профессиональном языке офеней. В начале XX в. в арго существовало выражение *ходить по фене* — «совершать преступления», а *ходить по тихой фене* означало «совершать кражи».

Автор этих строк однажды в Горьком услышал от носителя арготизмов (преступника-рецидивиста), что блатной язык был придуман купцом по имени Офеня...

Но не только офени повлияли на русскую преступность, повлияли на нее и прасолы (*прахи*) — «скупщики хлеба, скота». Характерно, что одним из названий преступника в Поволжье явилось слово *прах* (Раскольническая переписка // Православный собеседник. Казань, 1866. № 304).

Получается любопытная лексическая параллель: в условно-профессиональном языке «ходебщиков» *маз* (*мас*) — «офеня», в арго *маз*, *мазурик* — «преступник»; *прасол* (*прах*) — «скупщик хлеба и скота», а в арго *прах* — «преступник».

Что же осталось в арго в настоящее время от когда-то этимологически родственных слов *маз*, *мазурик*, *музыка*? В современном арго и сейчас употребляются слова *маз*, *маза* — «главарь воровской группы». Арготизм *маза* имеет и еще одно значение — «шайка, сплоченная воровская группа»; фразеологизм *держать мазу* означает «заступаться друг за друга, поддерживать». С 20-х годов XX в. в среде деклассированных элементов не употребляется слово *мазурик*, почти не встречается в современном арго фразеологизм *блатная музыка*: используется только один его компонент — *музыка* (от него образован арготизм *музыкант* — «знаток арго»).

Нижний Новгород

СЕКРЕТЫ ХОРОШЕЙ РЕЧИ И. Б. ГОЛУБ, Д. Э. РОЗЕНТАЛЬ

«Значение культуры речи в жизни общества трудно переоценить. Судьба родного слова нам всегда небезразлична, но особенно возрастает тревога за язык в периоды наибольшей общественной активности народа, когда в центре внимания оказываются пути развития национальной культуры, правосознания, культуры мысли и поведения человека», — это строки из предисловия к книге «Секреты хорошей речи» (М., 1993). Авторы имеют в виду периоды революционных потрясений, переворотов, когда экстремальные ситуации сильно влияют на речевое поведение людей, их речевую культуру.

Эта книга — о хорошей речи. А что же это такое? К хорошей речи, как минимум, предъявляется требование правильности. Но не только. Это требование простоты и ясности, логичности и точности, информативности и сжатости, богатства и разнообразия, благозвучия и интонационной выразительности... И. Б. Голуб и Д. Э. Розенталь пишут: «И чем больше мы осознаем возможности нашего языка, тем выискательнее становимся к своей речи, тем острее ощущаем необходимость совершенствовать стиль, бороться за чистоту русского языка. Тем глубже мы хотим изучать родной язык, чтобы познать его природу, проникнуть в его тайны».

Так что же такое информативность, информативная насыщенность речи? Информативность речи авторы рассматривают в связи с целесообразностью использования слов и синтаксических единиц для наиболее полного выражения мысли. Разумеется, это зависит от стиля и жанра. Таким образом, это явление связывается с функциональным аспектом речи. Однако можно смело утверждать, по мнению авторов, что общий недостаток речи, независимо от стиля и жанра, — многословие и пустословие. Если первое несет избыточную информативность, функционально не обусловленную, имеет лишние слова (плеоназм, тавтология), затемняющие смысл высказывания, то второе вообще не несет никакой информации.

Особенно большое внимание авторы обращают на правильность речи. И это не случайно. Ведь чаще всего мы нарушаем речевую правильность, речевую норму. А что же такое норма? Речевая (литературная) норма — наиболее распространенные, принятые в практике образцового использования и регламентированные правилами произносительные, лексические, морфологические,

синтаксические варианты. Как уже отмечалось, норма стала очень часто нарушаться. И здесь можно вспомнить мнение Л. В. Щербы, который вскрывал причины этого явления: «Причин этому множеству. Во-первых, революция есть прежде всего ломка старых форм, поэтому форма вообще находится в презрении: кажется важным „что“, а не „как“. Далее революция обуславливает исключительно быстрый темп жизни, поэтому писать хорошо — некогда... Все это нельзя осуждать, т. к. происходит по естественным причинам, однако нужно признать, что оправдывающее такое положение вещей презрение к формам является в конечном счете антиобщественным явлением» (Русская речь. 1991. № 3. С. 47). Все это так. Но небрежение к родному русскому языку, особенно со стороны интеллигенции, нельзя оправдать ничем.

Литературное произношение и ударение, правильный выбор слова и его формы, правильное соединение слов в предложениях таким образом, чтобы мысль получала четкое и ясное выражение, не нарушая правильности — вот основа нормативной, хорошей речи. Всякое отклонение от литературной нормы, будь то в произношении, отборе лексики, фразеологии или в выборе грамматических форм и конструкций, препятствует непосредственному и точному восприятию письменной и устной речи, снижает авторитет говорящего и пишущего, создает отрицательный эффект. Возникает своеобразное отторжение содержания как чужеродного для воспринимающего.

К сожалению, уровень речевой культуры сейчас постоянно понижается, как, впрочем, и уровень общей культуры. Видимо, ложно понятая демократия как вседозволенность привела к тому, что мы перестали следить не только за нормой своего поведения, но и за своей речью. Пишущие и выступающие (конечно, не все) бессознательно, а нередко и сознательно нарушают литературную норму. Активно помогают им в этом средства массовой информации — газеты, радио, телевидение. Нарушают бессознательно — от элементарной речевой безграмотности, низкого культурного уровня. Сознательно — ради эпатажа, стремления выделиться, поразить слушателей или читателей: вот я какой смелый, даже матом при всех могу.

Родной язык — это мир слов, с которым связано множество ассоциаций. Слова создают в нашем сознании большое количество картин, представлений, понятий... И от того, насколько хорошей будет наша речь, зависит ее воздействие на тех, для кого она предназначена. Достичь этого поможет книга «Секреты хорошей речи».

Н. Н. Кохтев,
доктор филологических наук

ВЫСШАЯ ИЛИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ?

Т. В. ГАЙКОВ,
Т. Г. ХАЗАГЕРОВ,
В. В. НАЗАРОВ

Современная российская юриспруденция давно уже отказалась от термина *высшая мера наказания*. Между тем центральная и местная печать пользуется им довольно часто (Российская газета, Правда, Вечерний Ростов и др.).

Правомерно ли это? Ответ на поставленный вопрос выглядит очень просто, если речь идет об официальных сообщениях. Они, бесспорно, должны соответствовать языку нормативных документов. Тем не менее, как бы забывая об этом (а может быть, по неосведомленности), многие журналисты не говорят в подобных случаях об *исключительной мере*. Здесь налицо серьезная профессиональная ошибка, и на этом можно было бы поставить точку.

Но есть и другой аспект вопроса. Терминология должна быть точной. Но могут возразить, что газетно-публицистический стиль сродни художественному, а значит, в очерках, репортажах, заметках журналист вправе прибегать к образным средствам, к метафорам, которым не должна быть чужда любая терминосистема, или, по крайней мере, ее периферия. Все так. Но хороша ли данная метафора?

Слово *высший* ассоциируется в нашем языке с понятием самого высокого (важного, почетного, достойного, главного и пр.). Мы говорим о *высших достижениях, высших наградах, высоких званиях*. «Нет, не прячьтесь вы, будьте *высокими*», — писал Б. Окуджава о сверстниках, которые в памятные нашему народу годы проходили испытания на высшие ступени мужества. Так оправданна ли метафора, уместен ли эпитет, связывающие, увы, заслуженную, но отвратительную в своей реальности смертную казнь со словом *высшая*?

Напротив, слово *исключительный* означает нечто, являющееся исключением, такое, что заведомо не распространяется на всех и каждого. Можно спорить о том, необходимая ли в данное время, для данной страны такая исключительная мера, как смер-

тная казнь. Но разве кому-нибудь придет в голову считать эту меру чем-то обычным?

Итак, братья-журналисты и братья-филологи, если уж нам все-таки приходится писать об исключительных мерах наказания, пусть они будут, действительно, *исключительными*, пока не настанет им время совсем исчезнуть. Если нам приходится о них писать, то давайте все же избавим наш язык от бессмысленных метафор.

Ростов-на-Дону

Склонять или не склонять?

*Б. В. КРИВЕНКО,
доктор филологических наук*

Однажды ко мне обратился редактор районной газеты: почему это газетчики вдруг стали склонять названия на -о, пишут, например, «приехал из Панина», «родом из Болшева»? Ведь надо писать «из Панино», а то можно перепутать, о чем идет речь: то ли имеется в виду «Панино», «Болшево», то ли «Панин», «Болшев». Если «Панин», «Болшев» — то «из Панина», «из Болшева», а если «Панино», «Болшево» — то «из Панино», «из Болшево». Вопрос, безусловно, актуальный. В самом деле, почему сейчас не только в разговорной, но и в письменной речи то и дело встречаются несклоняемые формы: «Праздник в Тушино», «Соревнования в Кавголово», «Встреча в Останкино» и т. д.?

А ведь еще сто лет назад подобные названия склонялись. Откроем «Войну и мир» Л. Толстого: «Наполеон, выехав к Валуеву, не увидел позиции русских от Утицы к Бородину ... Левый фланг был в Шевардине, правый около селения Нового и центр в Бородине...»

Да и в начале века было то же: «Потом я очутился в Сормове» (М. Горький); «Эшелон полз почти без остановок из Миллерова в Лихую» (А. Толстой). Наш современник, блестящий мастер слова Борис Пастернак в своем знаменитом романе «Доктор Живаго» следовал той же норме: «Юрий Андреевич чувствовал, что мечтам его о более прочном водворении в Варыкине не сбыться...»

Что же привело к нарушению грамматической нормы? Ученый ответил бы: «и экстралингвистические, и интралингвистические факторы». Понимать это надо так: на язык влияет вся жизнь — социальные, политические, культурные условия той или иной эпохи.

... Во второй половине XIX века на месте добычи высококачественного угля в Донецком бассейне российский капиталист англичанин Джон Юз получил от правительства концессию на строительство завода, который и был возведен в селе, названном его (Юза) именем. К 1917 году это был уже город Юзовка, но в 1924 году его переименовали в Сталино. Появление географического названия Сталино сразу же потребовало для себя, как принято говорить, экстерриториальности (т. е. неприкосновенности, исключительности), и его никто никогда (вплоть до 1961 года, когда город был переименован в Донецк), не дерзал изменять по падежам во избежание двусмысленности и, естественно, неприятностей.

А тут еще началась Великая Отечественная война, и в служебных, а особенно в официальных военных и информационных документах (например, в сводках Совинформбюро) в целях наибольшей точности

вошло в практику не склонять географические названия, в первую очередь названия населенных пунктов. Военные сводки и донесения не выделяли в качестве особых географические названия среднего рода, а, наоборот, требовали употребления географических названий всех трех грамматических родов в исходной, неизменяемой форме: «Отряд достиг Софиевка... Часть наших сил уничтожила гарнизоны противника в Рождествено и Остров».

Язык — это память народа, причем память очень цепкая. До сих пор в ней находим следы и тоталитарного прошлого, и великих испытаний войны. Но в языке действуют и свои, только ему присущие законы. Некоторые из них носят глобальный характер, т. е. проявляются в той или иной степени во всех языках. Назовем из них три: тенденцию к анализируемому, закон экономии речевого усилия и закон аналогии. К нашему случаю все они имеют прямое отношение.

Тенденция к анализируемому русской речи в целом не свойственна, хотя отдельные симптомы этого явления есть. Сначала это коснулось числительных. Вспомним С. Михалкова: «В доме восемь дробь один / У Заставы Ильича...» — не «в доме восьмом дробь первом». То же и в военной стилистике, где проявляет себя к тому же и закон экономии речевого усилия: «ПНШ-4» (пэ-эн-ша-четыре), «комдив-5» (комдив-пять), а не «четвертый помощник начальника штаба» и не «командир пятой дивизии». Постепенно это явление распространилось и на другие части речи не без влияния американизмов, т. е. действия закона аналогии: «Горбачев-фонд», «мастер-класс», «шоп-тур» (не «Фонд Горбачева» и не «класс мастера»!).

Но не только в равнении на Америку проявляется закон аналогии. В русском языке немало несклоняемых слов, преимущественно из французского языка (но не только из него): *депо, пальто, метро, маинто, серсо, кимоно, либретто* и проч. Да и некоторые русские фамилии не склоняются, например *Хитрово, Сухово, Дурново*. В какой-то степени и это повлияло на склонение слов типа *Панино, Болшево* по закону аналогии.

Не все поддаются этой моде. Московские журналисты называли свою неизвестную газету «Пульс Тушина», а не «Тушино», не опасаясь того, что кто-то перепутает и подумает, что речь идет о герое «Войны и мира» капитане Тушине.

Остроумно заметил по этому поводу Н. В. Кузьмин: «„Дом Чехова в Мелихово“ — звучит дико для уха и оскорбительно для Чехова, а писатель, который напишет, что он „живет в Переделкино“, — это уже и не русский писатель, а иностранец какой-то».

Так что газетчики правильно делают, склоняя географические названия на *-ово* и *-ино*, в полном соответствии с духом и правилами русского языка.

«ШНУРКИ В СТАКАНЕ»

И. Г. ГЕРАЩЕНКО,
С. Я. КЛЕЦОВА

Общеизвестно, что студенты в общении между собой широко используют жаргон. Причем, жаргон студентов технического вуза существенно отличается от такового у будущих медиков или педагогов. В любом жаргоне присутствует элемент карнавальской культуры (насмешливо-саркастического отношения к жизни и ее проблемам). Но у будущих инженеров это сочетается к тому же с налетом «машинообразности».

Многие жаргонизмы являются общеупотребительными в студенческой среде, они понятны студентам любого вуза, поскольку касаются общих, стандартных ситуаций в учебном процессе. К ним относятся следующие слова: *школа* (институт), *лаба* (лабораторная работа), *курсаk* (курсовой проект), *хвостовка* (ведомость по передаче зачета или экзамена), *отмазка* (выдуманная причина), *препод* (преподаватель), *мастак* (мастер), *степан* (стипендия).

Интересен феномен обилия синонимов среди жаргонизмов, относящихся к актуальным для студентов аспектам их жизнедеятельности. Например, удивляет множество слов, обозначающих низкий уровень интеллектуального развития и его проявления: *тормоз*, *плуг*, *ручник*, *дятел*, *валет* — глупый человек; *тормозить*, *не догонять*, *тупить*, *не врубиться* — недопонимать; *гнать пургу*, *гнать беса* — нести чепуху, нелепость. Это касается и слов, характеризующих вождевленное для многих студентов действие: *двигать*, *драть лапты*, *хилить*, *линять* — уходить, прогуливать, сбегать с занятий.

Многие студенты применительно к девушке предпочитают пользоваться словами: *бикса*, *муха*, даже *лушпайка* (неприятная девушка).

Родителей студенты также не обошли своим вниманием, приискав им «ласковые» прозвища: *предки*, *черепа*, а выражение «шнурки в стакане» означает, видимо, огорчительное для них обстоятельство: родители дома.

Студенты весьма не прочь повеселиться, порадоваться жизни, правда, на свой лад: *балдеть*, *торчать*, *тащиться* (получать удовольствие, наслаждение); *бухать*, *дербалызнуть*, *раздавить пузырь* (выпить спиртное), *пойти на дискоскачки* (на танцы в дискотеку); *хавать*, *чавкать* (есть); *трещать* (смеяться).

Однако не забыты и другие, не столь радужные, состояния души,

когда все *параллельно, фиолетово, по барабану* (безразлично, все равно), когда приходится *бычить* (соображать, разбираться, понимать, уяснять) или *пун драть* (надрывать, кричать); когда надо *фильтровать базар* (выбирать выражения), а то и *обломать рога* (поставить на место зарвавшегося); когда встречаешься с тем, кто *опунел, оборзел* (обнаглел, потерял совесть); кто любит *грузить* (обманывать, врать) или норовит заполучить что-то *на халяву* (просто так, даром).

Жаргон — это средство заострения житейских проблем, результат стремления выйти за границы официального словоупотребления. Общеупотребимые слова иногда кажутся недостаточно яркими, образными и острыми, чтобы выразить эмоциональное отношение к обозначаемому предмету. Так, нервный срыв определяется *разносторонне* (*крыша сорвалась, покосы начались, пошел по фазе*). Выразительными, хотя и грубоватыми, выглядят жаргонизмы, относящиеся к именованию частей тела человека: *бубен* (голова), *табло* (лицо), *бельма, чичики* (глаза), *хавало* (рот), *грабли* (руки), *копыта* (ноги).

Неприятно, что в студенческой речи часты и жаргонизмы, заимствованные из лексики уголовников: *хаза, ботать по фене, сляпнуть, замазаться, снюхались* и т. п.

У студентов технических вузов немало специфических жаргонизмов, которые условно можно отнести к «вербально-техническому» творчеству: *вышка* (высшая математика), *тряпки* (материаловедение), *болты* (прикладная механика), *станки* (технология производства), *бульбулятор* (ЭВМ).

Наконец, есть специфические слова местного происхождения, связанные с особенностями территории, быта, климата и т. п.: *прокуратура* (столовая через дорогу), *патисон, партизан* (дискотека), *репка* (репетиция), *обезьянник* (генератор импульсных напряжений).

Жаргон — это одна из форм языкового общения, к которой не стоит относиться пренебрежительно, т. к. в нем иногда выражается подлинное отношение молодежи к какой-либо проблеме или явлению.

Луганск

ОТВЕТЫ НА ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

1) Неверно произнесены глаголы, надо: *откупорить*, *закупорить*. Произношение же с ударением на третьем слоге «Орфоэпический словарь русского языка» под ред. Р. И. Аванесова характеризует как неправильное (помета ! *неправ.*).

2) Алеша не случайно назвал мальчика из сказки Глинушку Лепунюшкой, и Миша догадался по значению корней и суффиксов, по образованию имени, какую сказку рассказывать. Глинушка — мальчик, слепленный из глины. Алеше запомнилось, что мальчика лепили, отсюда корень образованного им имени *Леп*; далее имя *Лепуня* плюс ласкательный суффикс *-юшк* — *Леп + ун + юшк + а*.

3) Здесь смешение прилагательных *ножной* и *ножевой*. Прилагательное *ножные* образовано от существительного *нога* при историческом чередовании *г* и *ж* путем присоединения суффикса *-н*, а от существительного *нож* может быть образовано только прилагательное *ножевой* (*нож + ев + ой*).

4) Слово *имя* имеет несколько значений (в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова отмечено восемь), здесь это слово использовано в значении «известность: та или иная репутация». И Татьяна Шмыга, как мы знаем, из этой фамилии действительно создала известное имя.

5) Неверно образовано существительное ж.р. — название лица по профессии — *экономистка*. Существительное м.р. *экономист* используется для обозначения лиц и мужского, и женского пола. В русском языке много таких существительных, например: *актер*, *врач* и некот. др. Образованные от них существительные ж.р. *актерка*, *врачиха* просторечные. А, скажем, *директорша* (от *директор*),

инспекторша (от *инспектор*), *докторша* (от *доктор*), *начальница* (от *начальник*) — разговорные. Как отмечено в словаре вариантов Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича, Л. П. Катлинской «Грамматическая правильность русской речи» (М., 1976), «в строгом стиле письменной речи, в деловых документах, публицистике, научной прозе, отчасти и в разговорной речи развивается тенденция к использованию существительных мужского рода для названия женщин. Даже в тех случаях, когда легко образуется суффиксальная параллель женского рода, предпочитается „мужской“ вариант с обобщенным значением деятеля безотносительно к полу названного лица» (с. 103).

б) Ошибка в употреблении формы превосходной степени прилагательных. Как известно, форма превосходной степени прилагательного от положительной образуется либо присоединением суффиксов *-ейш-*, *-айш-*: *интересн[ый]* + *ейш* → *интереснейший*, *велик[ий]* + *айш* → *величайший* (здесь историческое чередование *к* и *ч*), либо путем присоединения слова *самый* (в соответствующей форме) к положительной степени: *самый* плюс *интересный*. Значит, здесь надо было сказать либо *любимейшая тема*, *популярнейший анекдот*, либо *самая любимая тема*, *самый популярный анекдот*.

Мурманск

Уважаемые читатели!

Подписка на журнал «Русская речь» принимается во всех отделениях связи. Ищите индекс журнала (70788) в Каталоге Федерального Управления почтовой связи (ФУПС)
